

Рудольф Штейнер

**СРЕДНЯЯ ЕВРОПА МЕЖДУ
ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ**

GA 174a

Космическая и человеческая история (т.6)

***Двенадцать лекций, прочитанных в
Мюнхене между 13 сентября 1914 и 4 мая***

1918

Перевод с немецкого А. Демидов

СОДЕРЖАНИЕ

Первая лекция
Мюнхен, 13 сентября 1914

Духовные основы военного конфликта. Событие в Сараево. Франц Фердинанд после смерти. Неверные суждения о ситуации со стороны авторитетных политиков. «Загадки философии». Здание в Дорнахе. Канонада из Эльзаса. «Мудрость только в истине» Статья о Роберте Михеле. Война 1866 и 1870-71 годов. Война как жертва и как учитель самоотверженности. Мы ищем братского союза с теми, кто воюет на войне. Мантрические изречения для связи с воюющими и павшими. Решающие события. Пунические войны, великое переселение народов, современная война.

Вторая лекция
3 декабря 1914

Связь отдельной человеческой души с Народной Душой в бодрствовании и во сне. Самобытность французской, итальянской и русской Народных Душ. Значение Михаила для явления Христа в эфирном. Переворачивание военных конstellаций в духовном. Опустошающее действие имагинаций, не дошедших до сознания. Связь немецкого оккультизма с духовной жизнью немецкого народа. Противоположность между немецким и британским оккультизмом.

Третья лекция
23 марта 1915

Изречения для умерших друзей. Значение момента смерти для жизни между смертью и новым рождением. Различие европейских народов, - их задачи и судьбы. Действие духовных сил в подосновах военных событий. Отделение от Теософского Общества в связи с войной между Англией и Германией.

Четвертая лекция
29 ноября 1915

Умершие как помощники в антропософской работе. Душевные переживания после смерти. Посмертное «я»-сознание благодаря ретроспективному взгляду на прошедшую жизнь. Прохождение в обратном порядке переживаний сна непосредственно после смерти. Действия рано умерших в духовном мире.

Пятая лекция
18 марта 1916

Клевета со стороны миссис Безант. Задачи пятого и шестого культурного периода. Сущность русского человека. Восточная и Западная Европа. Средняя Европа и оккультизм нового времени. Цель западных орденов: связь между Восточной и Западной Европой при исключении средневропейской духовной жизни. Е.П. Блаватская. Использование её оккультных способностей для политических целей Запада. «Пророчества» мадедуазель Тебес. Убийство Жореса. Западноевропейские масоны и русские тайные союзы.

Шестая лекция
20 марта 1916

Возникновение физического тела. Связь нашего эфирного тела с животным царством, а нашего астрального тела с растительным царством. Предчувствие таких связей Океном и Шеллингом. Работа иерархий в членах нашего существа. Духовнонаучное мышление и практический жизненный смысл: Карл Христиан Планк. Древняя мудрость в одной картине мастера Бертрама. «Братья Карамазовы» Достоевского. Кропоткин.

Седьмая лекция
19 марта 1917

Значение четвертой эпохи в послеатлантическом времени, значение пятой эпохи в атлантическое время. Омоложение человечества. Остановка человека на двадцатисемилетней ступени: Рудольф Ойкен и Вудро Вильсон. Жизненные практические познания благодаря духовной науке. Мысли к умершим: Людвиг Дейнхард и профессор Сахс. Вторжение личного элемента в общество. Клевета хозяйничанье клики. Последствия: ограничение личных разговоров.

Восьмая лекция
20 мая 1917

Необходимость раскрытия внутренних душевных сил. Малодушие по отношению к новому, зацикленность на прошедшем, на примере Мориса Барреса. Извращение идей французской революции вследствие чисто теоретического понимания. Правомерность идей братства, свободы и равенства для тела, души и духа. Ликвидация духа вследствие Собора от 869г. (*мнимо вселенского 8 собора -примеч. перев.*) Ликвидация души посредством некоторых медикаментов. Заблуждения в понимании импульса Христа. Адольф Гарнак. Вынужденное силой посвящение римских императоров. Недостаточность воли в мышлении в наше время. Неверное сравнение между государством и организмом у Кьеллена (*шведский политолог и политик, 1864-1922-примеч. перев.*) Вред, приносимый духовной науке вследствие вторжения в Общество личного элемента.

Девятая лекция
14 февраля 1918

Духовная наука сегодня. Сон и бодрствование по отношению к мышлению, чувствованию и волеию. Перевооруживание соотношений сознания в жизни после смерти. импульсы исторической жизни будут переживаться на уровне грёз. Ложные представления у историков относительно прошлого и будущего. Общение с умершими. Искалеченное мышление. Внимательное и образное мышление в общении с умершими. Умершие в юности и в старости. Духовная наука действует на чувство и волю.

Десятая лекция
17 февраля 1918

Является ли наше время спиритуальным или материалистическим? Задача ариманических существ и Архангелов. Духовная борьба Михаила. Зеркальное отражение событий перед и после 1879: 1844-1879-1914. Март 1917. Внезапная смерть, смерть от болезни. Сороковые годы 19 века. Мистерия Голгофы. Цикл о Народных Душах. Александр Московскис, «Сократ-идиот». Иисус как больной.

Одиннадцатая лекция
2 мая 1918

Растущая враждебность к антропософии со стороны представителей религии. «Христос в них»: смешивание Христа с Ангелом. «Бог» и «дух» в словарях. Маутнер и Болль. Люди больше не могут становиться старыми. Экзамен на одарённость, тест на интеллектуальность. Голова и конечности. Действие Народных Душ посредством различных элементов.

Двенадцатая лекция
4 мая 1918

Характеристика тенденций времени: ограниченность в мышлении, филистерство в чувстве, неумелость в воле. Судьба

Иоганна Генриха Ламберта. Расширение переживания благодаря вниманию по отношению к мировым ритмам. Ллойд Джордж как представитель нашего времени. Древняя спиритуальность у Рабиндраната Тагора. Задатки новой спиритуальности в немецкой духовной жизни. Президент Вильсон как представитель американской разновидности духовности. Притупленность многих людей после двадцатисемилетнего года жизни. Хаотические проблески реального духопознания у Отто Венингера. Имагинации, инспирации и интуиции в жизни после смерти. Стремление к подражанию как продолжение душевного настроения, предшествовавшего рождению. Содействие умерших при преодолении великих вопросов жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ

ПЕРВАЯ ЛЕКЦИЯ

Мюнхен, 13 сент. 1914

Духовные основы военного конфликта. Событие в Сараево. Франц Фердинанд после смерти. Неверные суждения о ситуации со стороны авторитетных политиков. «Загадки философии». Здание в Дорнахе. Канонада из Эльзаса. «Мудрость только в истине». Статья о Роберте Михеле. Война 1866 и 1870-71 годов. Война как жертва и как учитель самоотверженности. Мы ищем братского союза с теми, кто воюет на войне. Мантрические изречения для связи с воющими и павшими. Решающие события. Пунические войны, великое переселение народов, современная война.

Я глубоко удовлетворён тем, что карма распорядилась так, что мы в этот вечер можем быть вместе, и можем сказать несколько слов в это серьёзное время. Но прежде всего, давайте в это мгновенье вспомним о тех, кто стоит там, вонне, кто приносит своё мужество, свою жизнь, свою кровь в жертву тем задачам, которые ставит перед людьми это чрезвычайное время. Давайте направим

наши любящие, взывающие о помощи мысли, к тем, кто находится на линии огня, на первой линии, к тем, кто часто присутствовал вместе с нами на наших общих рассматриваниях, а теперь стоит там, вовне и непосредственным образом принимает участие в тех великих событиях, которые происходят сейчас как развитие народной и человеческой кармы. Прежде всего, тем, кто связан с нами, и затем в более широком смысле всем другим. Затем давайте, некоторым образом, предпримем обзор как более близких, так и более дальних связей, которые мы и в остальном отыскиваем в поле нашего духовного потока, которые завязаны от души к душе, будучи вызваны великими событиями. Так что направим наши любящие, просящие мысли на тех, кто стоит на полях (сражений); и в знак того, что мы связаны с ними встанем с наших мест и направим к ним следующие слова:

Духи ваших душ, деящие стражи
Ваши крылья могут донести
Наших душ молящую любовь
Вашей защите доверенным
Людям сфер,
Чтобы соединяясь с вашей мощью
Наша просьба, помогая, сияла
Душам, которые она, любя, ищет.

Мы хотим отослать вам наши любящие мысли, чтобы Он, Христос, Спаситель был с вами, Христос, Которого мы ищем, Который в наше время призывает души к тому, чтобы в дисгармонии искать гармонию, чтобы те души, которым Он должен причинить боль (*denen Er Schmerz zufügen muß*), наверное пришли бы ко спасению, которое необходимо им, чтобы исполнился смысл предназначенный человеческой и народной кармой; с вами, с вашими душами мы хотим соединиться в то время, которое связывает нас с единственным Духом Земли, со Христом.

Задолго можно было предвидеть то, что так ошеломляюще разразилось теперь над, - вполне можно сказать, - земным человечеством. Это разразилось столь ошеломляющим образом, так как при этом событии оказывали содействие, - об этом уже можно сказать, - оккультные причины, которые, в сущности, стали постепенно обнаруживаться, начиная с 28 июня. (1914). (*Убийство эрцгерцога Франца Фердинанда в Сараево - примеч. перев.*) Именно в наше время можно вполне реально увидеть, как человек по отношению к духовному миру может познавать всё новое. На то, что я имею теперь в виду, я могу указать, в сущности, лишь парой слов. Когда я возвращался в июле из Швеции после цикла лекций

в Нордкёппинге, я должен был обратить внимание каждого из тех, кто был связан с современными событиями, на то, как событие в Сараево обнаруживает для оккультистов достойные внимания последствия; как это событие явилось внешним симптомом, насколько иначе повёл себя этот умерший, нежели иные умершие, которых можно было наблюдать на оккультной арене раньше. Так в оккультных подосновах земных событий исключительно быстро разыгралось то, что затем страшно быстрыми шагами разразилось также и на внешнем физическом плане в последние дни июля и первые дни августа. Однако наверняка даже в душах тех, кто в последнее время далеко отстоял от духовной жизни, имелись некоторые предчувствия, некоторые определенные ощущения относительно наличия духовного мира. Необычны, и надо сказать, несравнимы события, которые переживает земное человечество теперь.

Когда я, мои дорогие друзья, обращаю к вам первые слова, то пусть они будут тем, что мне хотелось бы присоединить к замечаниям, которые всё чаще и чаще делались в последние годы в рамках наших духовнонаучных рассматриваний. Чем должна быть связь с духовной жизнью в глубинах души, та духовная жизнь, которую мы ищем? Уверенность и внутреннюю силу - вот что должна она дать нам, уверенность в том, что она даст нам прочность во всех изменениях времени, изменчивых событиях, ту прочность, за которую можно будет держаться. В такое время, как это надо дать влиться в наши души чему-то иному, вере в непобедимость духовной жизни и её задач, мы должны научиться увязывать с внешними событиями дня эту веру в победу и в победоносность духа.

В первые дни августа, когда постепенно со всех сторон, можно сказать со всех стран света приходили бури, - как объявления войны, - я должен был вспомнить о словах, высказанных в последнее время, словах, которые кому-то теперь могли бы врезаться в память, и которые, в сущности, очень, очень близки к тому, что я только что сказал. Одна важная персона (*Готтлиб фон Ягов, госсекретарь германского Министерства Иностранных Дел*) за несколько недель перед тем, как разразился кризис, в одном значительном месте заявила следующее: со всеми властями мы имеем самое дружественное взаимопонимание. Мы пришли к соглашению, после того, как весной этого года в России была запущена компания в прессе, которая нашла отклик даже в немецких и венских газетах: не надо обращать внимания на развязанную компанию в прессе, надо придерживаться старых дружественных, соседских отношений. - Одно слово, которое дает над чем подумать, было высказано в июне: ослабление

напряженности сделало успехи, - и вот ещё одни слова той же самой речи: переговоры с Англией ещё не завершены, но проводятся в том дружественном духе, который и прежде господствовал в наших отношениях с Великобританией. - Представьте, а что сейчас! Представьте то, как изменчиво на физическом плане может быть то, во что сегодня человек верит, и что он вынужден, вследствие хода событий увидеть в ближайшие недели. Вообразите себе волны, порывы, шатания и бури событий на физическом плане, вообразите себе, а нужны ли эти волны, эти бури? Можно сказать: чему можно было верить сегодня, уже завтра обнаруживается как неверное. Сколь необходимо в этих бурях иметь нечто надёжное, прочное, то, что сегодня, завтра и послезавтра, да и во всей вечности останется истинным! То, что верно - есть истина от духа, от миссии духа, истина, пронизывающая всю эволюцию человечества.

Поистине симптоматично, - я хочу упомянуть об этом совсем не оттого, что здесь есть кое-что личное, - поистине симптоматично и символично говорит душе вот это: вы знаете, в июле появился первый том моей книги «Загадки философии». Второй том был допечатан до 206 страницы, когда разразилась война. Это было перенаправление мыслей от французских философов Эмиля Бутру, Бергсона к немецкому философу Пройсу, указание на то, как Бергсон выводит мысли, несколько легкомысленно оставляя без внимания то, что уже ранее с весомой основательностью, - причём предвещая наше теософское мировоззрение, - было в последней трети 19 века было постигнуто неизвестным, одиноким мыслителем Пройсом. Я пытался дать подобающее место этому одинокому мыслителю. Тогда случилось так, что печать должна была быть приостановлена; она должна была продолжиться лишь позднее. Она прекратилась на переходе от Франции к Германии (*то есть от французских философов к немецким - примеч. перев.*). Разразилась война. Пустые страницы в (типографских) листах, напечатанных на две трети, я должен был рассматривать как символ того, что разыгрывалось между Западом Европы и Средней Европой, по которым как раз и проходил путь моего повествования.

Выступало навстречу и иное, что тоже могло иметь символический характер. Я позволю себе напомнить также и о нашем строительстве в Дорнахе, которое было до известной степени успешным, хотя и не настолько, как нам бы этого хотелось. Может быть, некоторые наши друзья знают, как часто подчёркивалось, - пока это ещё имело смысл в отношении обсуждаемых фактов, - как часто подчёркивалось, не только как моё сердечное пожелание, но как необходимость, стоящая перед

глазами, что строительство здания должно быть завершено первого августа этого года. Возможно теперь, следовало бы поразмыслить над тем, что было бы тогда, если бы здание было завершено именно первого августа. Конечно с тем, что рассматривалось как пожелание, нельзя было бороться против фактов; среди некоторых вещей, о которых я не хочу говорить сегодня, которые должны были быть разрешены в связи со зданием, было и разрешение акустической проблемы для огромного пространства посредством более сильного резонанса. В июльские дни, когда здание уже было задействовано, можно было, сказав на определенном месте пару слов впервые предчувствовать, что если когда-либо здание будет закончено, акустическая проблема будет действительно решена. На определенных местах можно было услышать проявление резонанса в таком виде, который и должен был ожидаться в соответствие с оккультными расчетами для этого места. Так можно было ожидать, что слово и музыкальные звуки будут звучать действительно так, как они должны были звучать. Это был своего рода идеал, уже в августовские дни услышать внутри слово, которое должно говорить о Духе. - То, что впервые услышали наши друзья в нашем здании, было отголоском канонады, грохотавшей в непосредственной близости на полях сражений в Эльзасе. Так помещение, для которого мы молились об отзвуках слов, посвященных духу стало сначала свидетелем грома артиллерийской канонады, которая раздавалась совсем не так далеко. Другие наши друзья, тоже, в некотором смысле символически, видели то, чего мы ожидали, будто крупного идеального события. Мы давно ожидали, что сможет прозвучать благовестие духовного света, духовного мира, что этот свет духовного мира проявится; но как-то ночью мы видели блеск от форта Истейнр, дошедший оттуда; в течение четырёх минут этот свет пронизывал и сквозил через наше здание: вот звук и свет современных событий.

Но через душу могут проходить также и другие мысли и чувства. 26 июля я говорил нашим друзьям о том, что касалось нашего здания, и немногими словами указывал на серьёзные времена, которые заглядывают в наши окна. Я должен сказать: только сквозь слёзы я мог читать письмо, которое один наш молодой друг вскоре написал своей матери, которая присутствовала 26 июля. Непосредственно после этого он был призван на службу, отправился на свою австрийскую родину, и из сил духовной жизни, которую он, - он был достаточно молодым нашим сочленом, - извлекал из наших устремлений, он также достиг и той силы, чтобы в самом прекрасном, я бы сказал,

священном, самом чистом смысле занять то место, на которое поставила его карма.

Был также другой, кто тоже присутствовал 26 июля, кто сам мне писал, отправляясь на сербский фронт полный ощущения. Оно, с одной стороны, было близко к уверенности, вытекающей из веры в победу и победоносность духа, а с другой стороны, было близко полностью одухотворенному ощущению непосредственного участия в событиях нашего времени в том месте, на которое он был поставлен.

Поистине, мои дорогие друзья, в это время чувствуют возрастание души, созревание души. Нечто прекрасное и величественное говорило бы нашему сердцу, если бы мы смели видеть, что все ощущения, все чувства, в течение лет наполнявшие душу нашего друга, способны в нынешней трудной ситуации привести человека правильным образом к надлежащему месту.

Если говорить об уверенности, которую человек должен достичь благодаря рассмотрению духа и духовной сущности, то ощущение уверенности внутренне связано с нашим девизом, который подражает словам Гёте, повторяет их: «Мудрость заложена только в истине». Среди больших надежд, вытекающих из нынешних событий, надежд, которые смеет питать человек, есть также одна, что всё, связанное с этим девизом «Мудрость только в истине», что всё это может быть запечатлено только вследствие великих, болезненных, глубоко захватывающих испытаний человечества. Всё, что связано со словами: «Мудрость только в истине» должно всё глубже и глубже входить в людей. И сейчас уже многое благодаря великому наставнику, который говорит на языке снарядов, содействует преодолению материализма.

Незадолго до того, как разразилась война, я читал слова, написанные одним авторитетным журналистом: «Вопреки протесту господина Либкнехта, я остаюсь при мнении, что правящий режим не только имеет право, но и обязан отрицать истинное и утверждать неистинное. Это право, этот долг, управляемый коллективной нравственностью ограничивается двумя условиями: такая неправдивость не должна быть доказуемой и не должна противоречить государственным интересам». – Сопоставьте это изречение с тем, что мы избрали как девиз, когда основывали Антропософское Общество: «Мудрость только в истине!». Многие будут разрушены, так как совсем другие ощущения вызываются в душах тех, кто чувствует серьёзность современной ситуации.

Как часто, мои дорогие друзья, благодаря тому, что говорится на нашей почве, возникали слова, которые звучали так: не только то, что происходит на внешнем физическом плане, является

действительностью, но и мысли человека являются величайшей действительностью, являются силой, действительной властью. Однако мы всё же признаём за истину: такие вещи могут высказываться только в рамках спиритуального потока. Теперь, во время одного весьма сложного путешествия, которое я должен был предпринять, мне попался в руки журнал, датированный 1 сентября 1914 года. В нём была одна очень красивая статья об одном солдате, Роберте Михеле, который, сражаясь, записывал свои мысли. Статья прекрасно описывает, как была объявлена мобилизация, как он со своими товарищами втягивался в нечто неизвестное. Для нас имеют значение последние слова: «Но долг каждого, оставшегося в монархии, изо всех сил действовать для поддержки, пока не будет одержана победа. Все хорошие слова, сердечные призывы и благие пожелания, которыми нас наделяли при отправке, умножали уверенность. Это были отрывки, которых нельзя забыть. Этот прилив душевных сил должен распространиться и дальше, в армии; воля к победе должна, вибрируя притекать от каждого отдельного человека к сражающимся на фронте. Пусть никто не отдыхает перед финалом, который готовится на Севере. Тот, кто бездейственно вынужден наблюдать необычные усилия армии и Империи, пусть старается направить душевные силы ради того, чтобы внести свою лепту. Кто внимает Богу, пусть молится, - а кто не может молиться, пусть сосредоточит все свои мысли и силы воли в пылком желании победы, - а тот, кто не может ничего иного, пусть прижмёт большой палец к ладони и говорит: «мы должны победить, мы должны победить!» Так, даже самые слабые внесут свой вклад в победу.»

Этот солдат, оказавшийся на войне, пишет оттуда слова, которые являются отзвуком того, что часто высказывалось на почве духовной жизни: кто не может молиться, пусть сосредоточит свои мысли и силы воли в пылком желании победы. - Вера в дух - вот что видим мы в начале чудовищных событий.

Мы не должны предаваться иллюзиям. Много в ближайшее время может выглядеть совсем иначе, но наступят времена, которые сделают истинным то, на что следует указать несколькими словами. Мирской прогресс должен совершаться, то, что должно совершаться, совершается; порой оно происходит очень примечательным образом, когда воля людей направляется поэтапно, так что видно, как от ступени к ступени, поистине так же, как делает это воспитатель, в душу вливается то направление, в котором она потом движется. Надо только взглянуть на короткий отрезок времени, чтобы увидеть духовные власти, распростертые

над человеческими силами, духовные власти, которые педагогически действуют ради прогресса человечества.

Надо развить мысли относительно ближайшего времени, которое не всегда принимают в расчет. 1866 год: немецкие братья встают против немецких братьев, немцы против немцев (*так называемая «Братская война» Пруссии и Австрии - примеч. перев.*). Ещё не прошло десятилетия, наступает 1870-1871 (*Франко-прусская война - примеч. перев.*): часть немцев (Пруссия) должна последовать за великими событиями, в которых другая часть (Австрия) участвовать не может. Один мой учитель в Венской высшей школе часто высказывал слова, которые тогда запали мне глубоко в сердце: «Мы, немцы в Австрии должны осознать, как то, что происходит, является нашей судьбой, а не виной, - то, что мы не смеем участвовать в исключительном событии». - Теперь настало время, когда сковываются вместе обе части, как сковываются вместе железной силой те части, которые были сперва враждебны, а потом одна обходилась без другой.

Это не случайность, это значительно, важно, - не требуется столетий, чтобы этот великий урок был передан на все последующие времена: продвижение человечества, то, чего хотят для человечества духовные иерархии, должно произойти; но это может происходить в самых различных формах. Вплоть до какого-то известного пункта должно быть достигнуто нечто вполне определенное. Допустим, - не потому, что это как раз соответствует тому, что я хочу сказать, - допустим, что до 1950 года над человечеством должна быть излита определенная сумма жертвенной воли, способности к любви, самоотверженности, борьбы с эгоизмом. Допустим, что к 1950 году будет достигнуто то, что должно произойти, то, чего требуют знамения времени. Это происходит с одной стороны, вследствие того, что было сказано к сердцу человека, что человек доверяет силе слова, что то, в чьих руках находятся человеческие судьбы, хочет духовным образом подойти к человеческой индивидуальности, пытаясь увести её так далеко, чтобы дух мог воздействовать на неё. Но часто приходится подступать иному наставнику, второму учителю, который говорит посредством жизненных доказательств. И мы видим его успехи, да ещё как! Какая неизмеримая сумма жертв, человеческой любви и самоотверженности создается в удивительно короткий срок в нашу эпоху материализма, когда выступает великий учитель - война. Она с одной стороны несет в себе нечто страшное, но с другой стороны приводит к тому, что в оккультизме называют железной необходимостью, которая должна осуществиться, чтобы в эволюции человечества было в определенную эпоху достигнуто нечто определенное. Проливаются потоки крови, блёкнут дорогие

жизни, другие в один момент вырываются из физической жизни, встречаясь с вражеской пулей. И всё это происходит в наше время в чудовищном масштабе. Что всё это означает? Это великая жертва, мои дорогие друзья, необъятная жертва, приносимая на алтарь эволюции человечества. С одной стороны стоит то, что должно проникнуть в человеческую эволюцию, что должно быть передано человечеству, чтобы это человечество продвинулось вперед, и с другой стороны стоит необходимость жертвы.

Бесконечно значительным было для меня совместное созерцание того, как искренне связаны вследствие смерти души тех, кто теперь принимает непосредственное участие в великих событиях. Тут можно часто увидеть, как те, кто был сражен вражеской пулей, были приняты в духовный мир, не будучи пробужденными со своими большими индивидуальностями, как они ещё были также связаны с тем, что происходило внизу. Я не знаю, сможете ли вы почувствовать вместе со мной, что это означает: совместно созерцать, как за бойцом на поле битвы, который ещё воюет, правит, защищая, физическая личность того, кто уже нашел смерть, и кто ещё связан с тем, кто находится на физическом плане. Это относится к тем моим оккультным переживаниям, которые я не могу сравнить ни с какими другими. Не пробудившиеся воины, которые воевали внизу, которые прошли через смерть, остаются связанными с событиями и находятся как бы в качестве второй личности за тем, кто ещё воюет внизу на физическом плане. В духовных мирах тоже есть вещи, которые вливают уверенность в наши сердца, когда эта уверенность дается нелегко.

Кто думает о том, сколько процентов от численности человечества воюет сегодня друг с другом, кто думает о том, в начале чего мы стоим, - это событие длится несколько недель, - каких огромных потерь, человеческих жизней стоили эти немногие недели, тот может стать колеблющимся, может подумать: что будет, если всё это продлится долго? - И если меня это часто поражает, это может поразить кого-либо, - мне приходит на ум мысль: происходит нечто правомерное, то, что предназначено духовным миром, - вот что происходит. И если человек уверен в том, что воюют не только живые, но и умершие остаются связанными с их роком, тогда тут всегда будут находиться определенные силы.

Другое приходит ко мне в это время. Наше Общество объединяет в некий общий духовный поток принадлежащих к самым разным расам, народам, которые сегодня настроены враждебно по отношению друг к другу. Пусть же это приносит некоторое утешение! Посмотрим назад, на то время, которое так

непохоже на наше, мало подобно ему, на время, которое нам описывает Бхагават-Гита, на время, когда имели место часто описываемые отношения между людьми, когда люди ещё жили в малых кругах, ограниченных кровным родством. Переход от этого времени кровного родства ко времени, когда кровные родственники вступают в борьбу, описано в Бхагават-Гите, где Великий Дух указывает Арджуне: по ту сторону стоят твои братья, а здесь стоишь ты, вы должны будете сражаться друг с другом, те, в жилах которых течет одна и та же кровь; но это даст возможность придти к примирению в духе. - Из того, что не должно бороться с собой, развивается то, что борется с собой: это некая железная необходимость, нужная для человеческой эволюции! Дух выстраивает мост над тем, что один брат противостоит как враг тому, что развивает другой брат, дух сглаживает то, что в дисгармонии противостоит друг другу. То время было непохоже на наше. Мы проделываем обратный путь в рамках нашего духовного потока. Мы стараемся снова собрать то, что было рассеяно в мире, чтобы те, кто принадлежит самым различным нациям, охватили друг друга, стали братьями в наших рядах. Теперь мы видим, как один, приехавший из Франции, оставил другого, видим, как один вступает в немецкую армию и должен ожидать, что ему придется противостоять в борьбе тому, с кем он расстался как с антропософским другом. Это противоположная ситуация: рассеянные члены человечества снова ищут друг друга в духе, и мы ориентируемся, если мы в духе действительно серьёзно понимаем истину, серьёзно постигаем её. Только нам надо найти дорогу.

Я могу сказать, что нам, немцам, трудно ориентироваться, может быть труднее всего! Это может звучать для вас странно, что я так говорю, но нам это действительно трудно, трудно по той причине, - без какого-либо хвастовства, - поскольку нам всегда трудно оправдать самих себя, поскольку нам легче оправдывать других, нежели себя. Это трудно нам по той причине, поскольку современное человечество, - особенно в настоящее время, - не очень-то легко будет, можно сказать, с настоящей объективностью, непредвзято и невозмутимо рассматривать то, на что часто указывалось в нашей духовной науке, на то, что можно найти в лекциях о Народных Душах. Было бы необходимо, чтобы все, кто в наше время в истинном смысле постигают духовную жизнь, научились понимать, как это Народные Души, настоящие, истинные Народные Души образуют своего рода хор, когда они живут друг с другом в гармонии. Но надо свыкнуться с их существом, а это возможно только в духе.

Действительно, настоящее время не подходит для того, чтобы обратить внимание на то, что говорит тут посредством чувств и ощущений в подосновах души, но мне хотелось бы обратить ваше внимание на нечто иное, на то, что у нас существует путь, чтобы в тайном диалоге, интимном, внутреннем диалоге вместе с Духом Народа, которому мы принадлежим, искать путь, по которому правильным образом должны идти наши души. Я лишь могу посоветовать вам, если вы найдёте несколько минут, именно в настоящее время, использовать следующую формулу, чтобы разбираться в современной мировой ситуации:

Ты, Дух моего земного пространства!
Раскрой свет древности своей

Почему «древности»? «Древность», «возраст» - так говорят в случае духовных существ, когда в земных условиях следовало бы сказать «свет Твоего существа». «Древность», «возраст» для духа то же самое, что «сущность» для земного.

Ты, Дух моего земного пространства!
Свет древности своей раскрой
Преданной Христу душе,
Чтобы стремясь, она могла найти
В хоре мирных сфер,
Тебя, звуча от хвалы и мощи
Человеческого чувства, преданного Христу.

(О, Ты, Душа моей Земли,
Раскрой свет древности твоей
Верной христианской душе,
Чтобы, устремляясь
В хоре мирных сфер,
Она могла найти Тебя,
Звуча хвалой и мощью
Христом исполненного чувства человека)

Тут мы находим путь к Народному Духу, к которому мы принадлежим, и путь от этого Народного Духа к диалогу Народного Духа со Христом, который является Учителем всех Народных Духов. И если вы соединяете себя со Христом, если вы правильным образом соединяете себя с Народным Духом, тогда все эти Народные Духи, которые правильно ведут народы, - об этом

можно узнать из книги «Духовное водительство человека и человечества», - смотрят на Христа, как на своего Наставника.

Часто мне доводилось надеяться на неправдоподобие того, что в Народном Собрании на Востоке, в Государственной Думе, в конце речи, в которой правитель потребовал от своего народа принять участие в войне, последними словами были: «Бог России велик!». - Было бы ужасно, если бы это слова были сказаны именно так: бессознательный вызов духа, чей характер можно себе представить, если вызов совершается в отношении ограниченной области, если он не совершается по отношению к духу, который связан с судьбой человечества так, что даже те, кто противостоят друг другу как враги, ставят себя ему на службу, когда они вместе со своим благом ищут блага человечества. Христос, когда Он ведет народ, ведет этот народ так, чтобы вместе с благом народа обреталось и общечеловеческое благо. Мы с правом взываем к Народному Духу, с которым мы внутренне искренно связаны, так что мы взираем вверх, как он со своей стороны говорит со Христом. Тем самым могут быть подготовлены многие мысли, которые должны оставаться в духовной атмосфере человечества до того времени, когда за столь значительной войной последует столь же значительный мир. Как я сказал, жертвой является то, что приносится на алтарь человечества; священной кровью является та, которая пролита на нашу Землю, кровь, которая станет свидетельством того, что те, кто сейчас, в этой борьбе народов поднимается из физического мира в духовный мир, снова вернуться назад в будущей инкарнации, чтобы стать важным участником в духовном прогрессе человечества. Итак, это жертва, великая жертва! То, что происходит теперь, должно происходить так; и кто хочет посмотреть назад в прошлые времена, чтобы отыскать там первопричины, тот должен будет смотреть вплоть до времени пунических войн в третьем столетии до Р.Х., когда римскому полководцу, - об этом можно прочесть в истории, - понадобились абордажные мостики, чтобы иметь первый значительный успех. Сегодня с этим сопоставимо то, что разыгрывается как первое событие в этой войне. Грядущие описания истории будут указывать на это; в такие вещи входить трудно.

Другое ведет нас назад в те времена, когда римляне воевали с германцами, когда судьба человечества решалась на многие тысячелетия. Именно тогда пришло третье великое событие, оно наше, оно действительно будет иметь значение, как имели его тогдашние пунические войны, которые, конечно, по своим масштабам были малы в сравнении с нынешними мировыми событиями, которые, однако, качественно, по своему значению,

ещё вторгаются в наше время. Как те великие, носящие для людей определяющий характер, события, которые связаны с Великим переселением народов, известным образом повторяются, - весь общечеловеческий цикл охватывается этими временными данными, - и как тогда в Риме решалось то, что должно было тогда произойти, чтобы та форма человеческого «я», какой была она в 3 столетии до события Голгофы, перешла в более позднюю, чтобы эта форма «я» благодаря римлянам нашла путь, который должен был быть найден для всего того, что происходило с тех пор, - так и сегодня, та форма «я», которая должна быть наиболее важной для ближайшего общечеловеческого цикла, аналогичным образом устанавливается в борьбе народов. Речь идет о глубочайших импульсах человечества.

Но тогда, когда мы связаны с тем, что мы в течение лет исследуем в духе, мы можем нести в себе веру в победу и победоносность духа. Тогда на всё, что приходит, мы смотрим с этой верой, и знаем, как то, что происходит, стоит под водительством высших иерархий и будет идти своей дорогой. От нас зависит только правильным образом идти вместе по этой дороге. Но мы делаем это, если находим правильный путь к наблюдению нашей кармы, если мы не отвлекаемся от задач, которые ставит перед ними великое время. И если мы порой можем быть благодарны тому, что дает нам духовная наука, на первом месте должно стоять одно: то, что духовная наука обостряет наш дух и наш взгляд, когда мы смотрим на то, что хорошего и правильного можем сделать мы, стоя со своей личностью на своём месте. Чем в большей степени мы делаем это конкретно и не эгоистически, без всяких задних мыслей, чем в большей степени духовная наука обострила наш взгляд и сделала наше сердце восприимчивым, тем больше мы будем понимать тот язык, на котором сейчас в это суровое время говорят с нами.

Одной из формул, которые даются из духа в это время, является та, которая уже может быть дана здесь перед нашими друзьями, которая позволяет нам представить себе смысл того, что мы можем увидеть теперь, как нечто, до краёв исполненное боли. Необъятную боль в душах создает наше время, обязательно велика жертва, которая требуется, обязательно должна быть также и жертвенность и восприимчивость к чужой боли. Христос воскресает для многих только тогда, если мы понимаем Его так, что знаем: у других не может быть такой боли, которая не была бы также и нашей болью; ибо всюду где выступает боль, она является нашей собственной болью. Пока для нас сохраняется возможность наблюдать у кого-то другого боль, которую мы не сопереживаем как нашу собственную боль, до тех пор Христос ещё не полностью

вошел в мир. Боль другого не должна быть вне нас, она не должна избегать нас! Тяжек, велик и далёк этот идеал, но столь же тяжек, велик и далёк идеал Христа. Он будет достигнут тогда, когда рана, которую мы имеем на себе жжет не сильнее, чем рана на ком-то другом. Поэтому хорошо приучить себя, оказывать помощь благодаря следующим словам, направляемым сообществу или кому-то другому, кто страдает от боли:

Пока ты ощущаешь боль,
Которая меня минует,
Христос в созданных мировых
Творит, ещё не познан.
Ведь слабым остаётся дух,
Раз только в своём теле
Он может ощущать страданье.

Сначала надо попытаться прочувствовать эти слова. Если посредством первой формулы мы можем особым образом достигнуть связи с Народным Духом, то посредством этих строк можно проникнуться тем образом мыслей, таким настроением, которое позволит боль человечества, боль человеческого сообщества сопереживать в собственном существе и всё, что мы делаем, делать в истинно христианском смысле. Пусть же мы будем поступать так в это время, особенно проникаясь образом мыслей духа!

Раны, нанесённые пулей, мои дорогие антропософские друзья, не будут поддаваться излечению, если в том удивительном микрокосме, которым является человеческий организм, не будет целых сил. Хорошо то, что практикуется в наших ветвях, а также происходит и здесь благодаря нашему дорогому другу доктору Пейперсу; инструктаж по перевязке ран. Это хорошо потому, что может легко произойти так, что мы должны будем это использовать. Однако, когда мы подступаем к таким задачам, мы должны знать, что дух реален, он есть действительность, и что наша помощь, оказываемая во время перевязки, в случае того или иного повреждения, того или иного страдания была бы более действенной, если бы мы при этом находились в правильном отношении к духу, нежели без такого правильного отношения. Если мы занимаемся ранением человеческого организма, мы связываем с этим правильные мысли, мы думаем так:

Кровь, теки,
Вытекая, действуй,
Движущий мускул,

Двигай зачатки,
Любящей заботы,
Тёплого сердца,
Будь целящим дыханьем

Ибо в той крови, которая вытекает из раны, заложен знак, что за ней лежат силы, которые являются силами, исцеляющими рану.

Кровь, теки,
Вытекая, действуй,
Движущий мускул,
Двигай зачатки,

Те зачатки, которые отмирают, когда ударила пуля. Правильное ощущение посылаете вы для того, кто накладывает перевязку, чтобы помочь ближнему:

Кровь, теки,
Вытекая, действуй,
Движущий мускул,
Двигай зачатки,
Любящей заботы,
Тёплого сердца,
Будь целящим дыханьем.

Давайте дадим этому настроению, этому образу мыслей проникнуть в нашу душу, давайте наполним им всё наше существо, когда мы помогаем ближнему, и тогда, мои дорогие друзья, дух будет помогать в том, что мы как физические люди можем оказывать как помощь. Давайте чаще думать о тех, кто один к одному стоят, подвергаясь опасности, давайте думать, когда мы начинаем наши собрания, о тех, кто стоит вне нашего круга, действуя на поле сражения. Формулу, предназначенную для этого, ту, которую я в самом начале направлял к стоящим в поле битвы, отдельный человек может направить к отдельному человеку.

Дух твоей души, деящий страж,
Твои крылья могут донести
молящую любовь моей души
Твоей защите доверенному
человеку Земли,
чтобы, соединяясь с твоей мощью,
моя просьба, помогая, сияла

сердца входят существа, силы и волевые импульсы духовного мира. Образуется связь, проявляющаяся из всего, что мы переживаем как боль и горе, эта связь создается между человеческой душой и божественными духами, которые содействуют, правят и руководят судьбой человеческой души. И человеческие души будут находить эту точку опоры. Пусть же человеческая душа обретет то, что имеется в виду, когда в нашей формуле говорится: «Преданная Христу человеческая душа могла бы, стремясь, найти:

Тебя в хоре мирных сфер,
звуча хвалой и мощью
чувства человека
преданного Христу!»

Мои дорогие друзья, мы, возможно, не везде можем участвовать в борьбе, может быть, мы не везде можем делать то, в чем мы хотели бы принять участие в соответствии с нашим идеалом, тем не менее, для нас есть возможность участвовать в великих событиях в смысле вышесказанных слов. Во многих местах, в самых разных местах мы можем быть на своём месте, один тут, другой там. Однако там, где мы всегда на месте, - поскольку каждый человек всегда на месте, к которому он принадлежит также в соответствии с общечеловеческими связями, - это то место, где должна действовать любовь, сила, которая приходит к нам благодаря любви, это то место, где боль, страдания и лишения людей требуют действовать, размышлять, помогать, это то место, где мы чувствуем, что мы в самых глубинах нашего сердца должны быть связаны с другим человеком; к нему мы должны обращать свой взор, поскольку он, своим мужеством, кровью и жизнью жертвенно защищает наше общее священное достояние. Вот почему путь ещё раз, как и в начале, так и в завершении, наши мысли будут направлены к тем, кто, как только что было сказано, поставлены в центр событий нашего времени:

Духи ваших душ, деящие стражи,
Ваши крылья могут донести
Наших душ молящую любовь
Вашей защите доверенным людям Земли,
Чтобы, соединяясь с вашей мощью,
Наша просьба, помогая, сияла
Душам, которые она, любя, ищет.

И пусть же Дух, Которого мы ищем, ищем с помощью нашей науки, ищем нашим сердцем, Дух, Которому хочет служить наше

духовное движение, будет нашим Вождём. Путь будет Он и Вождём всего человечества, ибо те среди людей, кого Он ведёт, не будут следовать своей цели в одиночестве, но всё человечество будет следовать Ему.

Верный путь найдёт тот народ, который сумеет довериться Христу. Смея думать так, мои дорогие друзья, мы в течение лет стремились, стремились ко Христу. Пусть же время, разразившееся теперь, станет для нас временем испытаний, предстоящих перед нами, пусть же мы так скуём учение о духе с нашей душой, что оно станет нам помощником во время испытаний, чтобы эти испытания превратились для нас в силу, которая не замыкается на нас самих, но станет общечеловеческой! Пусть же тот дух, который ведёт нас вверх, ко Христу, поможет нам проникнуть к Тому живому, космически-земному Христу так, чтобы наши мысли всегда правильным образом могли быть посланы тем, кто стоит вовне, там, где решается судьба народов и человечества, для того, чтобы и им помогал верный Дух, Который руководит развитием человечества столь мудро, что это развитие человечества в конце концов принесет этому земному человечеству исцеление и благо! Пусть же то, что мы можем сделать, мы сделаем ради того, чтобы те, чью жертвенную кровь теперь пьёт Земля, когда они когда-либо будут призваны, чтобы в качестве важных сочленов вмешаться в дальнейший ход развития Земли, спустятся вниз так, чтобы из того, что произошло на самой Земле, им выступило навстречу то, из чего они узнают: поистине не напрасно пролилась на Землю та кровь, которую эта Земля произвела!

Все, кто не был непосредственно призван к тому, чтобы пролить свою кровь, должны помнить о том, что им надо работать так, чтобы дух пронизал земную эволюцию, чтобы они сделали всё, для того, чтобы этот дух смог пронизать земную эволюцию, чтобы те, кто принес свою священную кровавую жертву, обрел нечто такое, что сделало бы их кровь не пролитой напрасно. Если мы будем так сотрудничать с земной эволюцией, тогда мы, не будучи призваны на фронт непосредственно, будем вести себя так, чтобы свободным взором смотреть в происходящее и не стыдиться самих себя. Если бы мы не стали так делать, стали бы закрывать глаза, мешая свободному взгляду, мы чувствовали бы себя с одной стороны принадлежащими нашему времени, но не имеющими сил принадлежать ему достойно. Духовная наука может в известном смысле узаконить себя, если сможет содействовать людям в получении этих сил, сил, с одной стороны поддерживающих тех, кто пролил свою кровь, а также сил, которые должны быть даны тем, кто должен оказывать помощь иным образом, - каждый на своём месте.

Итак, духовная наука может сказать: я являюсь средством, чтобы во время великих испытаний дать человечеству возможность выстоять в этих испытаниях. Тогда духовная наука достигнет своей божественной цели.

Этими простыми словами мне хотелось бы завершить сегодняшний вечер, мои дорогие друзья; мне было дорого то, что я мог переживать их вместе с вами.

ВТОРАЯ ЛЕКЦИЯ

Мюнхен, 3 декабря 1914

Лекция, прочитанная позавчера, легко может вызвать ощущение, как если бы, лишь об одной Народной Душе следовало односторонним образом говорить из чистой симпатии. Если бы духоиспытатель стал говорить сегодня об этих вещах из чистой симпатии, руководствуясь страстями, то наверняка случилось бы так, что всё, сказанное им, не имело бы особой ценности как духовное исследование, или всё, что он должен был сказать, будучи направляем страстями, в сущности, внутренне было бы неверным, неправдивым. Насколько то, что говорилось позавчера, несмотря ни на что, должно было быть высказано для современности, как связанное с глубочайшими познаниями духовной науки, - вы должны выяснить себе из особенностей той позиции, которую занимает духовный исследователь по отношению к той или иной Народной Душе.

Уже из самых элементарных антропософских сообщений мы знаем, что под Народными Душами мы понимаем не то, что посредством абстрактных понятий понимает под этим внешний экзотерический мир. Совершенно определенные существа, следует сказать, имеющие ранг Архангела, - об этом всего лишь достаточно прочитать в цикле лекций о «Миссии отдельных Народных Душ» (т. 121), - существа с неким сознанием, которое выше, чем человеческое сознание, руководят делами народов. И мы смотрим вверх на эти Народные Души и говорим о них как о действительных, реальных существах, именно о более реальных существах, нежели мы сами как люди. Как вступает человек в отношении его душевно-духовного существа в отношении с этими Народными Душами? Этот вопрос мы и хотим, прежде всего, поставить.

Мы знаем об изменении жизни человека в отношении его сознания, изменении между бодрствованием и сном; мы знаем, что человек должен бодрствовать, будучи внутри своего физического и эфирного тела и что он потом, между засыпанием и пробуждением существует в своём астральном теле и «я». Если человек между засыпанием и пробуждением находится со своим астральным телом и «я» вне своего физического тела, тогда он находится в регионе, который, - в смысле отношения человека к Народной Душе, к которой этот человек в первую очередь принадлежит в одной определенной инкарнации, - который является совершенно иным, нежели тот регион, в котором находится человек по отношению к этой Народной Душе, будучи в своём физическом теле. Человек благодаря его речи и благодаря многому другому рождается в области своей Народной Души. Как действует эта Народная Душа на человеческую душу, на то, что во сне извлечено наружу из физического и эфирного тела, что, однако при бодрствовании существует в теле? Как действует Народная Душа народа, к которому принадлежит человек, на индивидуальную душу этого человека?

Она действует, в сущности, только в то время, в которое человек погружен в физическое тело, то есть от засыпания до пробуждения. Человек тогда погружен в силы физического и эфирного тела, и в эти силы также посредством, можно сказать, своего рода щупальцев, погружено то, что является Народной Душой, душой того народа, к которому в наибольшей степени принадлежит этот человек в одной инкарнации. Так что мы погружаемся не только в наше физическое тело, мы погружаемся также в некоторую часть нашей Народной Души. В то время как мы от засыпания до пробуждения находимся в нашем физическом теле, мы, с тем, что происходит в физическом теле, живём внутри этой Народной Души. Из того, что мы испытываем в сообществе с Народной Душой в течение нашего бодрствования, достоянием нашего опыта становится не то, что Народная Душа наговаривает, нашептывает туда, где мы полностью осознаём это в «я», а только то, что она, исходя из эфирного тела наговаривает в подсознание астрального тела, то, что она окрашивает, нюансирует, придавая нашему чувству и темпераменту некоторое направление. Вот то существенное, в наших отношениях с ней. Тот, кто вследствие своей подобающей инициации способен наблюдать, как разыгрывается всё происходящее, когда человек погружается в физическое тело, тот видит, созерцает встречу с Народной Душой при погружении в физическое тело. Но он созерцает и нечто иное. По тому, как я говорю об этом, вы скоро узнаете, что в рамках

того, что должен сказать духовный исследователь о той или иной Народной Душе, должна господствовать объективность.

В те моменты, когда духовный исследователь правильным образом оказывается пронизанным силой и светом духовно-душевного начала, и делается способен сознательно жить, будучи независимым от тела, он живёт так, что может наблюдать, где находится человек даже в том случае, если он со своим духовно-душевленным, со своим астральным телом и «я» находится вне физического тела. Там духовный исследователь наблюдает, как каждая человеческая душа бессознательно между засыпанием и пробуждением погружается в окружение Народных Душ, актуальных для этого время. Итак, в то время как человек, когда он погружается в физическое тело, находится вместе с Народной Душой своей национальности, то в состоянии сна он в течение соответствующего времени находится вместе с другими Народными Душами, за исключением той, с которой он находится вместе в физическом теле во время бодрствования.

Духовный исследователь имеет достаточно возможностей для того, чтобы познакомиться с особенностями других Народных Душ, ибо как скоро он в своём свободном от тела состоянии осознает себя самого, он живёт в душевно-духовном вместе с другими Народными Душами точно так же, как он в физическом теле живёт вместе со своей собственной Народной Душой. Было бы совершенно невозможно, исходя из обычных эмоций, страстей односторонним образом говорить то или иное об одной Народной Душе. Однако если духовный исследователь сознательно живёт вместе с другими Народными Душами, то это сознание показывает ему также и то, что каждый человек между засыпанием и пробуждением бессознательно связан с другими Народными Душами, хотя и несколько иначе, нежели со своей собственной Народной Душой. Когда человек погружается в физическое тело, он учится, пусть даже бессознательно, познавать отдельную Народную Душу с её сущностными свойствами, познавать её наиболее важную деятельность в её воздействии на себя. Во сне, или в интернациональном состоянии он учится познавать другие Народные Души, но уже не как отдельные, но в их взаимодействии; лишь его собственной Народной Души нет при этом. Другие действуют совместно как в одном хороводе, и в пределах того, чем является эта их круговая совместная деятельность, человек живёт, подобно тому, как днём в физическом теле он живёт со своей Народной Душой. Итак, тут (в состоянии сна) человек живёт вместе не с отличительными свойствами одной Народной Души, но с неким взаимодействием. Имеется лишь одно, вследствие чего человек в свободном от тела состоянии, то есть во сне, может

оказаться как бы принуждённым, может с гарантией оказаться принуждённым к тому, что он будет вырван из нормального совместного бытия с хороводом Народных Душ и будет вынужден жить лишь с одной чуждой ему Народной Душой. Поймите меня правильно; это ненормально - быть вместе с одной чуждой Народной Душой; но человек может дойти до этого, если он особо эмоционально ненавидит эту другую Народную Душу. Тем самым он обрекает себя, чтобы быть вырванным из хоровода других Народных Душ и в состоянии сна находиться лишь с этой одной Народной Душой, подобно тому, как во время бодрствования он находится вместе с собственной Народной Душой.

Это объективные истины, которые даёт духовный исследователь. Они показывают вам, что горькая серьёзность имеется во фразе, которую часто высказывают со стороны духовной науки: то, что выступает навстречу нам во внешней действительности, есть Майя, великое заблуждение, и что за этой Майей, за этим покровом лежат истины, о которых тот, кто довольствуется лишь этим покровом Майи, не только не может узнать ничего посредством своего рассудка, но не может узнать ничего и посредством своей воли. - В наше время есть много, много людей, которые ещё не могут увидеть того, что лежит за покровом этой Майи. Поэтому они не могут понять, что существует такой сверхчувственный, невидимый мир, и что там человеческая душа относится к другим Народным Душам совершенно иначе, нежели могут об этом грезить. Если человек серьёзно воспринимает духовную науку, когда она указывает на сферы, связанные с нашей душой, тогда он должен мириться с тем, что тут духовная наука указывает на условия духовного мира, погружаться в которые поистине неприятно, неудобно, - пусть даже на уровне сознания, - так что человек противится этому всей своей волей. Он не желает погружаться, ему хотелось бы, чтобы истины по отношению к очень многим вещам были иными. Не только рассудок, но даже воля противится тому, что часто вынуждена говорить духовная наука как горькую, серьёзную правду; это нечто такое, что мы хотя бы однажды должны поставить перед своей душой. Из ощущения, которое могло быть вызвано только что высказанным изложением, мы чувствуем, что основная позиция, - которой мы придерживаемся в рамках нашего духовного движения, - о некотором действии, без различия расы, цвета (кожи), национальности и так далее, - в сущности, тесно связана с глубинной сущностью нашего движения; что для того, кто понял глубинную серьёзность духовнонаучных истин, было бы вздорной нелепостью не представлять, не защищать это основную позицию. Это действительно было бы вздорной нелепостью, ибо в самых

глубинах человеческого начала ненавидеть существо какой-либо Народной Души как раз и означает обрекать себя на то, чтобы во время сна точно также подсознательно совместно находиться с этой Народной Душой, как во время бодрствования человек подсознательно находится вместе с той Народной Душой, которая является его собственной. Ибо нормальным совместным бытием с Народными Душами во сне является такое: быть вместе со всем хором других Народных Душ, проявляющихся для данной эпохи. Чтобы человек не посмел быть односторонним, - об этом заботится мудрое устройство мира.

Мы часто подчёркивали, как то, что человек должен проделать в ближайшие годы, которые он проживёт между смертью и новым рождением, в некотором отношении зависит от последствий его жизни в теле между рождением и смертью. Но к этой жизни в теле принадлежит также, - это мы можем извлечь из того, что было только что изложено, - связь с Народной Душой. Эта связь с Народной Душой, как я говорил, окрашивает нас, придаёт нам оттенок; то, что Народная Душа в качестве импульса возбуждает в нашем душевно-духовном существе, мы забираем с собой в духовный мир, когда мы проходим через врата смерти; от этого, как такового мы должны будем постепенно освободиться. Если мы размышляем над этим, нам должно становиться яснее, что от формы и способа того, как человек живёт совместно со своей Народной Душой, зависит, какую позицию займёт он по отношению к этой Народной Душе в своих последующих действиях после смерти.

Давайте рассмотрим две европейские нации, относительно только что поднятого вопроса: русский народ и французский народ. Жизнь Народной Души, в сущности, состоит в том, что эта Народная Душа со своим сознанием должна проявлять активность иным образом, нежели человек с его сознанием. Как действует человек со своим сознанием? Он направляет взор вовне, на горизонт внешних фактов, но может также направить взор назад, на свою собственную душу. Мы знаем, что люди в некотором отношении отличаются друг от друга. К одной группе принадлежит, например, Гёте, который основывается на объективном взгляде на вещи; к другой группе принадлежит Шиллер, который в большей степени занят своим собственным внутренним миром, исходя откуда, он совершает то, что он должен создать. Примерно такими являются и Народные Души, но именно примерно, ибо их сознание совсем иного вида, нежели сознание человека. Народные Души занимают различные позиции по отношению к отдельным индивидуальностям, принадлежащим к данному народу. Когда они направляют свой взгляд вовне, это

является в большей степени волевым взглядом, взглядом, который посылает импульсы в отдельного человека, принадлежащего данному народу. Они объективно действуют вовне, когда они направляют себя к отдельной индивидуальности. – Или же они могут в большей степени жить в своём внутреннем мире. К таким Народным Душам, которые в большей степени не предаются, так сказать, реалистической установке Народных Душ, задействованной на индивидуальностях, но отдают предпочтение идеалистической установке Народных Душ, в большей степени обращенной на жизнь в себе, особенным образом принадлежит французская Народная Душа. Эта французская Народная Душа, в том виде, как она сегодня пронизывает французский народ, имеет известную остановку в сознании вследствие того, что она обращает взор назад на более древнее время. Я уже часто обращал внимание на то, что мы имеем наше физическое обычное бодрствующее сознание вследствие того, что мы погружены в наше пространственное тело. После смерти мы имеем наше сознание вследствие того, что мы смотрим назад на время нашей прошлой жизни. Так как мы уже предчувствуем наиболее характерные черты того высшего сознания, которое раскрывается не в пространстве, а во времени, нам будет не так уж трудно немного понять, что за сознание имеет французская Народная Душа. Она возжигает своё «Я», когда она взирает назад на Древнюю Грецию, ибо она есть, в сущности, своего рода повторение, новое пробуждение Древней Греции. Этот древний эллинизм снова оживает во французской Народной Душе, точно так же как египетско-халдейский третий послеатлантический культурный период оживает в итальянской Народной Душе. Вот почему итальянская Народная Душа имеет больше возможностей возбуждать душу ощущающую в отдельной человеческой индивидуальности, принадлежащей этому народу. Собственная природа французской Народной Души пробуждает в отдельной человеческой душе душу рассудочную или характера. Это можно вполне доказать на примере отдельных подробностей. Даже отдельные исторические факты становятся, удивительным образом понятны, объяснимы, если при этом привлекают общие результаты духовной науки.

В этом направлении следовало бы указать на нечто ещё. Вспомните: что было своеобразной чертой египетской Народной Души? Тогда существовала астрология, непосредственно действующая на душу. Народная Душа смотрела вовне на движения небесных тел и в том, что происходит в Космосе, она не усматривала, как это происходит сегодня, всего лишь материальные процессы, но действительно воспринимала за тем,

что происходит снаружи, реальных духовных существ. Она вступала в отношения со всем Космосом, как вступает в отношения один человек с другим человеком, зная про этого другого человека, что у него сквозь всю его физиономию проглядывает душа. Такой физиономией для древнего египтянина было всё, так что он воспринимал душевное начало в природе. Смысл поступательного развития к новому времени был таков, что имевшая место раньше элементарная способность, непосредственно возжигавшаяся в телесности человека, в новое время, в пятую послеатлантическую эпоху, стала его внутренним достоянием, его душевностью. То, что проделывал египтянин, носило более элементарный характер; итальянец же проделывал это так, что внутри себя повторял то, что происходило в его душе ощущающей вследствие того, что в этой душе ощущающей он испытывал это духовно-космическое начало, но испытывал более внутренним, ушедшим в себя образом. Что могло бы в большей степени уйти в себя, стать внутренним, как не египетская астрология в «Божественной комедии» Данте: это истинное воскресение египетской астрологии, но на внутреннем уровне!

Точно также мы можем указать, как, - не в сознании отдельного француза, а в действии импульса Народной Души, - просвечивает древнее греческое начало, древний эллинизм. Это можно проследить вплоть до самых новейших открытий, вплоть до отдельных подробностей; хотя такие открытия не встречаются с должной серьёзностью. Греция и, - как они называли другие народы, - «варвары»; даже это оживает снова. Можно указать на то, что во всей французской литературе и искусстве, - я имею в виду не осознанные, а более глубинные импульсы, - это древнее греческое начало оживает так, как оно и должно оживать в наше время. Итак, мы тут имеем перед собой Народную Душу, которая переработала всё, что было в греческом начале, в эллинизме, Народную Душу, которая поэтому чрезвычайно сильно действует на отдельные человеческие индивидуальности, которая пронизывает и охватывает эти индивидуальности. Следствием отсюда является то, что если отдельная французская душа погружается в физическое и эфирное тело, она погружается в ткань и сущность резко запечатленной деятельности Народной Души. Импульсы этой Народной Души она находит четко запечатлёнными. Вот почему происходит так, что этот француз, когда он воспринимает в своём физическом теле эти чёткую, отчеканенную жизнь и ткань Народной Души, живёт в этом в большей степени, нежели в своём элементарном самоощущении, он в большей степени живёт в образе, в представлении, которое он составляет себе о французах, и которое тут возгоняется вверх от

Народной Души. Он живёт образом француза. И с этим образом связано всё то, что имеет для него большое значение: «слава», «честь», и так далее. Француз живёт в собственном образе, который поднимается вверх из эфирного тела. Он сильно отчеканен, это фантастический образ, он соткан вместе с духовно-душевым существом отдельного человека; это образ, сильно подвижный в эфирном теле француз забирает с собой, когда он через смерть идёт в духовный мир. Ему очень трудно отвязаться от своего эфирного образа. Представление, составленное им о самом себе, следует за ним, оно прочно связано с ним.

Совершенно иное отношение Народной Души русского народа к отдельной индивидуальности. Эта русская Народная Душа не повторяет в том же самом смысле какую-либо послеатлантическую культуру, как французский народ; это молодая Народная Душа, она мало впечатывается в эфирное тело. Поэтому отдельная индивидуальность, принадлежащая этой русской Народной Душе, погружаясь в своё эфирное тело, встречает мало отпечатков; поэтому также, когда она переходит в духовный мир, она берет с собой мало отпечатков, мало эфирно сотканных фантастических образов. Так различаются души в отношении к их Народным Душам после смерти. С одной стороны мы имеем воинство таких отдельных душ, которые прошли через смерть, и которые принесли наверх в духовный мир четко сотканные образы своего собственного существа. На другой стороне, на Востоке, мы видим восходящие молодые души, принадлежащие к молодой Народной Душе, приносящие наверх мало четко сотканных, втекших в эфирное тело человеческих образов.

Как я уже часто сообщал, мы стоим перед великим событием грядущего времени: выступлением Христа в совершенно особенном образе. Сегодня я не собираюсь сообщать об этом. Однако Ему предшествует с последней трети 19 века в качестве борца за соответствующую подготовку человека к Явлению Христа тот Дух, которого мы называем Духом Михаила, - борца, предшествующего Солнечному Духу. Теперь всё зависит от того, чтобы в духовном мире это событие, которое должно духовно наступить для человечества, было соответствующим образом подготовлено. Но это может произойти только тогда, если в духовном мире будет проработан чистый образ эфирно являющегося в будущем Христа, Который должен явиться перед человеком как эфирный облик. Но для этого необходимо, чтобы тот, кто шествует перед Солнечным Духом, Михаил, довел до конца борьбу в духовном мире. Для этой борьбы он нуждается в помощи тех душ, которые приносят наверх в духовный мир мало жестко отпечатанных, четко отчеканенных фантастических образов. Так мы видим Дух Михаила, и в его свите

некоторое число русских душ, ведущих борьбу за очищение духовного горизонта, видим их в жестокой борьбе с душами, пришедшими с Запада и приносящими вверх четко отчеканенные фантастические образы. Эти образы должны быть рассеяны, растворены. Мы видим, что эта борьба между Востоком и Западом готовилась с последней трети 19 века, острая борьба, которая должна была послужить прогрессу человечества и которая состояла в том, что европейский Восток духовно боролся против европейского Запада, что духовная Россия вела острую духовную войну против духовной Франции. Мои дорогие друзья, это относится к самым потрясающим событиям современности - видеть, как в том же масштабе, в котором здесь внизу, на арене великого заблуждения заключается союз между Западом и Востоком (имеется ввиду Антанта - примеч. перев.), а наверху, в духовном мире происходит острейшая борьба европейского Востока, России, против европейского Запада, Франции. Тут мы имеем дело с одним из тех случаев, которые так потрясающе действуют на духовного исследователя, когда он может видеть, как то, что находится за покровом внешне чувственного мира, часто является противоположностью тому, что происходит здесь, внизу, в стране заблуждения. Но я хотел бы всё снова и снова предостеречь; не следует верить, что такие дела можно уладить посредством спекуляций. Очень сильно ошибся бы тот, кто из того, что было сказано мною относительно отдельного случая, - что духовное выступает в качестве противоположности к тому, что делается в области грубой Майи, - захотел бы вывести заключение, что всегда должен исходить из противоположности, желая перейти от физического к духовному. Ибо имеются случаи, когда в духовном мире вещи разыгрываются точно так же, как в физическом. Между этими случаями и другими, когда события в духовном и физическом разыгрываются столь противоположно, как в случае союза Франции и России, существует множество промежуточных ступеней.

Сегодня люди ещё слишком мало ощущают то, исходя из каких импульсов духовная наука должна делать свои сообщения. Наше время стало, я хотел бы сказать, в известной степени легкомысленным, а именно в отношении того, что отдельный человек рассматривает как информационную ценность, ценность информации; ибо слишком мало задаются вопросом об ответственности того, кто сообщает, ответственности перед теми, кто физическими глазами берется рассматривать связи духовного мира. Возможно, я позволю себе, - не из личных причин, но только ради иллюстрации, - сказать кое-что в связи с лекцией, прочитанной мною позавчера. Видите ли, в этой открытой лекции,

в которой я, конечно, мог говорить только внешне, экзотерически, я говорил, тем не менее, не столь экзотерически, как это обычно полагают, и я был бы рад, если бы на таких лекциях, хотя бы немного взвешивали культурные задачи, которые имеет духовная наука. Именно в преподнесении и форме высказывания того, что должно быть сказано, должно выражаться то, что стоит за сказанным как духовная наука. Это не какие-то спонтанные произвольные идеи, это нечто взаимосвязанное. Возьмите такой пример: я сказал, что человек, если он хочет вынести суждение об отношениях отдельных европейских наций в этой войне, должен был бы учитывать историю; так, например, он должен был бы вспомнить о том, что Австрия приняла свою миссию на Балканах с подачи английской политики, и что, в сущности, всё то, что было предназначено для Австрии, было следствием импульса, донесенного до неё из Англии. Я говорил, что надо обращать внимание, надо принимать к сведению то, что Австрия, а, тем самым и Германия, пришли к особому антагонизму с Россией. Это является следствием того, что Англия, оставив своё собственное занятие, борется против Германии, в то время, как центральные силы пришли к антагонизму с Россией из-за того, что Австрия, вследствие английского импульса была уполномочена на Балканскую миссию, и даже на то, чтобы, оказав помощь туркам, остановить влияние русского Востока. Само собой разумеется, в одной экзотерической лекции, подразумевающей большую аудиторию, можно всего лишь указать на то, что может воздействовать на ощущения, именно те, которые сегодня следует пробудить. Однако, что же стоит за этим делом? Внешне, экзотерически мы видим английскую политику на стороне русской, которая именно вследствие действий Англии была доведена до своих последствий. Это мы видим внешним образом. Духовный исследователь, который видит эти вещи в духовном мире, может сделать сегодня весьма своеобразное открытие, в высшей степени замечательное открытие. Давайте допустим, что духовный исследователь стал бы, заняв особо перспективный пункт, смотреть снизу вверх. То есть, он на физическом плане занял бы перспективный пункт, и направил взор вверх на астральный план. Он мог бы занять этот пункт и выше астрального плана. Тогда он стал бы видеть то, что разыгрывается на физическом плане и как бы одновременно то, что разыгрывается на астральном плане. Это было бы подобно совместному плаванью. Не правда ли, если снизу вверх или сверху вниз смотрят сквозь астральный план, то сквозь астральный план видят физический план и наоборот. Если смотрят на физический план, то там Англия воюет против турок, с тех пор как турки объявили войну России. Однако это всего лишь Майя,

ибо в действительности астральное существо Англии воюет вместе с турками против России. Так что видно такое зрелище; на северо-востоке Англия воюет за Россию, а на юго-востоке Англия воюет за турок, то есть против России. Первое имеет решающее значение для физического плана, а второе – для астрального плана.

Если человек противостоит миру с такими познаниями, он чувствует: можно, конечно, не сообщать эти познания внешним образом публике, но они побуждают к тому, чтобы выставить на обозрение эту непоследовательность Англии на Востоке. Выделение этого пункта основано на познании духовных связей. Это то, посредством чего я хотел бы указать на ответственность, которую несёт человек при согласовании отдельных истин с той формой, в которой они даются. Нельзя подтасовывать материал излюбленным образом, - как делают это делатели книг или журналисты, - если чувствуют оккультную ответственность, но необходимо то, что должно быть сказано, извлекать из сущности действия времени. Не ради того, чтобы высказывать что-либо личное, но только чтобы обратить ваше внимание, сказал я то, что духовная наука, если она выступает перед миром с полной ответственностью, должна восприниматься со всей серьёзностью. Она не должна искажаться посредством всего того, что сегодня широко действует как журналистика, книжное делячество, которые, комбинируя, очень далеко удаляются от такого чувства ответственности по отношению к духовным властям времени. Именно в наше время, мои дорогие друзья, я позволяю себе немного обратить внимание на эту серьёзность духовной науки. Ибо наше время во многих отношениях показывает нам свой серьёзный лик, поистине серьёзный лик, и только те будут правы по отношению к этому времени, кто с достоинством поймут серьёзность этого лика.

Я хотел бы также, чтобы закрепить это для вас, провести перед вашей душой одну интересную для учеников духовной науки связь. Уже часто говорилось о том, что духовная наука выступила в современности отнюдь не потому, что была произвольным делом того или иного, или поскольку тот или другой создал её по своей склонности к идеалам и хотел бы преподнести её другим людям. Нет, она выступила потому, что теперь такая эпоха, когда духовные существа, которые держали закрытой дверь, раскрывающую человечеству эти истины, раскрыли её, чтобы эти истины изливались вниз в человеческую душу. Мы идём навстречу такому времени, когда люди должны будут всё больше и больше принимать мудрость, которая будет усваиваться душой не только в абстрактных понятиях, не только в серых идеях рассудка. Мы живём навстречу тому времени, когда в человеческие души в

человеческие чувства хочет войти то, что мы называем имагинацией. Можно сказать, если видишь эти вещи: они (имагинации) нависают тут, как плотные тучи нависают внизу над ландшафтом перед непогодой, они нависают в духовном мире, хотят войти в человеческие души и ждут, когда эти человеческие души созреют. Да, как раз настало такое время.

Тут существует своеобразный закон: это имагинативное начало, которое хочет войти в человеческие души, но как имагинации ещё не может быть воспринято в какую-либо эпоху, отбрасывают далеко вниз на физический план подобный Фата-Моргане, миражу, образ, отбрасывают столь же далеко вниз, насколько само это имагинативное начало находится над физическим планом. Эти имагинации вызывают в человеческих существах страсти, чувства, порывы, инстинкты, которые изживаются в антагонизме. И если сегодня проявляют инстинкты, извержения страстей, с которыми народы ссорятся друг с другом, это, ни что иное, как результат того, что имагинации, которые должны были бы быть восприняты европейскими народами, не могут спуститься вниз. Вследствие этого они отражаются посреди физического плана в подсознании людей в таких противоречащих истине страстях и инстинктах. В сущности, мы можем сказать, что всё, что мы переживаем в современности как выявление страстей и инстинктов, является выражением того, что обновлённые имагинации хотели бы вступить в мир культурного развития человечества. Всё то, что так часто выбрасывает на поверхность столь трагические явления, есть трансформированные имагинации, которые человечество не может охватить.

Опять-таки, - поскольку это никогда не казалось мне неважным, - я обращаю внимание на то, чего не следует говорить: мол, всякая война есть трансформированная имагинация. - Война может быть чем-то совершенно другим. С нынешней войной дело обстоит так, как я сказал. Но генерализация, обобщение, которое имеет значение для познания физического плана, не имеет значения для духовного мира. Здесь вещи должны быть исследованы в отдельности, индивидуально.

Сегодня мы видим, - и мне хочется сейчас поставить перед вашими глазами одно явление, чтобы пояснить его, - мы видим сегодня, как люди, принадлежащие к разным народам с ненавистью преследуют друг друга, как они бранятся между собой. Откуда это пришло? Если мы со всей глубинной серьёзностью принимаем концепцию повторных земных жизней, нам не покажется особо непонятным, что души в своих повторных жизнях проходят через различные национальности. Те, кто проделывает сегодня свою инкарнацию в немецком теле, возможно уже

готовится к тому, чтобы ближайшую инкарнацию проделать в английском теле; тот, кто сегодня инкарнирует в английском теле, возможно, готовится к тому, чтобы следующую инкарнацию проделать в немецком теле. Человек является таким двойным существом, двойственностью. Мы внешним образом стоим перед миром, - не только в отношении внешнего физически-чувственного взгляда, но и в отношении многого другого, - будучи вполне правомерным образом связанными посредством нашего физического тела с сущностью и тканьем Народной Души. Но во внутреннем мире уже приобретает цену то, что в другой инкарнации может оказаться совсем иным. Посреди различных вещей, враждебных человеку, он может оказаться враждебен своему собственному наиболее внутреннему существу. С ним - то, чаще всего, он и воюет. Он не знает, что это - его самое внутреннее существо. Возьмём англичанина, который предназначен посредством самого внутреннего в своей душе к тому, чтобы в следующей инкарнации стать немцем. Сегодня мы видим его, как он воюет против своего собственного внутреннего мира. Он воюет против своей ближайшей немецкой инкарнации. Сегодня это выражается в том, что он самым позорным образом ругает немецкое. Целясь в немецкое тело, он проявляет ярость против того, что в спиритуальном мире является его самым внутренним существом. Это, в сущности, столкновение души с самой собой, и только внешне, в Майе дело обстоит так, что там, по ту сторону пролива ругают людей из Средней Европы. В сущности, эта ругань относится к собственной душе. В этом обнаруживается глубочайший трагизм, который должен охватывать человека во всех его ощущениях и в своих наиболее внутренних импульсах, когда он там, где вещи становятся наиболее горькими и серьёзными, сравнивает внешнюю Майю с тем, что находится внутри него.

Так можем мы видеть Народные Души как реальных, живых существ, которые проникают, пронизывают отдельного обособленного индивидуума. И то, что переживает отдельный человек, он переживает, будучи связан с Народной Душой. На физическом плане, во внешней жизни, стоят сегодня люди по отношению друг к другу. Одна нация упрекает другую нацию за вину в войне, и считает, что тем самым сказано нечто особенное. Как в действительности обстоит дело с этими упреками и виной, с этими обвинениями? Карма каждого народа и карма данного народа само собой связана с тем, что изживает Народная Душа в народе, и как импульсы направляет в отдельное эфирное тело, а тем самым также и в астральное тело. Так живут отдельные нации, - друг рядом с другом и друг с другом, - в таких отношениях,

которые являются выражением отношений их Народных Душ с кармой этих Народных Душ. И если одна испытывает что-либо из-за другой, если с одной происходит то или иное из-за другой, это происходит не без связи с самой внутренней кармой. Поскольку Народная Душа является обособленным существом, существует также национальная карма. И в то время, как на внешнем экзотерическом уровне верят в то, что одна нация так или иначе обижает другую, то происходит это так, что всякая нация в том, что она переживает, переживает свою индивидуальную национальную карму. Если одна нация наносит поражение другой, то в этом поражении побежденной нации совершается нечто, что она сама нанесла себе посредством её собственной кармы. И если человек совершенно грубым образом, что с внешней стороны правомерно, говорит о праве одной или другой нации, это ни что иное, как если бы некто был стариком и видел рядом с собой маленького ребенка, который дерзок и наращивает молодую силу, и этот старик сказал бы: почему я стал таким старым, почему я всё снова и снова обнаруживаю свою ветхость? Я вижу: это ребенок, он отнимает у меня силы; когда я становлюсь старше, ребенок отбирает у меня силы. - В то время как старик теряет свои силы вполне естественным образом, он может поддаться обману, - ребенок этого не делает, но я, уже слышал такие вещи, - что ребенок, мол, отбирает у него его силы. Очевидно, что это бессмыслица, поскольку каузальные, причинные связи заложены в каждом отдельном существе. Но так обстоит дело и с кармой народов. Народы существуют друг рядом с другом, и если один народ побеждает другой, то это победа его кармы; если в результате этой самой победы другой народ оказывается побежденным, то для этого другого народа его поражение вызвано его другой кармой. Так духовная наука вносит реальное умиротворение в души, если она с другой стороны видит то, что противодействующие друг другу силы именно должны противодействовать друг другу.

Именно благодаря таким вещам сегодня можно указать на то, что духовная наука не хочет просто вести игру с сенсационными понятиями, но что духовная наука, если её рассматривают во всей её горькой серьёзности, действительно потрясает нашу душу и делает из человека другое существо, если он принимает её всерьёз. Только это должно по-настоящему броситься в глаза, броситься в глаза надлежащим образом: с какой поверхностностью порой духовную науку принимают за чисто рассудочную игру, тогда как надо было бы принимать её как то, что действительно может сделать из человека совсем другое существо. Многие будут дано,

если человек занимается такими вещами, будет дано понимание многих связей.

Если два человека имеют разные взгляды о каком-либо деле, разыгрывающимся перед ними, то один, как правило, бывает неправ. Можно было бы с легкостью доказать, что один из них неправ. Но индивидуальная жизнь людей протекает иначе, нежели жизнь наций. Нельзя идентифицировать жизнь наций с жизнью отдельного индивидуума, нельзя считать, что деяния наций могут подлежать тем же импульсам суждений, как жизнь отдельных людей. А то судят так, как никогда не следовало бы судить, судят, рассматривая отношения наций в некоем голубом тумане, как, например, в том случае, когда говорят, что надо было объявить войну Германии, так как она нарушила нейтралитет Бельгии, - как это говорят, - надо было объявить войну по моральным причинам. В политике просто бессмысленно использовать те же самые категории, которые с правом используются при вынесении суждения об отдельном человеке. Ведь, само собой разумеется, что интересы Германии требовали продвигаться через Бельгию, а интересы Англии требовали, чтобы этого не произошло. В тот момент, когда прямо утверждают, что есть интересы тут и есть интересы там, имеют перед собой нечто указывающее на то, что имеются противоположные интересы. Если два человека утверждают нечто противоположное, то можно доказать, что один из них неправ. Если же две нации должны делать нечто противоположное, тогда они именно должны это делать. Верить в то, что с суждениями одной стороны можно смести другую сторону, точно так же разумно, как если бы кто-то пожелал сказать: ты нарисовал мне дерево, у него есть сучки, один тут, другой там; это совершенно неверно, потому что дерево выглядит вот так. - И он рисует так, что здесь расположен один сучек, здесь, на другой стороне - другой и так далее. Один человек рисовал дерево с одной стороны, а другой человек - с другой. Конечно, это было бы можно соединить, свести вместе. Но то, что происходит в мировой истории нельзя исправить посредством простого совместного разглядывания. Когда Народные Души с их разнородным сознанием должны сделать какую-либо вещь посредством людей, то невозможно, чтобы кто-нибудь решал, применяя суждение типа: один прав, а другой неправ, - нет, тут имеются контрастирующие интересы, которые по необходимости должны разрядиться в таких явлениях, как нынешние. Этому не противоречит то, что сказано с той и с другой стороны. Как нельзя верить в то, что карма одного (народа) не стоит самостоятельно рядом с кармой другого (народа), так нельзя верить и в то, что посредством суждений с одной стороны можно опровергнуть

суждения другой стороны. Ибо один народ может иметь интересы, выступать против которых, не было бы нарушением долга со стороны государственного деятеля другого народа, в то время как, само собой разумеется, долгом государственного деятеля первого народа является – отстаивать эти интересы.

Суждения людей, суждения в сознании, которые мы имеем на физическом плане в рамках нашего физического тела, действительны лишь на арене рассудка и на уровне диалектики выравнивают то, когда одно суждение одерживает верх над другим. Иначе выносит суждение сознания Народных Душ. Они точно так же имеют отличающиеся друг от друга суждения, но эти суждения не являются чисто рассудочными суждениями, нет, они являются фактами. Если одно суждение одерживает верх над другим в сфере людей, то это не влечет за собой ничего плохого; при этом, хотя и убивают нечто, но не рассматривают это как смерть. Иначе обстоит дело, в том случае, когда происходит взаимное столкновение того, что господствует в сознании Народных Душ, и не является абстрактными суждениями, действующими на уровне диалектики, но действует как факты. Тут надо видеть железную необходимость того, что произойдет нечто (убийственное). При этом нужно иметь возможность некоторым образом принять в свою душу некую форму суждения, духовную форму, которая не согласуется с духовной формой, применяемой в повседневном общении.

Человек должен как бы мыслить с Народной Душой, мыслить посредством Народной Души, а не посредством отдельной индивидуальной человеческой души. Если человек мыслит посредством отдельной индивидуальной человеческой души, то, само собой разумеется, он попытается не выносить такое суждение, которое вступает в противоречие с другим суждением, ибо тогда он не смог бы жить в мире людей на социальном уровне. Если же человек должен мыслить и ощущать посредством Народной Души, мыслить и ощущать с Народной Душой, тогда наступит время, когда ему станет невозможно занять по отношению к ней какую-либо иную позицию, как только идентифицироваться с ней, и считать её содержание правомочным, не выходя за пределы этой Народной Души, не сравнивая то, что она должна делать с тем, что должны делать другие (Народные Души). Ибо это дело других, кто не позволяет свести себя к одному общему сознанию, которое идёт от сознания к сознанию. Вот почему вы поймёте, что с этой точки зрения можно задать вопрос: что должен сказать немецкий народ о своей миссии, если он чувствует себя потомками Фихте, Шиллера и других великих? - Он должен сказать: то, что сегодня

предпринимается, является внешним воплощением его духовной миссии, и что нельзя не вступить за это. Тот, кто принадлежит этому народу всеми фибрами души должен чувствовать: это должно было произойти. - Невозможно, чтобы тот, кто четко представляет себе, что должно исходить из немецкого народа, назвал это атакой. Атака, нападение на другой народ начинается тогда, когда начинают ругать этот другой народ. Эти вещи сегодня должны быть поняты особенно глубоко: наступление позитивного для того, чем является существо народа, означает, в сущности, ничто иное, как то, что на уровне индивидуального сознания позволяет сравнить себя с фактом, что человек может заботиться только о своём собственном теле, чтобы оно по возможности было в порядке, и не заботиться тем же самым образом о других телах.

Я прошу вас, заметьте, что здесь заложено нечто, задающее направление для суждения, которое мы можем получить из источника духовного исследования.

Когда мы заглядываем в ткань и сущность Народных Душ, и видим то, что находится позади, за тем, что разыгрывается внешне, то для, можно сказать, духовного исследователя именно сегодня дело обстоит поистине очень серьёзно, чрезвычайно серьёзно. Но нашему времени подобает серьёзность, и это в некоторой степени зависит от факта, что мы видели величайшие военные события наряду с большой потребностью времени основать культуру, которая считается с тем, что находится за чувственным покровом. И правильно судить о том, что разыгрывается сегодня во внешнем мире, будут те, кто видит во внешних событиях нечто подобное знаку, мощному мировому символу для восхождения чего-то нового в эволюции человечества.

Я говорил: не только рассудок с его предубеждениями в человеке восстаёт против того, что должна говорить духовная наука о сверхчувственных существах за внешними вещами, но и чувство и волевые импульсы восстают против. Они не хотят духовной науки, поскольку душа должна трансформироваться и относительно многого чувствовать и ощущать иначе. Вот что я говорил. И это тоже правда. Ведь мы спим не только ночью, мы частично спим и днём только ночью наше вожделение к физическому телу столь сильно, что оно подобно туману проникает наше астральное тело и «я» и угашает наше сознание. Когда мы с тем же самым астральным телом и с тем же самым «я» удовлетворяем это вожделение, втягиваясь в наше физическое тело, тогда то, что мы развиваем тут как сознание, проникается влияниями Народной Души и тут сознание снова пропитывается, так что тут, внизу, несмотря на то, что мы верим, будто бодрствуем, нечто всегда спит в нас. В сущности, в нас всегда

нечто спит; уже то является в нас сном, как воздействует в нас Народная Душа, ибо это происходит не в том же самом сознании, посредством которого мы выносим суждения во время дневного бодрствования. И к этому, к этому сну дня, который лишь прикрывается посредством обычного сознания, к этому сну принадлежат также воздействия Народных Душ других национальностей. Известным образом они действуют снова в спящей человеческой душе и вызывают другие явления, нежели во сне; однако они вызывают явления на физическом плане.

В то время как, например, немецкий народ благодаря Гёте обладал эволюционным учением, которое пришло из глубочайших недр самой немецкой сущности, этот народ оставил это учение без внимания и принял дарвинизм. Как итальянский народ должен развивать душу ощущающую, французский народ - душу рассудочную, английский народ - душу сознательную, так немецкий народ должен развивать «я»; многое будет понятно в сущности немецкого народа, если почувствовать и обратить внимание на то, как всё, чем является немецкая культура, проистекает из «я». Эта связь бытия «я» с наиболее священными духовными ценностями, является основной характеристикой среднеевропейского человека.

В одном явлении это обнаруживается особенно сильно. Если мы возьмём оккультные истины и посмотрим на Запад: там внешняя культура мало связана с тем, что выступает как мистика, как оккультизм. Это, в сущности, всегда представляет собой два проходящих друг рядом с другом течения. Было бы нелегко в обычном книжном магазине в Париже отыскать что-то связанное с оккультизмом; тут надо идти в другие, где это выставляют. Мы видим, как в Германии всё это лежит, всё, исходящее из «я», видим, как немцы имеют Якоба Бёме, как немецкое культурное развитие немислимо без этого оккультного элемента. Подумаем о Гёте и Лессинге. Тут два потока не текут один наряду с другим, но есть один поток, который действительно пронизывает жизнь и проникает духовность, тут нельзя выступать с материалистическим воззрением, будто бы Христос теперь снова воплотился в одного физического человека, как это пропагандирует «Звезда Востока». Вот почему существовала необходимость, - как существует сегодняшней антагонизм между Германией и Англией, - необходимость, относительно которой нельзя было ждать, пока она приведет к войне; это то, чтобы начисто отделить немецкий оккультизм от того, чем является английский оккультизм. Возможно, тот или иной задумаются над тем, почему такое отделение было необходимо. Я в этом отношении хотел дать только одно указание. Ведь действительно человек может увидеть нечто,

касающееся своего рода прообраза, при сопоставлении фактов, при оправдании фактов, если сегодня он возьмёт письма Грея и Анни Безант: стиль, способ доказывать, сопоставлять вещи у обоих имеет большое сходство. Но тем самым я хочу всего лишь указать на то, как то, что исходит от немецкого народа, связано с наиболее внутренним содержанием души.

Если немец бодрствует, он придерживается, например, - я говорю об этом как о факте, без симпатий и антипатий, - глубокого эволюционного учения Гёте, которые установил последовательность организмов; импульс к упорядочиванию был получен из наиболее глубоких недр «я». Исходя из души сознательной, спустя полстолетия Дарвин снова дал это, но с материалистическими чертами. Мир понял это с большей легкостью; даже немецкий мир охотнее принимал эволюционное учение с дарвинской окраской, нежели с окраской Гёте. Гёте, исходя из глубин немецкой сущности, основал учение о цвете, хроматику; физики всё ещё рассматривают её сегодня как вздор, так как внешний мир принял учение о цвете Ньютона. Когда вместо гётевского эволюционного учения и хроматики, учения о цвете были приняты учения Дарвина и Ньютона? Тогда, когда в составе немецкого народа люди спали и могли воздействовать другие Народные Души. Вот тут мы имеем тот самый сон посреди бодрствования. Когда же затем эти люди растормошились, проснулись, ещё не оценив это дело, они заметили: тут что-то неправильно, - тогда они пошли и взяли свои шкапулки, в которых они хранили полученные из Англии ордена. Они отослали ордена назад, но только забыли при этом, отослать вместе с ними английскую интерпретацию эволюционной теории или ньютоновскую интерпретацию учения о цвете. (*Так поступил Эрнст Геккель - примеч. перев.*) В качестве хорошего рецепта тут мог бы послужить пример известной направленности учения Геккеля. Так тут переживаются некоторые вещи. Так, например, даже в эти дни можно было пережить, можно было услышать, что в особом научном обществе в разных немецких городах читаются лекции о том, что интернациональная сущность народов оказалась разрушенной из-за этой войны. Обращается внимание на то, что, будучи правильным в больших масштабах, оказывается неправильно, будучи приложено к тому, к чему должен прилагать это тот господин со своим обычным профессорским рассудком. Исходя из этих масштабов, весьма странно звучит, когда этот господин говорит: интернационализм должен наступить сразу же, как только минует война, ибо в ином случае немцы потеряли бы кое-что, и снова пробудилась бы та особая метафизика, которую немец культивировал до сих пор, радуясь тому, что этот немецкий

дух с его склонностью к сверхчувственному оказался затопленным теми народами, которые мало склонны к сверхчувственному. – Вот что можно было слышать в эти дни в одной специальной экономической лекции: страх перед пробуждением немецкой сущности.

Можно было бы говорить очень много; мне хотелось высказать лишь кое-что о том, чего можно достигнуть, если человек примет ту, для внешнего понимания жизни горькую, но всё же, воодушевляющую серьёзность, которая как волшебное дыхание струится в нас, если мы принимаем духовную науку во всей её глубине. Взвесить, почувствовать, ощутить это, – вот то, к чему обязывает нас время; с такими чувствами мы смеем окинуть взором это время, смеем чувствовать себя в единении с теми, кто стоит там вовне, кто кровью и душой должен отстаивать то, что требует карма.

Давайте обобщим то, что должно быть нам как познанием, так и нашей задачей, что должно вселять уверенность, – давайте обобщим это в словах:

Из мужества борцов
Из крови жертв,
Из страданий оставленных,
Из жертвенных деяний народа
Взрастёт духовный плод,
Если души, сознавая дух
Направят свои чувства
В царство духа.

ТРЕТЬЯ ЛЕКЦИЯ
Мюнхен, 23 марта 1915

Изречения для умерших друзей. Значение момента смерти для жизни между смертью и новым рождением. Различие европейских народов, – их задачи и судьбы. Действие духовных сил в подосновах военных событий. Отделение от Теософского Общества в связи с войной между Англией и Германией.

Первая часть нашей сегодняшней лекции должна быть посвящена познаниям, которые связаны с реальными переживаниями, через которые провела нас карма нашего Общества в последнее время; вторая часть должна в большей степени бросить свет на то, что из современных событий может быть особенно интересно нам.

Именно в этот раз я в двух открытых лекциях особенно подчеркивал, как для представления о духовном мире необходимо постепенно привыкнуть к другому виду речи, нежели та речь, тот язык, которые используется нами, чтобы характеризовать познания о том мире, в пределах которого мы находимся благодаря нашему чувственному наблюдению и рассудку, связанному с головным мозгом. Ради поддержки наших друзей, мне хотелось бы к конкретным переживаниям последнего времени, разыгравшимся в рамках нашего широкого круга, присоединить нечто; присоединить к переживаниям, которые можно было бы выбрать иначе. Однако я выбрал именно эти переживания по той причине, поскольку они, можно сказать, примыкают к последним переживаниям, и могут дать нам представление об отношениях человеческой души к духовному миру.

Я всё снова подчёркивал, что если душа на своём познавательном пути переступает порог, ведущий в духовный мир, то к первым переживаниям принадлежит отождествление, объединение с тем, что переживается, испытывается, наблюдается. Здесь на физическом плане, человек противостоит по отношению к наблюдаемым им вещам, будучи заключен в свою кожу. Как только он вступает в духовный мир, как только он начинает иметь какое-либо дело в духовном мире, он уже не чувствует себя таким же образом заключенным в кожу в физическом теле. Он чувствует себя со всем своим существом расширившимся, он как бы идентифицируется с существами и событиями, с которыми он имеет дело. Чтобы это объяснить, я приступаю к позитивным переживаниям.

В последнее время один из старейших сочленов прошёл через врата смерти. Этот сочлен на протяжении лет всем своим нравом, всей своей душой жил в тех представлениях, которые можно усвоить себе, если человек даже на эмоциональном уровне принимает то, что может дать духовная наука. Этот эмоциональный уровень имеет совершенно особенное значение; вот почему часто упоминается, как теоретическое принятие того, что даётся в качестве духовнонаучных представлений, не может быть всем. Оно может быть исходным пунктом, но не всем. Эти представления должны захватывать наши чувства, ощущения. Я

как-то излагал даже в открытых лекциях, что в настоящее время душа ощущающая может быть гораздо сильнее связана с вечным сущностным ядром человека, в то время как то, что переживается посредством души сознательной, в настоящую эпоху в большей степени касается того, что переживает человек в связи с физическим миром. Вот почему так важно чувствовать то, что может чувствовать человек, принимая духовнонаучные познания, ибо это чувство имеет гораздо большую силу, чтобы охватить нашу душу и действительно привести её в соприкосновение со сверхчувственным миром, нежели чистое мышление, рассудочная комбинаторика. Итак, личность, о которой я говорю, эмоционально, на уровне чувства переживала многое в наших духовнонаучных представлениях. Совсем скоро после смерти, - когда мне ещё никак не сообщали о действительном наступлении смерти на физическом плане, - я могу сказать, - что мне было показано, как эта личность, ещё будучи в своём эфирном теле, перерабатывала в себе то, что она приняла в себя как силы чувства, силы ощущения, чем становилась она сама вследствие того, что на протяжении лет она жила в духовнонаучном потоке. Когда её эфирное тело ещё было соединено с её астральным телом и «я», естественным, непринужденным образом выступило то, что я описывал прежде. Личность, проходила через врата смерти и сообщала мне, что она чувствует в себе то, чем она стала благодаря духовной науке, что она сейчас чувствует в себе, когда она уже не ограничена физическим телом. И тогда из индивидуальности, прошедшей через врата смерти как бы прозвучали фразы, которые я сейчас зачитаю вслух.

Вы заметите, что в первых трёх строчках умерший употребляет одно слово, которое, в сущности, можно посчитать совершенно неоправданным, если оно употреблено индивидуальностью, которая уже сложила физическое тело; однако дело не в этом. Это слово, относящееся к физическому сердцу, надо рассматривать в символическом смысле. «Сердце» поставлено тут для эфирного органа чувства. Мы имеем здесь тот случай, когда индивидуальность, прошедшая через врата смерти, обобщает то, что было её сильнейшим переживанием перед смертью, переживанием жизни, в таких словах: теперь я в состоянии переживать характерные особенности моего «я» так, как даются мне эти характерные особенности моего «я», когда я охватываю их посредством понимания, достигнутого моим чувствующим познанием благодаря духовной науке. - Дело обстояло так, что эта индивидуальность, за два часа до этого прошедшая через врата смерти, дала из себя прозвучать тому, что прозвучало как то, о чем я могу сказать: слова были поставлены так, что я сам никакого

участия в этом не принимал, но всего лишь воспринимал слова, которые приходили из этого «я». Эти слова затем послужили в качестве начала и конца погребальной речи, которую я произносил при кремации. Они звучали так:

Я хочу нести в мировые дали
Моё чуждое сердце, чтоб оно потеплело
В святой действительной силе огня;

Я хочу ткать в мировых мыслях
Своё мышление, чтоб оно стало ясным
В свете вечного становленья жизни;

Я хочу погрузиться в основах души
В верные чувства, чтобы они стали сильнее
Ради истинных целей людских деяний;

Я стремлюсь к божественному покою
С борением жизни и с заботой
Моё «я» подготовить для высшего «Я»;

Я стремлюсь к радости мирно работать
Чужд бытие мира в своем бытии,
Человеческий долг я хочу исполнить;

Я смею тогда жить в ожиданье
Навстречу звездам моей судьбы,
Что уделят мне место в обители Духа.

Давайте услышим здесь то, что звучит как бы из самого «я», то, что «я» чувствует в себе, благодаря тому, чем оно стало, когда наполняло себя духовнонаучными ощущениями. Важно обратить внимание на то, что мы имеем здесь дело с личностью, которая в этой физической жизни достигла пожилого возраста. Достижение пожилого возраста предполагает желание характеризовать «я» так, чтобы это «я» сразу же после смерти высказало себя целиком в своей сущности. При этом (воспринимающий) человек сам ничего не делает, но только наблюдает, совершенно потеряв самого себя, отдаёт себя, идентифицирует себя с тем существом, чтобы высказывание произошло само по себе.

Иначе обстоит дело в другом случае. Тут мы имеем дело с относительно рано наступившей смертью. Созерцать такой случай особенно подталкивают нас обстоятельства времени, так как

сегодня столь многие люди в юношеском возрасте проходят через врата смерти. Для случая, о котором я говорю, не было того повода, который становится поводом для (*гибели на фронте*) многих, но всё же это была рано наступившая смерть. Если смерть наступает так рано, можно сказать: если бы этот человек состарился, он прожил бы ещё много десятилетий, но в случае ранней смерти он имеет дело с эфирным телом, которое приходится сложить, хотя оно таково, что ещё в течение многих десятилетий могло бы своими силами обеспечивать физическое тело. Кто проходит через смерть так, что он мог бы жить ещё в течение десятилетий, тот передает в духовно-элементарный мир эфирное тело, которое ещё не израсходовано. Бесчисленное количество таких неиспользованных эфирных тел идёт сегодня в духовный мир. Мы говорим о том, что духовная наука вселяет в нас много надежд относительно эпохи, которая должна развиться из лона наших событий. Тогда будет актуально, что те, кто идет теперь через смерть, смогут стать в духовном мире свидетелями духовной активности, и благодаря своим индивидуальностям они будут посылать силы в земную жизнь. Однако их эфирное тело будет представлять собой нечто второе, нечто особенное, оно будет неизрасходованным. Большая сумма таких эфирных тел будет представлять собой силу, которая будет оказывать воздействие на людей, действовать в людях, которые будут жить, когда снова наступит мир; они будут помогать тому, чтобы на смену материалистическому мировоззрению пришло спиритуальное мировоззрение.

Мы могли бы укрепить себя, переживая то, как умирают люди в юношеском возрасте, мы могли бы воспринять, что тут происходит.

Во втором случае, где карма нашего духовного потока снова привела к тому, что я должен был выступать при кремации одной личности, прошедшей через врата смерти, дело обстояло так, что между наступлением смерти и кремацией прошло долгое время от среды до понедельника. Эфирное тело было уже отделено, и для моего оккультного наблюдения в ночь перед тем, как я должен был говорить, это эфирное тело было потеряно из вида. Это эфирное тело было недоступно, потеряно для наблюдения. Индивидуальность с астральным телом и «я» уже высвободилась. Здесь наблюдаемая душа предстояла как астральное тело и «я»; возник импульс погребальную речь начать и завершить словами, которые имеют некоторое отношение к индивидуальности. Тут не было дано чего-то, что было высказано самой индивидуальностью. Вследствие того, что индивидуальность освободилась от эфирного тела и от физического тела, давалась возможность в, - как я

считаю, - точных словах охватить тот тип, какой представляла собой эта индивидуальность здесь в земной жизни. Опять-таки эти слова не были чем-то сделанным мною, но тем, какими сделал их импульс инспирации, какими они должны были быть, характеризуя прошедшую через смерть индивидуальность. Они давались как инспирация данной души, когда она отдавалась впечатлению личности, идущей через смерть. Так были даны слова:

Ты выступала среди нас,
И существо твоё подвигла кротость
И сила тихая в очах твоих вещала
О том покое, где жила душа,
Покое, льющемся в волнах,
С которыми твой взор,
К вещам и к людям,
Нёс то, что ткалось у тебя внутри;
И это существо одушевлял
Твой голос, что вещал
Звучаньем слова больше,
Чем смыслом слов самих,
И открывал, что скрыто
В душе твоей прекрасной пребывало;
Так пусть же беззаветная любовь
Людей, проникнутых участием
Без слов себя раскроет -
Для существа, что нам о благородной
И тихой красоте творений Мировой Души
Вещает чувством утончённым.

Эти слова были произнесены при кремации, и своеобразие их выразилось в том, что момент, который, - хотя и только в переносном смысле, - можно было бы назвать моментом пробуждения, наступил тогда, когда жар огненной печи охватил физическое тело этой личности. Итак, для этой личности, проходящей через врата смерти, в одно мгновение возникла возможность развить сознание; это произошло не во время похоронной церемонии, но когда последняя уже миновала, и жар заиграл вокруг предаваемого огню тела. Затем снова наступило бессознательное состояние. Такие моменты сознания могли затем, после того как они прерывались бессознательностью, наступать снова, до тех пор, пока через некоторое время после смерти наступило полное сознание. При этом в данном случае особенно ясно обнаружилось, как действует сознание, если человек проходит через врата смерти. Такое сознание видит время в совсем

другой форме, нежели воспринимает время человек, живущий здесь в физическом теле. В таком случае это обнаруживалось с особенной значительностью. Восприятие времени у того, кто не несет физического тела, можно сравнить лишь с нашим видением пространства. Здесь в физическом теле мы всегда можем посмотреть назад; то, что мы видели, остаётся стоять на месте. Если что-либо минуло для нас во времени, мы должны направлять назад к этой картине свою память, картина должна подняться в нашем сознании. У того, кто больше не несёт физического тела, дело обстоит не так. Развоплощённая душа смотрит назад так, как смотрим мы в пространстве.

Так и та умершая смотрела назад на сказанное, как мы смотрим назад в пространстве. Произнесенное стояло теперь перед её душой. Именно на таких конкретных случаях обнаруживаются отличительные особенности духовного мира. Я как раз говорил о том, что в то время, когда должны были быть напечатлены слова погребальной речи, эфирное тело было потеряно для наблюдения, но второе наблюдение показало, что именно это эфирное тело было тем, что дало возможность иметь инспирацию, выразившуюся в этих словах. Когда я снова смог обнаружить это эфирное тело, - я имею в виду, снова наблюдать его, - я воспринял, где было это эфирное тело, когда я формировал те слова. Это было в ночь с воскресения на понедельник. Я сказал, что я его потерял; я только много позднее пришел к тому, где оно, собственно, было: я сам находился в нём. - Оно было растворяющимся облаком. «Я» и астральное тело были уже отделены. Поскольку я находился внутри, я не воспринимал эфирное тело, подобное облаку в котором находишься; но то, что жило в этом эфирном теле давало возможность инспирации, возможность запечатлеть те слова, которые я прочитал.

Тут вы всматриваетесь в интимные тайны совместной жизни человеческой души с духовным миром. Я бы не отважился высказывать всё это без подкрепления, если бы это случилось только однажды, но это снова подтвердилось для меня в третьем случае. Мне довелось в таком же случае сформировать слова, которые характеризовали индивидуальность третьей, прошедшей через врата смерти, стоявшей в нашем кругу личности. Смерть этой личности особенно болезненно отозвалась на наших чувствах на физическом плане, поскольку эта личность оправдывала лучшие надежды в отношении духовнонаучной работы внутри нашего круга. Во время жизни на этой Земле эта личность приняла в себя многое из того, что называют современной образованностью, ученостью, совершенно прониклась этим, и твердо стремилась сделать нечто из того, что необходимо в рамках нашего духовного

движения. А именно, вжиться в то, что называют современной наукой и так преобразовать эту науку в самой своей душе, чтобы она на более высокой ступени возродилась как то, что является духовнонаучным воззрением. Не каждый может это сделать, но в этом состоит одна из потребностей нашей духовной науки. Соответствие между наукой и духовной наукой часто может быть убедительным для того, кто не знает духовной науки, однако необходимо проникнуться современной наукой, и если это имеет место, способствовать тем самым живому подъёму в духовной науке. Тогда достигают известной точки, в которой так уверенно чувствуют согласие того, что дает современная наука с духовной наукой, так уверенно познают в своём внутреннем переживании, что не впадают в заблуждение вследствие того, что приходит из современной материальной культуры.

Когда эта личность прошла через врата смерти, снова возникла необходимость определенным образом сформировать при кремации начало и завершение погребальной речи: возник особенный импульс именно в отношении данной индивидуальности указать на мост, который существует для нашего духовнонаучного движения между физическим планом и духовным миром. Для нашего чувства на физическом плане было особенно больно, что эта личность была оторвана от нас в столь молодом возрасте. Но наше духовнонаучное течение не могло бы пробуждать столько надежд, сколько оно должно пробуждать, если бы мы не были уверены в том, что силы, которые струятся в духовной науке приходят не только от тех, кто живёт на физическом плане, но что такие силы приходят также и от тех, кто, будучи вооружен духовной наукой проходит через врата смерти. Так перед душой встает необходимость подчеркнуть: в тот момент, когда ты проходишь через смерть, тебе дается нечто великое: призыв, оставаться верным сотрудником также и сейчас, после того, как ты прошел через врата смерти.

Те, кто серьёзно принимает духовную науку, должны совсем особенно, как на реальных сотрудников рассчитывать на тех, кого больше нет на физическом плане.

Итак, возникла необходимость сформировать слова, в формировании которых я сам не принимал никакого участия, которые были даны из импульса необходимости, даны так, как я из сейчас прочту вслух. Вы сразу увидите, как обстоит дело с так сформированными словами. Слова звучат так:

Осчастливит нас надежда:
Вот вступаешь ты на поле,
Где расцвет земного духа

Силой бытия души
Путь к открытиям укажет.

К светлой истине с любовью
Твой порыв издревле сроден;
Сотворять из света духа –
Было строгой целью жизни,
И стремленьем неустанным.

Чудный свой талант взрастил ты,
Чтоб путём духопознания,
Одолев соблазны мира,
Истины слугою верным
Твердым шагом к Ней идти.

Развивал ты око духа,
Чтобы смело и упорно,
Чтоб в пути по оба края
От ошибок сберегало,
Место дав в тебе для правды.

«Я» твоё для откровенья
В чистом свете создай ты,
Чтобы мощно сила Солнца
У тебя в душе сияла
Радостью, заботой жизни.

Прочьи радости, заботы,
Миновали твою душу,
Ведь и в жизни свет познания,
Тот, что смысл бытию дарует,
Как сокровище ценил ты.

Осчастливит нас надежда:
Вот вступаешь ты на поле,
Где расцвет земного духа
Силой бытия души
Путь к открытиям укажет.

Глубока нам боль потери,
Той, что ты покинул поле,
Где земной зародыш духа
В лоне бытия души

Чувство сфер в тебе растили.

Ощути как мы с любовью
Смотрим в выси, что тебя
Там зовут к иным деяньям.
Дай оставленным друзьям
Сил своих их сферы духа.

Просьбу наших душ услышь ты,
Ту, что шлём к тебе с доверьем:
Для трудов земных нужна нам
Сила из страны духовной,
И друзей сквозь смерть прошедших
За неё благодарим мы.

Осчастливит нас надежда,
Глубока нам боль потери;
Дай надежду, в дальней близости
Нам всегда светить по жизни
Звездною душой из царства духа.

Через некоторое время в следующую ночь мне из данного человека прозвучало как ответ, однако не из его сознания, но из его существа, так что это сразу можно было почувствовать как ответ на те слова. Не то, чтобы эта индивидуальность сказала это из сознания. Индивидуальность звучала как в звуках:

«Я» моё для откровенья
В чистом свете создаю,
Чтобы мощно сила Солнца
У меня в душе сияла
Радостью, заботой жизни

Прочьи радости, заботы,
Миновали мою душу,
Ведь по жизни свет познания,
Тот, что смысл бытию дарует,
Как сокровище ценил я.

Только сейчас я заметил, что это было всего лишь изменение обоих строк, превращение второго лица в первое. В этом примере вы видите, как проявляется корреспонденция души, находящейся

здесь на физическом плане с душой, которая прошла через врата смерти. Мне хотелось бы обратить особенное внимание на то, что такие вещи были даны так, что в словах ничего не было изменено, и вы видите, что сам я даже не осознал, почему слова обоих строк были напечатаны так. Я получил это из ответа, который последовал ночью из души, которая прошла через врата смерти.

Мы должны приучить себя также в отношении к духовному миру не питать непосредственно тех же самых чувств, которые возникают от переживаний здесь в физическом мире. Заметьте, что это относится и к другому, если хотят приобрести правильное, понимающее отношение к духовному миру. Так в качестве маленького примера я мог бы упомянуть то, что сейчас приходит с совсем другой стороны. Когда начались эти тяжкие дни, их духовного мира была дана та формула, которую мы теперь используем, которую я также использовал и сегодня, чтобы направить души к тем, кто стоит на полях сражений, или прошел через врата смерти:

Духи ваших душ, деящие стражи,
Ваши крылья могут донести
Наших душ молящую любовь
Вашей защите доверенным людям сфер (людям Земли),
Чтобы, соединяясь с вашей мощью,
Наша просьба, помогая, сияла
Душам, которые она, любя, ищет.

Здесь звучит: «Духи ваших душ». В Берлине мне пришлось пережить упрек, что это будто бы неправильно с грамматической точки зрения; теперь, мол, неизвестно во второй строчке, к кому относится «ваши крылья», так как если сказано: «Духи ваших душ», это обращено к тем, кто живут как люди, но обращение всё же направлено к Духам тех, кто тут живёт. Педант может посчитать, что надо было бы сказать: «духи их душ». Нам уже пора познакомиться с тем, что в духовном мире грамматика, которая для чувственного мира расценивается как сама собой разумеющаяся, не всегда соблюдается, что там в душе надо иметь больше подвижности. Обращаются «Духи ваших душ», но во второй строчке, само собой разумеется обращение направлено не к одному человеку или большому числу людей, что здесь обращение направлено к защищающим Духам. Грамматика тут не имеет решающего значения. Мы должны уяснить себе, что в высших мирах всё гораздо подвижнее, что нет необходимости отклонять представление о человеке, если обращаешься к защищающему Духу. Он стоит в гораздо более тесной связи с самим человеком,

чем два человека здесь. Тут надо использовать физическую грамматику, поскольку в случае двух физических людей не может иметь место такая связь, как между защищающим Духом и человеком. Можно было бы сказать: именно благодаря этим, так данным словам, которые можно опротестовать с грамматической точки зрения, даётся нечто, что является отличительным признаком высшего мира. – Если получают такие вещи из духовного мира, сами слова становятся учением, уроком. Порой такие вещи понимают гораздо позднее, порой такое учение дается не так легко, как фривольное усовершенствование грамматики, которое не представляет собой большого искусства. Мы должны разбираться в таких интимных отношениях с духовным миром. Даже при описании высших миров дело идет о том, что эти миры невозможно охватить посредством грубых словесных штампов, усвоенных здесь в физическом мире, вот почему легко могут считать спорным описание того высшего мира, в котором царство Духов Формы теряет свою специфическую власть. При переходе порога мы вступаем в царство Духов Движения. Даже сам стиль должен стать подвижнее. Духи Формы существуют для мира, простирающегося вокруг нас. В царстве Духов Движения даже стиль должен соответствовать, подходить ему. Уже наступает время, когда следует разбираться в таких вещах, и не следовало бы думать, что посредством стиля, подходящего для физического мира, можно также по настоящему описывать то, что в духовном мире подвижно и текуче.

Я хотел на конкретных случаях, которые предоставила нам карма общества, пояснить кое-что об отношениях человеческой души к духовному миру, ибо посредством такого конкретного самовживания в отдельные отношения духовного мира можно уяснить себе то или иное в гораздо большей степени, нежели чем посредством абстрактной характеристики. И, прежде всего, к нам может подступить чувство того, что благодаря нашему духовнонаучному движению действительно должно постепенно возникать живое взаимодействие физического мира с высшим миром. После разнообразных переживаний, которые пришлось испытать в последнее время, можно сказать: надежды на то, что уже сейчас в отношении нашего спиритуального движения наступают известные вещи, могут внутренне укрепиться только тогда, если знают, что те, кто проходит через врата смерти, становятся нашими сотрудниками. – Во всяком случае, требуется, чтобы мы с интенсивной серьёзностью охватывали то, что является содержанием и намерениями нашей духовной науки.

Мне хотелось бы в качестве обобщения высказать нечто, о чем уже подробно сообщалось в Венском цикле (том 153) о жизни

между смертью и новым рождением; на это важно обратить внимание. Поскольку должны были быть употреблены некоторые слова, которые служат для физической жизни, следует сказать: человек после смерти находится, в своего рода бессознательном состоянии сна. Затем он пробуждается, но сказать «пробуждается» не совсем правильно. Это выглядит, как если бы человек при пробуждении приходил к некоторого рода сознанию. Но это не так. Когда человек слагает эфирное тело, у него имеется не то, чтобы мало сознания или сонное сознание, нет, он имеет слишком много сознания. Он имеет своего рода избыточное, бьющее ключом сознание. Как человек, будучи ослеплен избыточным светом, не может видеть, так после смерти возникает слишком много сознания. Мы совершенно захлестываемся, переполняемся бесконечно действенным сознанием, и сначала должны ослабить его до такой степени, которую мы, в соответствии с нашим развитием в физическом мире, могли бы усваивать, которой мы могли бы овладеть. Мы должны ориентировать себя в этом переизбытке сознания. То, что названо «пробуждением», есть сперва привыкание к гораздо более высокой степени сознания, в которое мы вступаем после смерти. Это погашение, ослабление сознания до той степени, которую мы можем перенести.

Другим является то, что, можно сказать, в каждом наблюдении обнаруживается, как для некоторых состояний бытия переживание в духовном мире является противоположным переживанию в физическом мире. Так обстоит дело в том случае, на который я сейчас хочу указать. Между рождением и смертью дело обстоит так, что никому, без высшего познания, не удастся вспомнить о своём рождении. Ни для кого это событие не может стать собственным наблюдением. Если прислушаться к тем людям, которые говорят, что не верят в то, что дают им их пять органов чувств, то можно было возразить так: тогда ты не смеешь верить и в то, что ты когда-то был маленьким ребенком. Ты веришь в это лишь по двум основным причинам: поскольку ты видишь, как все другие люди начинают свою жизнь так, ты заключаешь, что и с тобой было так же. Это всего лишь вывод по аналогии, или же тебе об этом рассказывают другие люди. - То, что человек так же прошел в жизнь через рождение, он знает посредством сообщения, а не посредством наблюдения. Ни один человек не замечает, что это всего лишь умозаключение по аналогии. Надо было бы сказать: из собственного наблюдения я никогда не смогу узнать о начале этой жизни. Когда же человек смотрит назад в своей физической жизни, он не может просмотреть её до своего рождения. Иначе обстоит дело между смертью и новым рождением. Это обнаруживается именно в том случае, когда у прошедшего через

врата смерти, поднимается внутренний импульс, чтобы послать слова, имеющие отношение к его «я», слова, характеризующие его. Это импульс приходит из порыва послужить проходящему через врата смерти, чтобы облегчить ему то, что он должен иметь как можно скорее: беспрепятственный взгляд назад на момент смерти. Ибо сколь мало в физической жизни смотрят назад на рождение, столь непреложно то, что между смертью и новым рождением смотрят назад на смерть. Смерть всегда предстаёт при взгляде назад, только выглядит она с духовной стороны иначе. С физической стороны она может представлять собой нечто страшное, с другой стороны она является наиболее величественным событием, которое можно видеть. Она являет величественность победы духа над физическим, когда дух с силой вырывается из физического. Это переживание относится к самому прекрасному, что имеет человек при ретроспективном, обратном взоре между смертью и новым рождением. Это опять-таки пример того, как физический мир и духовный мир противоположны.

Так постепенно учатся узнавать отличительные особенности, своеобразие духовного мира. Вот та точка зрения, которую я сегодня в афористической форме хотел развить перед вами. Следующая точка зрения значительным образом касается тех вещей, которые мы сейчас переживаем. Это точка зрения такова: у человека, который при нормальных условиях мог бы ещё долго жить здесь, неизрасходованное эфирное тело в качестве индивидуальности существует наряду с индивидуальностью. Короче, растворение эфирного тела продолжается только у более старых людей. Мы всегда окружены такими ещё не растворившимися эфирными телами. Мы живем навстречу тому времени, когда это должно быть особенно заметно, поскольку исходя из таких эфирных тел, строится атмосфера такого вида, какого она ещё не имела во время земного развития. Можно было бы думать, что нечто подобное, сходное имело место уже в прежние войны, но дело обстоит иначе, поскольку люди раньше проходили через смерть иным образом. Раньше не было так много людей, которые имели бы в жизни лишь материалистический образ мыслей, как много их сейчас. Этим обосновано то, что эти эфирные тела будут отдавать спиритуальный импульс. Далее, на Земле будут люди, которые чувствуя, узнают об этом импульсе, и, зная, будут чувствовать. Я уже указывал на это в лекциях, посвященных, можно сказать, событиям эпохи. Чему хочет научить нас наше время, так это тому, чтобы мы по необходимости, наряду со спиритуальным обмелением, углубились бы и в то, что как сопутствующие явления обнаруживаются позднее. Разве не должны мы с величайшей скорбью узнать, что в наше время, которое мы по

логике считаем столь просвещенным, когда научная культура по всевозможным популярным каналам распространилась в широчайших кругах, - что опять-таки в широчайших кругах может занять кое-какое место то, что мы должны рассматривать как суждение, рожденное из страданий?

Кто следует голосам тех, кто считает Среднюю Европу большой осажденной крепостью, тот поймет, что творят эти страсти в душах людей. Надо только посмотреть на Запад и на Северозапад; можно с удивлением остановиться перед тем, откуда приходят эти страстные человеческие суждения. Лучшие газеты могут быть особенно поучительны в этом отношении. Какой крик раздается то оттуда, то отсюда: мы не хотели этой войны! Как те, кто враждебно противостоит немецкой сущности, будут совершенно безрассудно приписывать вину в этой войне тем областям, которые имели меньше всего поводов для этой войны, - среднеевропейским областям.

В этом отношении для немца на самом деле, благодаря всей манере развития немецкой сущности, уже имеется объективная возможность достичь того вида национального сознания, которого очень недостает другим народам. Совершенно несомненно, что лишь спустя долгое время после военных событий для большинства людей, находящихся вне Средней Европы, - станет возможным обозреть эти отношения настолько далеко, чтобы некоторым образом отстранить глупейшие суждения современности. Для нас, кто участвует в духовном движении, которое хочет предоставлять не только нечто теоретическое, для нас должно быть ясно, что относительно таких тяжких событий может быть достигнуто объективное суждение, и что мы можем уяснить себе многое в современности благодаря тому, что живём в эти судьбоносные дни. С какой легкостью могут некоторые поверхностные, недалёковидные умы критиковать то, что принадлежит к импульсам, к ядру нашей духовной науки. В последние месяцы на этом поле пришлось испытать много болезненного. Вот имеется духовнонаучное движение, которое говорит, что оно с любовью работает ради того, чтобы идти к людям без различия расы и так далее. Могут сказать: как согласуется с этим то, что сообщается мною в это время? - Ещё перед тем, как над нами разразились эти тяжкие судьбоносные дни, я предостерегал от того, чтобы понимание основного положения о равноправии, равноценности обращалось в полную абстракцию. Вспомните, как часто я говорил: если люди приходят и говорят, что буддизм, магометанство, христианство являются всего лишь разными формами одной сущности, - то это всё равно, что сказать: соль, сахар, перец - это всё специи, приправы, так что

безразлично, что я возьму, -- и положу сахар в суп и пиво, ведь и то, и другое - приправы. Столь же абстрактным образом применять основное положение, может быть и удобно, но для того, кто ищет серьёзно, так подходить к делу нельзя.

Если мы с любовью подойдём к сущности отдельных европейских наций, мы придём к познанию того, что Народная Душа у итальянцев говорит к душе оощающей, у тех, кто принадлежит к французской нации - к душе рассудочной, у британской нации - к душе сознательной, у немецкой нации - к «я». К пониманию человек приходит не вследствие того, что он абстрактно разливает любовь надо всеми. Сущность нашего движения состоит в том, что человеческая душа, признавая национальные отличительные свойства, хочет возвыситься до общечеловеческого. Духовная наука может вести к тому, что рожденный на этот раз в Британии, скажет: я узнал, что я особенно говорю с Народной Душой через душу сознательную, через то, что регулирует отношение души к физическому плану, что готовит человека у тому, чтобы быть материальным. - Если он знает это, он знает, что должен отклоняться от того, что выступает ему навстречу из национального, если он хочет возвыситься до общечеловеческого. Это познание всегда помогает, оно важно для того, чтобы человек узнал то, что является отличительным свойством отдельной национальной сущности. Если принадлежащий русской культуре будет говорить себе: отличительное свойство Народной Души состоит в том, что Она как облако парит над отдельным человеком, что отдельный человек в хаотическом мышлении взирает вверх к Народной Душе, то тем самым указывается на то, что надо разобраться в произведенном другими народами, - тогда он найдёт свою дорогу. Те, кто посредством духовной науки познают существо русской Народной Души, будут говорить: для чего я являюсь русским? Сила, которой я тем самым овладел, я имею для того, чтобы принять силу других наций.

Немец посредством духовной науки познает, - ему необходимо принять это со всей объективностью и смирением, - что он вследствие того, что Народная Душа говорит к его «я», предрасположен к тому, чтобы через свою национальность искать общечеловеческое. Получить в придачу то, что выводит его за пределы национальности, дает ему возможность национальное начало немецкой сущности. Конкретика национального начала немецкой сущности состоит в том, что оно посредством национального выдвигает за пределы национального в общечеловеческое. Вот почему надо найти переход от немецкого идеализма к духовной науке, в переливании немецкого идеализма

в духовную науку. Необходимо проникнуть к конкретному пониманию духовной действительности. Духовная наука даёт возможность принимать эти вещи конкретно. - Если знают, что один француз, такой как Ренан, говорит: то, что он получил в немецкой культуре, по сравнению с пережитым в случае других народов, стало для него подобно высшей математике по отношению к низшей, - тут высказано то, что характеризует немецкую сущность. Наша судьба обязала нас это познать. Мы должны познать это, мы не можем обойтись без этого познания, но мы обязаны с той же самой объективностью познать то, что нашей судьбой, если мы настоящие немцы, является - продвинуться к спиритуальной жизни, тогда как британцам, чтобы подойти к спиритуальному, надо отказаться от материализма. Из национальной сущности различным народам даются различные задачи. Для немца особенно важно, чтобы он погрузился в духовный мир того, что струится через немецкую культуру. Для русского чего-то вроде такого национального не существует. Для него существует лишь возможность овладеть теми силами крови, которые сделают для него возможным принимать сущность другого. Это указывает на то, что немецкая сущность узнавала важное при развитии Народной Души.

Народные Души, как и люди, прodelывают развитие. В 1530 до 1550 нечто особенное происходило с итальянской Народной Душой. До тех пор эта культура ещё не была столь изолирована от остальной Европы, как после. Перед этим моментом времени Народная Душа действует в душе (отдельной), после этого она выступает за пределы душевного начала и формирует физическое начало в национальное. Человек продвигается вперед к независимости от физического. С Народной Душой дело обстоит наоборот. Она сначала действует на душу, затем на тело, так что итальянская Народная Душа перед 16 столетием действует только на душу, но позднее она переступает пределы чисто душевного и вторгается в телесность, формирует нервную систему, формирует эфирное тело, так что человек становится детерминированным, идентифицированным также и в отношении своей телесности. Человек становится жестче, в большей степени изолируется от остальных культур.

Для французской Народной Души такой временной пункт наступает к середине 17 столетия. Тогда Народная Душа начинает, переходя из душевного, захватывать телесное, делает нацию жесткой. Для британцев это происходит только с середины 17 столетия; Шекспир не принадлежит ещё этой эпохе, когда Народная Душа вторглась в тело, поэтому немцы понимают Шекспира лучше, чем британцы. Во время между 1750 и 1850

имеет место своего рода вторжение немецкой Народной Души из душевного начала в телесное, однако она снова оттягивается назад. У западных народов Народная Душа прежде парит выше, затем она опускается в телесное. (Немецкая Народная Душа), которая раньше погрузилась в телесное, снова поднимается в духовное. Нисхождение происходило между серединой 17 века и 18 века. Вследствие этого немецкая Народная Душа остается более подвижной. Она не остается на длительное время внизу, она то поднимается, то опускается, то захватывает человека, то снова освобождает его.

Таковы вещи, которые могут быть полностью поняты только в будущем. Мы должны сказать, что мы не можем достаточно и до глубины души прочувствовать это тяжелое настоящее время во всей его величественности и значительности. Бесконечно значительными эти события современности должны быть для того, кто интересуется ткущей в мире духовностью. Если люди когда-либо будут задумываться над причинами, которые привели к современным военным событиям, тогда обнаружится следующее: противоречия между Народными Душами содействовали этим современным военным событиям. Однако если кто-либо в будущем будет очень настойчиво отыскивать на физическом плане то, что якобы, послужило причиной, он всегда будет находить, что вещи эти необъяснимы, поскольку причины лежат не на физическом плане. Об этих событиях можно сказать: духовные индивидуальности, духовные импульсы воздействовали там. - Только если человечество познает это, будут разумно говорить о тех причинах, которые вызвали эти события. Будут познавать, что люди были всего лишь инструментами, посредством которых действовали добрые или злые силы. Чтобы подойти к этим причинам, необходима непредвзятость; при этом мы проникаемся тем, что духовная наука может дать не только рассудку, но наиболее внутреннему началу души.

Может стать важным знание о том, насколько участие со стороны британского мира действительно внутренне связано с национальным характером. Тогда надо будет узнать о том, что невольно представлялось мне ещё с июля, ещё перед тем, как началась война. Тут можно было услышать разные суждения. Я рассказываю объективно, мне хочется, чтобы вы совершенно не принимали к сведению личное. Мне невольно представлялось, что мир находится в опасности по той причине, что в Лондоне внешними делами заведовал страшно бестолковый человек. Мир считал *Грея* ловким, возможно хитроумным человеком. Я, - вследствие интуитивного впечатления, - не мог считать его ничем иным, как бестолочью (*Dummkopf*); я и сегодня должен

рассматривать его как особо глупого человека, которого избрали ариманические власти, поскольку он вследствие своего безрассудства смог придать делам особенно злополучный, роковой характер. Исходя из внешних оснований, нельзя доказать, что такая личность бестолкова. Вчера я купил книгу и нашел в ней письмо, написанное коллегой Грея по министерству. Я знаком с этим письмом только со вчерашнего дня, но ещё с июля считал Грея дураком, которого избрал Ариман, чтобы вызвать беду. Для нас интересно то, как автор письма квалифицирует своего коллегу по кабинету: «Для нас, тех, кто знал Грея с начала его карьеры, было весьма занимательно наблюдать, как он импонирует своим континентальным коллегам. Они предполагали в нём нечто такое, чего в нём совершенно не было. Он является наиболее выдающимся спортсменом-рыболовом королевства и довольно хорошим игроком в теннис. Ни политическими, ни дипломатическими способностями он поистине не обладает; следует признать его редкую способность к упрямству как таковому, и что его манера речи утомительна и скучна. Граф Розбери сказал о нём однажды, что он производит столь концентрированное впечатление, поскольку он никогда не имеет ни одной собственной мысли, которая могла бы отклонить его от той работы, которая отдана ему в руки с точными директивами. Когда недавно один темпераментный чужой дипломат выразил своё удивление относительно тихого поведения Грея, которое не позволяло понять, что в нём происходит, один дерзкий секретарь высказал мнение: если глиняная копилка до верха наполнена золотом, она не гремит, если её потрясти. Но если в ней нет, ни одного пенни, она тоже не гремит. У Уинстона Черчилля пара никелевых монет по 10 пенни гремят так громко, что кому-то это действует на нервы, но у Грея вообще ничего не гремит. Только тот, кто держит копилку в руках, может знать то ли она совсем полная, то ли она совсем пустая! - Это было сказано дерзко, но хорошо. Я полагаю, что Грей обладает весьма порядочным характером, хотя порой некоторое тупое тщеславие соблазняет его пускаться в такие дела, за которые лучше не браться, если хочешь сохранить руки в безукоризненной чистоте. Однако его извинением всегда является то, что он сам по себе не в состоянии ни обозреть, ни задумать какого-либо дела. Сам по себе он ни в коем случае не является интриганом, но может, будучи сам использован каким-то ловким интриганом, показаться совершеннейшим интриганом. Для политических интриганов в этом заложено искушение, избрать его в качестве инструмента; и единственно этому обстоятельству он обязан своим сегодняшним положением».

Вот пример того, как можно заблуждаться, если не стараться рассматривать вещи объективно. На этой личности, которая отличилась не вследствие особого пронырства, хитроумия, но благодаря личным способностям рыболова, которые не имеют отношения к способностям, относящимся к делу, на этой личности видно, как действуют ариманические власти, которые по необходимости должны были действовать изнутри, для того, чтобы наступили эти события. Постепенно увидят, что именно по отношению к этим событиям должно быть ясно, как и в добром, и в злом следует признавать сверхчувственное. Если же эти события захотят понять из того, что можно наблюдать на физическом плане, понять эти события не смогут. Увидят, как стекались сюда различные импульсы, как на Востоке задолго до этого подготавливалось то, что дало импульс к этим событиям, как из тех вещей, которые наблюдались именно в Восточной Европе, развивались факторы, которые когда-либо с необходимостью должны были зажечь факел войны, как современный момент войны наступил, потому, что западные факторы допустили поджег с Востока, допустили по тем основаниям, которые можно понять, только исследовав важные причины. Будет важно, чтобы именно эти исторические события заставили людей, если они хотят понять причины, обратиться к сверхчувственному, не оставаться на физическом плане, иначе люди будут ещё долго бороться. Мы должны будем увидеть, что для духовного исследователя в большей степени, чем для других людей, существует необходимость опираться на более надежный горизонт, нежели для того, кто может исходить из знания обстоятельств на физическом плане.

Как может быть усвоен физический горизонт, обнаруживалось на протяжении лет. Для многих исторические рассматривания, исторические рассуждения начинаются только с июля. Даже некоторые из нашего круга выносят странные суждения. Элементом к тому, что я хочу сказать, является цикл «Миссия отдельных народных душ» (том 121), данный в Христианин. Там также говорится, что на Востоке готовится то, что хочет проявиться в шестой послеатлантической культуре. Мы живём теперь в пятой культуре. Когда человек абстрактно думает, как от пятой культуры человечество поднимается всё выше к шестой и седьмой культурам, он надувается от спеси. Однако такое продвижение вперед не является преуспеванием в культурном развитии человечества. Вплоть до четвертой культуры имело место повторение земного развития. Пятая культура такова, от которой оно зависит; она является чем-то новым, что должно добавиться, что должно быть перенесено в шестую эпоху. Шестая культура опустится в декаданс, она будет нисходящей культурой.

Это следует принимать к сведению. С этим связано то, что такой мыслитель, как *В.Соловьёв*, который со своими обычными свойствами вырос из русского народного характера, погрузился в западный мир, то, что его философия носит западный характер, хотя и облечена восточным темпераментом; однако в том, как формируются тезисы, можно узнать русское начало (*das Russische*). Было бы глупостью говорить, что тот, кто стоит в западноевропейской культуре, может дать нечто, выходящее за пределы этой западноевропейской культуры.

Это снова было бы обрывками фраз; однако вы, прислушавшись к призыву нашего духовнонаучного течения, постараетесь использовать это тяжелое время для того, чтобы увидеть в конкретике и понять в конкретике то, что может влиться в наши ощущения, если в эти наши ощущения вливаются духовнонаучные представления. Наша духовная наука должна сохраниться в будущем благодаря тому, что она найдёт путь сквозь неукротимые подстрекающие страсти нашего времени.

Я хорошо сознаю, что с начала этого нашего трудного времени я ни здесь, ни где-либо еще не говорил об этих вещах иначе, как только так, как представляются эти вещи объективному мировоззрению. И, тем не менее, чего только не услышишь! Из того, что происходило в последние месяцы, можно научиться тому, как обстоит дело там, откуда во внешнем мире высказывается критика. Часто приходилось выслушивать суждение; большая часть членов прислушивается к сужениям только одного человека и всё это, мол, основано на слепом доверии. – Насколько далеко заходит дело о слепом доверии, я вам покажу в данный момент.

О том, что было сказано мною, можно услышать: он применяет свои оккультные способности для того, чтобы разминать их на проверку телеграмм бюро Вольфа (*Телеграфное бюро Вольфа – важнейшее немецкое телеграфное агентство во время Первой Мировой войны – примеч.перев.*) – Странна доверчивость тех, кто состоит в нашем движении, и говорит, будто я использую сведения телеграмм из бюро Вольфа на благо врагам Германии! – А это лишь одно суждение из бесчисленных. Тут вы видите, как даже в духовной науке разыгрывается то, что сейчас наполняет мир как страсти и вожделения. Это не должно удерживать нас от того, чтобы обосновывать истины в отношении того, что мы обязаны подчёркивать. Вы сможете это увидеть.

В сущности, это всегда было так, как теперь. То, что говорится сейчас, всегда говорилось и всегда делалось. Я уже раньше подчёркивал, что ставшее здесь антропософским движением теософское движение никогда не хотело развиваться иначе, как, будучи прямым продолжением средневропейской культуры.

Никогда речь не шла о том, чтобы нас кто-то брал на буксир. Как только это было замечено с английской стороны, возникло недоверие к этим среднеевропейцам, которые не повторяли как попугаи то, что давалось со стороны британской теософии. Чувство истины заставляло отклонить британское понимание проблемы Христа; оно было таково, что могла возникнуть вера, будто бы Христос будет снова воплощен в физическом теле, ибо понять духовного Пришествия Христа не могли. Так обнаружилась невозможность совместного движения обоих направлений. В английских теософских журналах вы найдете заметки миссис Безант, которая в любой форме призывает мир теософов действовать против Германии. Тут вы найдёте порочащие, запоздалые объяснения того, почему немецкое теософское движение должно было отделиться от английского. Мисс. Безант говорит: «Теперь, когда я оглядываюсь назад, в свете немецкой методики, которую раскрыла нам война, я узнаю, что длительные усилия уловить теософскую организацию и поставить во главе её немца, - гнев против меня, когда я сорвала эти усилия, жалобы на то, что я говорила об умершем короле Эдуарде VII как о защитнике европейского мира, вместо того, чтобы воздать эту честь кайзеру, - всё это было частью широко распространенной компании против Англии; миссионеры были инструментами, ловко используемыми посредством немецких агентов здесь (в Индии), чтобы осуществить свои планы. Если бы им удалось превратить Теософское Общество в Индии с его большим числом чиновников в управлении в оружие против британского правительства, перевоспитав его так, чтобы оно смотрело на Германию снизу вверх как на свою духовную водительницу, вместо того, чтобы стоять за равноправный союз между нациями, как оно всегда делало, - Общество постепенно могло бы стать каналом для яда в Индии».

(Пропуск в записи). Эта личность имеет в виду то, что я тогда хотел. - Так вы узнаете о причинах, почему разразилась эта война между Германией и Англией. Вы также можете видеть, что нынешней нашей борьбе предшествовала борьба, направленная спиритуально. Многие из того, что должно было произойти, сейчас можно понимать иначе.

Свидетельство со стороны оккультизма есть обоюдоострый меч. Снова и снова надо говорить о том, что чувство истины должно интенсивно проникать в души, которые посредством оккультизма хотят внести в мир добро, а не зло. Как это связано, что должно проникнуть в наши души из эпохальных событий, что мы должны изучать как оккультные влияния на эти эпохальные события, мы можем получить из мысли: если снова настанет мир,

в духовном мире будут находиться неиспользованные эфирные тела, которые хотят направить свои силы вниз. Из душ, которые пробуждены посредством духовной науки, тоже должны подняться вверх силы, чтобы соединиться с силами наверху. Тогда для блага и прогресса человечества будет значительным то, чем может быть духовная наука. Если здесь будет достаточно много душ, которые в истине и объективности ощутят это, если многие души с мыслями, пробужденными спиритуальным мировоззрением, будут взирать вверх к духовным мирам, тогда для этих душ трудности нашего времени обретут свою цену. Вот почему мне хотелось бы также и сегодня совокупность наших духовных стремлений выразить в словах:

Из мужества бойцов,
Из крови павших,
Из страданий оставленных,
Из жертвенных дел народа,
Взрастёт духовный плод -
Если, сознавая Дух,
Души направят свои чувства
В царство Духа.

ЧЕТВЕРТАЯ ЛЕКЦИЯ Мюнхен, 29 ноября 1915

Умершие как помощники в антропософской работе. Душевные переживания после смерти. Посмертное «я»-сознание благодаря ретроспективному взгляду на прошедшую жизнь. Прохождение в обратном порядке переживаний сна непосредственно после смерти. Действия рано умерших в духовном мире.

Наступило время, когда переживание смерти с точки зрения физического плана в более отдаленном и более тесном смысле многократно выступает перед нашей душой, тысячекратно выступает вовне для человечества и даже в нашем более тесном

круге, в котором именно в ходе последних лет и месяцев души дорогих друзей проходили через врата смерти. Тут, возможно, следует как наиболее близкое, эти рассматривания, связь с которыми мы можем почувствовать здесь в этой ветви, направить, исходя от известной точки зрения, на загадку смерти и на многое иное, что с этим связано. Мы направляем наш наблюдающий взор на загадку смерти не только по той причине, что нас мучит любопытство или жажда узнать то, что таинственно связано со смертью, но поскольку мы уже из воззрений, которые нам может сообщить духовная наука, извлекли достаточно сведений о том, как с тайной смерти, с её познанием внутренне связано то, что нужно нам для укрепления сил жизни, как, в сущности, рассмотрение смерти устраняет пропасть между обоими мирами, - миром, который мы переживаем в физическом, и миром духовности. Разве мы не проясняли для себя и по праву всё снова и снова не вызывали перед нашей душой зрелище конкретных смертей, не вызывали то, как души, связанные с нами в физической жизни, оставляли её, проходя через врата смерти? В связи с этим я позволю себе также и в этой ветви высказать то, что относится к наиболее укрепляющим усиливающим мыслям из тех, которые мы можем нести; в духовном мире мы имеем души друзей. Друзей, которые благодаря форме, виду связей с нашими душами здесь на Земле, стали и остаются нашими верными помощниками и сотрудниками. Надо подчеркнуть, что мы живём в то время, когда мы должны чувствовать свою обязанность разрабатывать духовную науку, в то время, когда эта духовная наука, встречает много неверного понимания, и враждебности, вытекающей из этого неверного понимание, из непонимания. Порой может возникать сомнение: будет ли достаточно сил, данных нам в физическом мире, чтобы противостоять по отношению к этой враждебности, которая становится всё сильнее и сильнее, так что вы наверняка встретите ещё более жесткие формы. Именно тут и выступает та укрепляющая мысль, что души друзей, верно связанных с нашей работой, друзей, ушедших от нас, будучи свободны от преград, которые ещё брезжат нам навстречу на Земле, соединяют свои силы с нашими. На основе такого убеждения мы верим в победу, пусть даже медленно приходящую победу духовнонаучной работы.

Когда человек идет через врата смерти, наши души, я мог бы сказать, расположены к тому, чтобы узнать, как он, оставив своё физическое тело на арене земного бытия, поднимается затем в духовный мир, оставляя в некотором роде этот физический мир. Если мы достигли духовнонаучных убеждений, то мы ощущаем прохождение врат смерти человеком как оставление физического мира. Когда духовнонаучный взгляд направляется на переживание

смерти, то есть на прохождение человеком врат смерти, то этому духовнонаучному взгляду это представляется несколько иначе. Главную роль тут играет то, что за переживание имеет сам так называемый умерший, то, как он в своём наиболее внутреннем мире ощущает и переживает прохождение врат смерти, как формируется всё это дальше между смертью и новым рождением. Тут надо сказать: то, что проходит через врата смерти, это, как мы знаем, сначала эфирное тело с астральным телом и «я». – Однако умерший, когда он вначале в этой тройственности своего существа вступает в духовный мир, чувствует относительно арены физического мира и стоящих на ней людей, с которыми он чувствовал себя связанным в жизни, а также всего того, с чем он чувствовал себя связанным иным образом, - относительно всего этого он чувствует, как если бы он оставлял всё это, как если бы всё это отодвигалось от него вниз. И затем тот, кто прошел через врата смерти и вживается со своим эфирным телом в эфирный мир, чувствует, что становится единым с этим эфирным миром. Мы также знаем: перед его взором выступает своего рода обзор, панорама его переживаний на Земле в последней инкарнации. Это переживание действительно можно сравнить со своего рода сновидческим переживанием. В волнующихся, ткущих образах, картинах, которые многозначительны, которые много говорят, протекает жизнь целыми днями. Можно было бы сказать, эта жизненная панорама увеличивается, причём умерший чувствует: до сих пор ты созерцал; твоя жизнь распускается как ткань, растекается. И по ту сторону от этой текущей жизни ты оставляешь ту арену, на которой ты до сих пор находился.

Это переживание носит целиком эфирный характер, это эфирное переживание. В то время как мы, когда мы здесь переживаем физически-чувственное наталкиваемся с нашими органами чувств на твердое, грубое и точно знаем: чувственно переживаемое находится вовне а мы ощущаем себя в границах нашей кожи, - прошедший через врата смерти ощущает своё бытие и свою связь с миром так, что он не отделен столь сильно. Он до некоторой степени чувствует то, что он имеет в качестве жизненной панорамы, жизненного табло, как часть своего «я». Эта жизненная панорама сначала вообще является его миром. Он осматривает то, что он пережил в одной большой панораме жизни, осматривает как свой ближайший мир, который он имеет в начале. Земное бытие для него постепенно выпадает, и он отжимает наружу из этого отпадающего земного бытия то, что он пережил от своего рождения в рамках этого земного бытия, и она вытекает как мощная, живая, интенсивно живая образная панорама, пропущенная не через сновидческое сознание, но охваченная

отчетливым сознанием, причем видимы становятся не только картины, образы, но переживается заново всё то, что мы, хотя и иным образом испытывали в жизни. Каждый отдельный разговор, который мы имели с человеком: мы слышим его снова; всё то, что мы испытывали вместе с людьми, то, чем мы обменивались с ними на уровне ощущений: мы испытываем это снова. Вследствие того, что всё это является струящейся жизнью, становится возможным это дать это жизненное богатство, уплотнённое до нескольких дней, дать некий полный обзор, - который, в сущности, всегда одновременно находится перед нами, - обзор того, что мы испытывали на протяжении, порой, долгой жизни. Мы проделываем это так, что знаем: раньше, на Земле, ты переживал это так, что одно переживание шло за другим. Ты имел переживания, стоял внутри жизненных связей. Они утекали, оставаясь частью в твоей памяти, частью забывались. Затем выступало нечто новое, и так за годы составлялся жизненный поток. Теперь всё это одновременно встаёт перед душевными очами, теперь, можно сказать всё находится внутри «я» расширенного до мира.

В эти дни после смерти нельзя различить мир и «я», оба слиты вместе, и этот мир как раз и есть «я»-переживание, самопереживание. В обычно тут сначала не существует ничего кроме этого самопереживания, «я»-переживания, внутри которого находится всё, что переживали мы в земном бытии вместе с другими людьми. Затем мы чувствуем, как если бы эта внешняя эфирная вещественность, которая вначале проявляется как носитель этого образного мира, уходила от нас прочь, как если бы этот образный мир уже нельзя было бы созерцать как нечто единое, но как нечто такое, с чем теперь целиком и полностью связано с нашим собственным существом, что целиком и полностью образует теперь наш внутренний мир, наше внутреннее. И вследствие того, что мы как бы всасываем это в себя, мы оказываемся в положении снова ощущать, переживать, осматривать своим сознанием остальной духовный мир.

Мало помалу человеческие души вступает в остальной духовный мир; человеческие души, которые или прошли перед нами через врата смерти, и тоже оказались там, или человеческие души, которые ещё находятся внизу, в физическом теле, в земном бытии. Человек видит эти человеческие души из духовного мира, причем видит их в их духовно-душевном элементе. Физическое воспринимается только посредством физических органов чувств, но духовно-душевное, которое облекает это физическое, снова поднимается в человеке перед нашим душевным взором. Мы чувствуем себя гораздо более внутренне, более интимнее

связанными со всем тем, что теперь переживается нами, нежели моли мы чувствовать себя связанными там, где всё же, то есть на Земле, - из-за физического тела существовали разграничительные барьеры, разделяющие ограничения.

Теперь мы всегда должны утверждать только одно: все слова, которые были созданы для отношений физического плана, мы должны выбирать тщательно, если хотим описать духовное, ибо переживание в духовном мире носит гораздо более интимный характер, нежели переживания здесь на физическом плане. Если мы вообразим себе, как некая мысль, отображающая переживание, лежащее задолго позади нас, снова всплывает в воспоминании с этим переживанием, как эта мысль появляется из нас самих, если мы живо представляем это, и теперь помыслим себя, - я бы сказал, - в качестве (совокупности) реальных содержаний таких теневых переживаний воспоминания, тогда мы постепенно получим представление о том, как, в сущности, выступает перед нами духовная действительность, после того, как мы переступаем через врата смерти. Она, как правило, не подступает к нам извне, как переживания физически-чувственного мира. Эти имагинации появляются как образы воспоминания, только с бесконечно большей жизненностью, причём так, что мы наше «я» и эти имагинации не различаем так, как здесь мы отделяем себя от внешнего мира. Они появляются из нас как образы памяти, но так, что мы знаем: то, что поднимается тут на горизонте нашего сознания, есть реальность. Тут поднимаются имагинации: мы знаем, что они связаны с нами так, как здесь на физическом плане связаны с нами образы воспоминания. Они поднимаются со всей живостью. Но мы знаем, что мы связаны с нами, внутри них находится наше «я». Так душа поднимается вперед, так чувствуем мы себя в соединении с душой и с душевным существом высших иерархий, которые постепенно поднимаются тут. Духовный мир выступает, можно сказать, из неопределенной сумеречной темноты собственной души, как выступают образы воспоминаний, всплывающие в нашей душе. Только образы воспоминаний являются совершенно сумрачными и отображают лишь внешне действительное, в то время как имагинации выступают, становясь потом говорящими имагинациями, причём они в существенном возвещают о себе посредством их сокрытой в духе речи, которая затем становится для нас откровением души, откровением духа, с которыми мы, - в разнообразнейших формах, - находимся вместе в теплых, искренних отношениях, как можем мы быть вместе с каким-либо человеком здесь на физическом плане.

Надо особенным образом уяснить себе, какое значение имеет самое первое переживание, которое испытывает человек,

переступая через врата смерти. Этот взгляд назад на последнюю жизнь имеет большое, величайшее значение для всех последующих переживаний между смертью и новым рождением, и мы можем уяснить себе это значение, подумав о том, как мы в физически-земном бытии приходим к нашему «я»-сознанию; не к нашему «я», а к нашему «я»-сознанию. Как мы приходим к «я», мы знаем из наших духовнонаучных занятий. Духи Формы даруют нам это «я», когда мы переходили от (древнего) лунного бытия к земному бытию. Но это «я» является прежде всего подсознательным. Оно становится осознанным благодаря тому, что оно отражается в физическом теле. Как отражает оно себя здесь на физическом плане? Вы ведь знаете, что даже из обычной жизни сновидений вы можете увидеть: В жизни сновидений лишь исключительно редко осознаёт себя; это «я» исчезает с переживаниями, с образами сна, которые всплывают. Вследствие чего переживаем мы во время дневной жизни это «я»-сознание? Уясните себе, как, в сущности, это «я»-сознание связано со всеми внешними восприятиями и всеми внешними переживаниями. Если мы вот так проводим рукой в воздухе, мы ничего не чувствуем. В тот момент, когда мы наталкиваемся на нечто, мы это чувствуем. Но мы ощущаем, сущности, собственное переживание, чувствуем то, что мы пережили посредством наших пальцев. Натолкнувшись на внешний мир, мы обнаружим своё «я». И в ином смысле мы, проснувшись будем обнаруживать своё «я» благодаря тому, что мы, выходя из сновидческого сознания, погружаемся в наше физическое тело. В этом взаимном столкновении с физическим телом, в сущности, и вызывается перед душой «я»-сознание.

Пусть же нам станет ясно, что «я»-сознание не надо путать с «я». Это «я» сначала остается в подсознании, можно сказать в несовершенном виде. Каково это «я» в действительности человек узнает только в течении времени Вулкана. Однако это «я» достигает земного сознания вследствие того, что оно вместе с астральным телом погружается в эфирное тело и физическое тело, сталкивается с эфирным телом и физическим телом. И в этом взаимностолкновении с эфирным телом и физическим телом «я» обнаруживает самого себя: вследствие этого возникает «я»-сознание с того момента, когда физическое тело становится настолько жестким, что это взаимностолкновение оказывается достаточно сильным, что означает, - начиная с известного момента времени нежного детства, вплоть до которого мы можем себя вспомнить.

Также и душа в жизни между смертью и новым рождением должна сталкиваться с чем-то. Здесь в физической жизни она сталкивается с физическим телом, которое дается из физических

сил и субстанций внешней природы, сталкивается, чтобы придти к «я»-сознанию. После смерти, между смертью и новым рождением душа, чтобы придти к своему, по большей части духовному «я»-сознанию, сталкивается с собственной жизнью, которую она, - в дни, после того как она прошла через врата смерти, - созерцала, и на которую она всё снова и снова оглядывается. Сначала жизнь становится видимой, затем таковым становится ретроспективный взгляд, обратный взгляд, который всегда в наличии. Когда мы как духовные существа, после того, как мы прошли врата смерти, живём дальше в потоке времени и оглядываемся назад на то, что мы пережили непосредственно в смерти и со смертью, движущаяся дальше душа в ретроспективном взоре всегда сталкивается с этой жизненной панорамой, которую имеют, но которая теперь оставляет духовная память. И как «я» из-за своего столкновения с физическим телом возжигается здесь к «я»-сознанию, так «я»-сознание после смерти возжигается посредством столкновения с последним земным переживанием, с взором, отброшенным назад на нашу собственную жизнь. Когда мы оглядываемся на одно и то же, на то же самое, мы переживаем это «я»-сознание между смертью и новым рождением. Оно иное, это «я»-сознание после смерти, но оно ни в коем случае не слабее.

Как собственно, существует это «я»-сознание здесь в физическом мире? Дело обстоит так, что здесь в физическом мире, если мы хотим обнаружить наше «я», надо указать на то, что оно обнаруживается в нашем физическом теле посредством чего-то иного. Оно, это наше физическое «я», как бы выявляется нам из отражения нашего физического тела. Мы чувствуем себя чисто пассивно в этом произведении нашего «я», по меньшей мере, если мы не следуем примеру такой философии, какой является философия Фихте. Напротив, после того, как мы проходим через врата смерти, мы постоянно чувствуем себя деятельными. Мы как бы всё снова и снова даём себе наше теперь гораздо более интенсивное сознание, даём вследствие того, что смотрим назад на нашу собственную жизнь и с этим «я»-сознанием связываем такое сознание: мы хотим себя и хотим снова и снова, мы смеем хотеть себя, ибо мы неотъемлемо остаёмся самими собой вследствие того, что остаётся неугасимым впечатление того, что мы когда-то пережили. - Этими словами я хочу как можно отчетливее передать то, что переживается в «я»-сознании между смертью и новым рождением. Переживание, переживание сознания здесь на физическом плане несравнимо с переживанием сознания между смертью и новым рождением. Здесь на физическом плане никто, в сущности, не может благодаря собственному опыту в нормальном сознании посмотреть назад на своё собственное рождение. Своё

рождение в собственном переживании в нормальном сознании никто наблюдать не может, воспоминания начинаются только позднее. Я здесь уже говорил однажды: если люди хотят полагаться в этой жизни лишь на опыт, на собственный опыт, то никто, в сущности, не должен был бы верить в своё собственное рождение, так как своё собственное рождение он переживает, в сущности, в лучшем случае тогда, если смотрит назад ясновидчески. Если кто-то говорит: я поверю в духовный мир не раньше, чем я сам увижу его; в то, что говорит мне духовная наука, я верить не желаю, я верю только в то, что я видел сам, - ему тогда можно было бы ответить: а как же твоё собственное рождение? Ведь ты, по всей видимости, веришь в то, что оно состоялось? Но настоящего опыта об этом ты иметь не можешь. - Отсюда видно, как даже о столь значительном для человеческой жизни событии нормальное сознание узнаёт лишь посредством умозаключения. Мы Всегда для нормального сознания мы предполагаем, что мы родились, когда делаем вывод: мы выглядим как те люди, относительно которых мы наблюдали, что они родились, следовательно, мы тоже родились. - Но это оснуется всего лишь на умозаключении, на выводе.

Совсем иначе обстоит дело во время между смертью и новым рождением. Сколь мало можем мы в нормальном сознании смотреть назад на собственное рождение, столь сильно человек посредством этой памятной жизненной панорамы созерцает момент своей смерти. И сколь истинно то, что рождение гаснет для земного сознания, столь истинно и то, что событие смерти всегда стоит в ретроспективном сознании перед душевной жизнью между смертью и новым рождением, но теперь оно видится с другой стороны. Здесь на физическом плане человек видит событие смерти лишь с одной стороны. Тут это порой ужасная сторона. Но из этого не следует заключать, что было бы ужасным, когда тот, кто живёт дальше, должен был бы всегда смотреть назад на переживание смерти. Ибо это оттуда выглядит как прекраснейшее, величественное, значительнейшее переживание, которое вообще может иметь человеческая душа, поскольку оно всегда сияющим образом показывает, как дух одерживает победу над материальным бытием. Этот продолжающийся ретроспективный обзор переживания смерти оживляет, поднимает и возвышает всё сознание. Это переживание смерти является по преимуществу таким, благодаря которому душа говорит себе: я живу здесь в духовном мире, с духовным миром. - Вследствие того, что душа имеет силу сказать себе это, переживание смерти имеет необъятное значение для жизни, начинающейся после смерти.

Я говорил: человек чувствует как его тело и всё то, что было на Земле, оставляет его, и он чувствует, как он теперь посредством своей внутренней деятельности должен уравновесить своё сознание, как он должен предпринять нечто для своего сознания, что раньше он предпринимал для того же самого посредством инструмента своего тела. Я должен без тела сознательно жить во мне: возможность охватить эту мысль, производит гораздо более сильное сознание, нежели можно иметь его в пределах земной жизни. Эту убежденность приносит нам смерть, так что человек может почувствовать: тело уходит, но теперь наступает время, когда ты уже не вынужден наталкиваться на своё тело, чтобы почувствовать в себе «я», теперь начинается время, когда ты некоторым образом самими духовными силами вливаешься в твою душевную оболочку, так что ты постоянно призываешь себя к сознанию. - Если человек познаёт, как может осуществляться это само-призывание к сознанию, когда он оторван от тела, он имеет жизненное впечатление внутреннего сотворения бытия. Это начинается со смертью; человек должен начать переживать себя как «я» без тела. Это исходный пункт, чтобы и дальше чувствовать себя без тела как «я», оглядываясь при этом на переживание смерти. Если взгляд духовного исследователя вследствие того, что он позволяет духовному миру возрождаться в себе, приходит к тому, что души, прошедшие через врата смерти, как бы во внутреннем мире всплывают в поле его сознания в имажинациях, то он научается познавать, **как** переживает умерший. Он учится познавать разницу, которая выступает тут. Он, конечно, всегда может описать лишь что-либо отдельное. Вот такую разницу мы хотим принять к сведению.

Он учится познавать, как на арене душевного наблюдения выступают после смерти человеческие души. Эти человеческие души проявляются в двух видах: такие человеческие души, которые раньше уже вступили в духовный мир перед нашей смертью, которых мы находим внутри него в качестве развоплощённых душ, и такие души, которые ещё воплощены в теле на Земле. Даже тех, кто ещё находится на Земле мы в состоянии точно так же сопереживать. Когда арена земного бытия исчезает от нас, у нас остается возможность суметь связать себя с тем, что было душевным. Для нас исчезает только физическое, но наша душа расширяется, соединяется с отдаленной Вселенной и вследствие этого ей дается возможность, даже когда физическое как бы стремительно уходит от нас, суметь связать и сопережить себя с душевным началом.

Однако есть разница между переживанием одного душевного вида и переживанием другого душевного вида. Если мы

переживаем человеческую душу в духовном мире, тогда мы переживаем, конечно, не так, - едва ли надо это говорить, но те, кто ещё не понял в чем состоит созерцание в духовном мире, верят в то, что человек выступает по отношению к ней так, как выступает он по отношению ко внешнему существу; однако её переживают так, что чувствуют это существо всплывающим в сознании. Итак, относительно души, которая развоплощена, которая прошла через врата смерти, и которую мы встречаем, мы имеем внутреннее переживание того, что она находится здесь. Тем самым оказывается впечатление. Мы знаем: тут находится некая душа. Но мы должны как бы вжиться, вчувствоваться в неё. Мы должны получить от неё имагинацию так, чтобы мы сами почувствовали своё участие в создании этой имагинации.

Дело действительно обстоит так, что эти вещи можно описать следующим образом: человек чувствует себя в духовном мире. Возникает сознание: ты сейчас не один, к тебе приближается душа. - Это происходит так, как когда человек в физическом мире невидимо несёт в душе мысль. Но он хочет сделать её видимой. Он берет мел и обозначает эту мысль, делает образ о ней. Так действительно обстоит дело сначала при переживаниях в духовном мире. Человек знает: здесь находится реальное духовное существо. Для того чтобы увидеть эту душу, надо сначала придти с ней в такое соприкосновение, чтобы действительно как бы обозначить её как имагинацию в духовном пространстве. Это тоже делалось, но человек знал о своей деятельности при создании этой имагинации. И если она (душа) посредством музыки сфер, посредством которой она давала возможность своему существу говорить к нашему существу, хотела говорить так, как человек здесь посредством своей речи возвещает о своей душе в физическом мире, если она позволяла музыке сфер звучать из себя, тогда человек тоже чувствовал, что он не может оставаться пассивным. Когда вы слышите речь какого-то человека, и не хотите при этом думать, то вам эту речь не понять. Если человек хочет понять её, он должен содействовать. Так же и здесь надо содействовать повсюду. Человек активно, деятельно сопереживает; он знает, что относительно каждой части проявления сущности души, которую он перед собой имеет, он должен участвовать в создании этого проявления. Он создаёт проявление, но не существо, не сущность. Может случиться также и так, что человек не чувствует себя сильно задействованным, чтобы знать: сейчас здесь находится человеческая душа. Но она прорывается без того, чтобы мы участвовали в этом так сильно, как в только что описанном случае с имагинацией. Имагинация возникает перед нами в большей степени сама по себе. Тогда мы встаем по отношению к душе,

которая ещё воплощена на Земле. Когда же человек прошёл через врата смерти и постепенно вживается далее в духовный мир, он обучается той форме и виду, как поставить себя по отношению к душе, как узнать разницу между душами, которых он может встретить только в духовном мире, и такими, которых он должен считать находящимися на Земле.

Тем самым я сообщил о различии, играющих роль в непосредственном переживании опыта, который человек проделывает в духовном мире. Также необходимо различать переживания, внутренние переживания, в случае, если переживают человеческую душу, или же переживают душу существа высших иерархий. Примите то, что я как-то описывал вам как переживание человеческой души. Я говорил: человек переживает человеческую душу или так, что он создаёт или воссоздаёт имагинации, или же, когда она в большей или меньшей степени сама создает себя. Но тогда переживание может быть также таким: человек знает, что здесь находится существо. Это существо должно выступить перед нами как имагинация, выступить в переживании, если мы хотим вести с ней совместное бытие. Но у нас нет возможности создавать имагинацию тем же непосредственным образом, как в только что описанных случаях, где она в одном случае даже строилась сама. Мы должны, если мы имеем переживание: существо здесь, - развить в себе ещё нечто совершенно иное. Мы должны развить в себе ощущение: мы позволяем создавать это существо в нас. Мы передаём наши силы, чтобы эти силы устремлялись в само это существо. - Итак, в то время как в случае человеческой души мы чувствуем себя самих участниками создания имагинации, в случае существ высших иерархий, Ангелов, Архангелов, как эти существа создают имагинации в нас. Так мы постепенно вживаемся в этот обоюдный опыт духовного мира.

Мы также знаем, что в конкретном случае этот обоюдный опыт осуществляется так, чтобы на протяжении долгого ряда лет, - мы уже часто рассматривали их протяженность в отношении к последней земной жизни, - жизнь снова протекает в обратном порядке. Только пару дней имеем мы эту жизненную панораму, а затем начинается переживание земной жизни в обратном порядке, хотя и иного вида, нежели переживали мы её здесь между рождением и смертью. Сначала мы переживаем смерть, затем то, что мы пережили прежде неё, и так назад в духе до рождения. Я могу сказать, что мы со стороны смотрим на следствия. Возьмём нечто грубое, допустим я сказал в жизни одному человеку: ты неблагородный человек, - или оскорбил его каким-либо образом. Тут я пережил нечто в течение жизни. То, что пережил я, есть

нечто иное, нежели то, что пережил он. Он пережил чувство оскорбления, унижения, боли, страдания. Теперь при проживании после смерти в душевном мире, человек сам переживает следствия того, что он сделал. Страдание, которое имел другой, когда мы его обругали, это страдание, эту боль переживаем мы сами на себе. Мы переживаем следствия наших действий в другом существе, когда мы так переживаем в обратном порядке, переживаем назад. Мы получим некоторое представление об этом переживании после смерти, если направим взгляд на то, что может раскрыть духовный исследователь относительно связи этого переживания после смерти с переживанием здесь в физическом мире.

То, что я говорю сейчас, может обратить наше внимание на то, как духовный исследователь постепенно подходит к своим переживаниям; является предрассудком, если считают, будто бы тот, кто перешел порог духовного мира, знает этот духовный мир на собственном опыте, и его теперь можно спрашивать обо всём. Нам приходится всё снова и снова переживать следующее. Когда духовный исследователь говорит о том или об этом, причем открыто, на публике, и при этом, - что с известной точки зрения может казаться желательным, - даёт ответы на вопросы, когда его спрашивают о том, что происходит на Земле и на небе, о всяких бесконечностях, при этом заранее предполагают: тот кто вообще видит в духовном мире, тот уже знает всё, что вообще только можно знать. - Это выглядит примерно также, как если бы кто-то сказал: у тебя есть глаза, ты знаешь Мюнхен, так расскажи мне про Калифорнию! - В духовном мире дело обстоит точно также; надо шаг за шагом усваивать то, что может быть охвачено, понято из духовного мира. Это наивно, если полагают, что там не надо сначала осматривать всё шаг за шагом. Причём в духовном мире дело обстоит ещё иначе, чем здесь в физическом мире. Здесь в физическом мире, если человек, - бы сказал, - ещё никогда не был в Гейдельберге и хочет описать Гейдельберг, то он едет туда, он приводит себя в движение. В духовном мире вещи должны сами подходить к нам, там мы должны развивать в душе силу ожидания, силу внутреннего переживания. Вещи вступают в круг нашего видения, если мы создали способность к этому. Гейдельберг духовного мира должен сам придти к нам, а мы должны подготовить к этому свою душу. Это всегда в известном смысле зависит от того, чем будем мы одарены, сможем ли мы узнать в духовном мире то или иное. Так постепенно духовный исследователь может обучать тайнам духовного мира.

Сегодня мне хотелось бы, исходя из известной точки зрения, обсудить одно духовно-исследовательское переживание, которое мне ещё не приходилось обсуждать здесь с этой точки зрения.

Если кто-то, после того как он раскрыл в себе некоторые внутренние, а значит духовные силы наблюдения, наблюдает душевные переживания человека, какими являются они в духовном мире между засыпанием и пробуждением, когда он наблюдает тут спящего человека как душу, наблюдает как этот человек находится вне своего физического тела, - наблюдающий учится познавать разное, но он должен научиться смотреть с известной точки зрения, если хочет что-либо охватить, - тогда наблюдатель замечает, что человек во сне в своей душе проявляет непрерывную деятельность, он гораздо более деятелен, чем во время бодрствования. Во время бодрствования человек пользуется тем, что как деятельность развивает его тело, в ней он живёт, в неё он поставлен как душа. Во сне напротив, он живёт в своей собственной деятельности. Исследуя её, находят, что человек во сне ещё раз в другой форме переживает то, что переживал он в физическом мире от пробуждения до засыпания. Допустим, я что-то сделал, прочел то или иное: во сне я снова переживаю весь процесс чтения, я прохожу всё это заново. Только сегодня мы ещё не имеем в нормальной жизни такого сознания, чтобы это стало «я»-сознанием; но поэтому оно разыгрывается в душе, хотя лишь смутно, глухо. Всё же это происходит: душа, в сущности, активно разрабатывает то, что она переживала в течение дня. Пусть эти мысли преобразуются так, чтобы они стали плодотворными в душе. В качестве жизненных плодов мы перерабатываем то, что мы разрабатывали себе днём. Всё активнее втягиваются в работу жизненные плоды, жизненные события: это то, что мы проделываем во время сна.

Затем духовный исследователь может открыть ещё нечто. Если он сравнивает эти переживания, имеющиеся во сне у человека, с переживаниями, которые человек имеет через годы или десятилетия после того, как он переступил через врата смерти и проделывает свою жизнь в обратном порядке, оказывается интересным то, что человек проживает свою жизнь так, что он, в сущности, переживает ночи, а не дни. Как он каждую ночь смотрел назад на день, так переживает он теперь в душевном мире. Это то же самое, что переживал человек в бодрственном сознании, но рассмотренное со стороны сна. Мы переживаем это как нечто достойное внимания. Мы, по большей части не задумываемся над этим, не разбираемся в этом мысленно, но, в сущности, простираем наши воспоминания здесь в физической жизни только на переживания дня. Мы вспоминаем только о том, что мы имели в бодрствующем сознании. Теперь, после смерти, мы как раз вспоминаем о том, что мы имели как повторное переживание ночами, повторное переживание того, что мы проделывали в

дневной жизни. Тут выступает осознанная память, осознанные воспоминания о ночных переживаниях. Раньше я не говорил об этом столь отчётливо, не говорил просто потому, поскольку я этого не знал. Такие вещи даются человеку в следующих друг за другом духовных исследованиях.

Однако одно выявляется для нас, нечто важное, важное для того сознания, которое мы хотим создать себе при работе нашего Общества в ветвях. Я уже раньше, - вы могли бы причесть об этом, - с другой точки зрения обращал внимание на тот факт, что жизнь в стране душ занимает примерно треть того времени, которое человек проводит между рождением и смертью. В книгах были даны причины этого. Однако эти причины давались с иной точки зрения, нежели та, которую я развиваю теперь. Человек переживает ночную жизнь. Как долго спит человек нормальным образом? Он просыпает треть своей жизни. Это примерно значит, что он спит одну треть своей жизни. Когда после смерти проходит через ночи, это длится одну треть от пережитого на Земле. Это связано с этим прохождением ночей. Это исключительно интересно и важно. Ведь до сих пор это давалось на основании совсем других причин. Я снова указывал на это, например, в книге «Очерк тайноведения»: одну треть земной жизни длится повторное проживание этой жизни после смерти, жизни в Камалоке. Теперь, исходя с совершенно иной точки зрения, которая раньше не подразумевалась, выявляется снова: эта жизнь в Камалоке составляет одну треть земной жизни, - исходя с той точки зрения, что человек проживает ночи. Видите ли, это такие вещи, которые, если они выступают всё снова и снова, являются исключительно весомыми и мощными в качестве доказательных сил относительно того, что может дать человеку духовная наука. Отыскивая истину с определенного исходного пункта, приходят к следующему: жизнь в Камалоке длится одну треть земной жизни. - Затем, исходя из совершенно другой точки зрения, другого пункта, находят тот же самый результат. Эти результаты подкрепляют друг друга. Это всё снова и снова выступает навстречу, а это даёт уверенность также и тому, кто ещё не может исследовать сам. На такую согласованность я уже часто обращал внимание. Когда мы вот так в жизни ветви вместе по отдельности исследуем то, как раскрываются эти вещи, мы постепенно овладеваем внутренней уверенностью и силой убежденности, если мы долго прикладывали усилия к тому, чтобы на собственном пути познания приобрести собственный опыт, собственные познания.

В заключении мне хотелось бы сообщить вам ещё одну истину, которая представляет особенный интерес для нашего времени, хотя они может заинтересовать людей в любое время. В открытой

лекции я с некоторой точки зрения уже говорил о смерти, которая наступает вследствие того, что человек в цветущем возрасте, например, получает пулю, что физическая жизнь в некотором смысле отбирается у него. Как сказано, я указывал на то, что возникает из этих неиспользованных сил. Я уже раньше указывал на это с разных точек зрения. Сегодня я хочу указать на этот случай смерти с другой точки зрения.

Как вступает в духовный мир тот, у кого жизнь физического тела прекращается не вследствие болезни или возраста, но насильственно, кто теряет тело из-за пули или иного ранения, как вступает он в духовный мир? Я уже сообщал, что из его неиспользованных сил остаётся. Но как вступает в духовный мир он сам, - это загадочный вопрос. Именно в такое время видно как так много наших душ входит через врата смерти в духовный мир. Их тело отобрано у них вследствие внешнего влияния. В духовном мире они сильно отличаются от тех душ, которые утратили тело вследствие болезни или возраста. Чтобы уяснить и понять эти вещи, надо суметь сопоставить в духовном мире то, что нужно с тем, что нужно. Теперь человек может спросить: с чем надо сопоставить это загадочное явление, чтобы разрешить загадку? - Обнаруживается, что это явление надо сопоставлять с кое-чем, что переживают в физическом мире. Давайте характеризуем это переживание здесь в физическом мире так, что сначала посмотрим на грубых материалистических мыслителей, которые не придают цены ничему как только тому, что грубым образом может быть охвачено чувственным опытом, тому, что вследствие производимого им грубого впечатления, обозначается как существующее. Но в этом мире есть ещё и нечто иное, то, что делает эту жизнь полноценной, и это иное есть идеалы. Конечно, наиболее грубый материалист скажет: идеалы нельзя есть, у них нет настоящего бытия, это всего лишь нечто придуманное. Но те люди, которые вносят идеалы, действуют ради истинного оплодотворения, возвышения и оживления земного бытия. То, что не существует в грубо материалистическом смысле должно быть внесено в ход земного бытия, чтобы эта жизнь стала полноценной. Идеалисты, - это те, кто в известном смысле для земного бытия является посланцами божественного мира. Ибо идеалы являются чем-то наподобие посланий из божественного мира, чем-то таким, что включено в физический мир, но происходит не из физического мира. Идеалы нельзя наблюдать, над идеалами нельзя проводить эксперименты, чтобы посредством опыта представлять их на экспериментальном уровне. Но, тем не менее, идеалы являются посланиями из духовного мира.

Когда человеческая душа, которую, например, пуля лишает в цветущем возрасте тела, восходит через врата смерти в духовный мир, она приносит наверх в духовный мир не только неиспользованные силы, которые будут использованы таким образом, на который я уже указывал ранее, но приносит также совершенно определенное сознание. Такие души вступают в духовный мир через врата смерти иначе, нежели другие души, которые смогли завершить жизнь, или у которых тело было отнято вследствие болезни. Те души вступают в духовный мир так, что они проносят с собой мысли о том, что могло происходить внизу в физическом мире, а именно о своей собственной жизни до того пункта, когда они пожертвовали собой. Ведь имелись задатки, которые могли быть детерминированны в физическом мире, задатки, которые могли бы в ближайшие годы стать естественной жизнью этих душ. Существовали бы возможности, чтобы, скажем, два года спустя после смерти тело, как физическое тело встретилось бы с чем-то другим. Теперь его тут нет. В физическом мире могло бы произойти нечто, чего, однако, тут нет. Вот это душа лишенная тела берет с собой наверх в духовный мир.

Духовному миру точно также нужно, чтобы здесь, наверху можно было сообщить, как внизу в мире существует нечто, для чего имеются задатки некоего грубого бытия, но что, однако не изживает себя в качестве грубого материального бытия. Это возвешение является для духовного мира чем-то подобным тому, чем является для физического мира возвешение идеала. Это возвешение становится как бы перевернутым идеалистом. Здесь, внизу жизнь может протекать так, что задатки не могут изжиться, что души, обретшие насильственную смерть, вернулись из физического мира. Тем самым тут наверху среди тех кто не переживал насильственной смерти, делается возвешение, которое означает то же самое, что означает здесь возвешение идеала. Здесь в физическом бытии кто-то возвещает: полноценно не только то, что производит впечатление на органы чувств, но полноценными являются также и идеалы, которые происходят из духовного мира. – В духовном мире, те, чьи тела были взяты, возвещают: существует нечто действительное, что, однако, будучи предопределенно к чувственному бытию, не приступило к этому чувственному бытию, оно вступило в мир иным образом, оно ожило в духовном мире подобно тому, как идеал оживает в чувственном мире. Это очень значительное переживание духовного исследователя, и оно указывает нам на то, что жертвенная смерть тоже имеет значение для духовного мира; не только то значение, о котором я вчера сообщал относительно физического мира, но также значение для духовного мира. Среди душ духовного мира

живут такие, которые смотрят на обычный ход жизни; среди них, однако есть и такие, кто научился одним рывком отрывать (указанные) задатки. И они в некотором роде являются для духовного мира идеалистами навыворот.

Так постепенно раскрываются явления жизни, загадки бытия, и человек по-настоящему, именно в такое время, как наше, когда так много, много загадочного может предчувствоваться из крови и страданий, получает впечатление, что только духовная наука может приобщить человека к цельной, полной жизни. Человечество продвигается вперёд. Раньше не существовало нынешней естественной науки, она поднялась из сумеречной тьмы душевных стремлений. Точно также должна подняться и духовная наука. В будущем человек не должен оказаться лишённым её. Сегодня она имеет ещё много противников, но человек будет всё больше и больше ощущать загадки бытия, и, вследствие этого всё больше и больше ощущать необходимость выступать навстречу загадкам бытия на духовнонаучной основе. Это всё снова и снова должно по-новому воскресать в душе как мысль, которая свя́зывает нас с нашим духовным движением, мысль, которая некоторым образом указывает нам на то, как мы в рамках нашего духовного движения ищем нечто такое, что должно всё больше и больше распространяться среди человечества, и что мы обязаны поддерживать против той враждебности, которая ещё вполне естественным образом обнаруживается в нашей современности.

Мне хотелось бы в наше время, исходя именно из сегодняшнего рассмотрения, особо подчеркнуть, как серьёзность нашего времени именно в эти дни должна предостерегающе возвестить нам обо всём том, что мы можем сделать в соответствие со своими силами, чтобы духовная наука, насколько она стала нашей, действительно воплотилась в эволюцию человечества. Мне хотелось бы выделить это предостережение, этот призыв к тому, что мы теперь должны сделать эти мысли как можно сильнее и живее, поскольку обстоятельства времени могут привести к тому, что мы не сможем быть вместе как в нормальное время. Поэтому позвольте мне направить к нашим душам призыв, чтобы мы в это военное время верно и самоотверженно работали в отдельных ветвях, несмотря на то, что совместная работа с вашей и , например, с моей стороны может проходит лишь редко, пока мы снова не придём к нормальным временам. Ведь теперь путешествовать по миру стало гораздо труднее, чем раньше, и может быть, что мы именно теперь должны учиться по-настоящему крепко держаться за самих себя и самостоятельно работать в ветвях. Делать то, что мы можем сделать в этом направлении, может стать поистине плодотворным для того, что в нашем смысле

должно влиться в эволюцию человечества как духовные стремления. Ибо всё снова и снова надо указывать на мысль: великая жертва, которую должно принести бесчисленное множество людей в настоящее время, которая так тесно и внутренне связана с тем, что смерть скрывает в эволюции человечества как тайну и боль, эта жертва только тогда имеет правильное отношение к нашей душевной жизни, если мы сможем рассматривать её с точки зрения духовной науки, рассматривать из великих связей общечеловеческого бытия и исторического становления.

В мои намерения не входит, разбирать всевозможные препятствия и затруднения, о которые в последнее время вы могли услышать, так как в одном месте пришлось однажды это обсуждать. Однако эти вещи всё же показывают, насколько необходимо, чтобы мы совершенно конкретно принимали плодотворность и необходимость нашего духовнонаучного движения, чтобы мы могли отделить от него то, что выступает как наше личное желание и воля, то, что всё снова и снова встречается как препятствие и помеха для правильного хода нашей духовнонаучной работы. Духовная наука так богата содержанием, что она должна занимать нас совершенно конкретно, определенно. Давайте попытаемся чаще проводить перед своей душой то, с какой легкостью личные, честолюбивые, тщеславные стремления смешиваются с тем, что должно быть понято нами, с тем, на основе чего мы должны позволить охватить себя духовной жизнью, пульсирующей через мир.

Некоторые события, разыгрывающиеся внутри нашего Общества, могли бы сблизить наши души с такой мыслью: ах, там вовне течет кровь, там вовне большая часть людей сражается за дело, значение которого сегодня ещё нельзя даже измерить, и вот имеется духовное движение, которое в действительности может будить чисто конструктивные интересы, в котором надо направлять взгляд не на то, что является всего лишь личным, однако тут властвует столь много личного, к тому же в такое время, в которое душа должна чувствовать свою обязанность сопереживать великие события. Это тоже источник боли; оказалось возможным смешать личное с тем, что должно быть неличным.

Всё снова и снова, особенно сегодня мы должны из нашей изолированной, разобщённой жизни смотреть на то, что переживает европейское человечество и человечество вокруг, и говорить себе: истинные труднодостижимые плоды будут даны в будущем только тогда, если человечество добавит для себя то, что хочет воплотить в общечеловеческой эволюции духовная наука.

Если с тем, что как плоды крови и боли, и страданий и лишений перейдёт в будущее, будет соединено то, что может быть достигнуто из мыслей духовной науки, тогда на полях, требующих сегодня так много жертв, сможет когда-нибудь расцвести духовная жизнь человечества, достойная этих жертв. Глядя на них, давайте завершим словами:

Из мужества бойцов,
Из крови павших,
Из страданий оставленных,
Из жертвенных дел народа,
Взрастёт духовный плод -
Если, сознавая Дух,
Души направят свои чувства
В царство Духа.

Если в наших рядах смогут встать многие души, направляющие свои чувства в царство духа, тогда то, что возникнет как цвет и плод их усилий смогут стать не только личным, но и общечеловеческим благом. В этом смысле, интенсивно придерживаясь нашего дела, мы хотим и дальше работать вместе над тем, что может принести жизнь!

ПЯТАЯ ЛЕКЦИЯ

Мюнхен, 18 марта 1916

Клевета со стороны миссис Безант. Задачи пятого и шестого культурного периода. Сущность русского человека. Восточная и Западная Европа. Средняя Европа и оккультизм нового времени. Цель западных орденов: связь между Восточной и Западной Европой при исключении среднеевропейской духовной жизни. Е.П. Блаватская. Использование её оккультных способностей для политических целей Запада. «Пророчества» мадедуазель Тебес. Убийство Жореса. Западноевропейские масоны и русские тайные союзы.

Сегодняшний вечер мы хотим использовать в большей степени для оккультно-исторического рассмотрения; послезавтра мы обратимся к оккультному рассмотрению только относительно человека. То, что сегодня я хочу исходить из одного вопроса, вызвано разного рода необходимостями, имеющими место, которые следует обсудить ввиду событий современности. Это, право, не должно привести к тому, что мне хочется ворошить прошлое, что мне хочется оглядываться на старые споры; нет, это должно послужить к тому, чтобы сказать то, что должно быть сказано. Вот почему мне хочется исходить из одного вопроса, на который я не хочу отвечать непосредственно; вопроса, ответ на который должен быть получен благодаря различным рассмотрениям, которые мне хочется провести. Я хочу исходить из такого вопроса: почему миссис Безант с начала войны в своём английском журнале неслыханным образом клеветает на наше немецкое движение? Почему она начала эту клеветническую компанию вскоре после начала войны, и почему она и в настоящее время продолжает её самым невероятным образом? - Некоторую отправную точку для ответа на этот вопрос могут дать последующие рассмотрения.

Лекции, которые я должен был прочесть в открытой аудитории в связи с нашим духовным движением, само собой разумеется, должны быть прочитаны так, чтобы они были понятны публике. Но, в основе каждой произнесенной там фразы лежало нечто гораздо более глубокое: каждая фраза высказывалась по необходимости, обусловленной известным сочетанием фактов. Кое о чём из этого сочетания фактов я хочу рассказать вам как раз сегодня.

Я часто обращал внимание на то, что мы живём в эпоху, когда во всё культурное движение, безусловно, должно вливаться нечто от оккультно-духовного познания. Оккультные течения, духовнонаучные течения, в сущности, никогда не отрывались совершенно от развития человечества. Однако надо порвать с одним не то чтобы предрассудком, но со своего рода предощущением, которое очень распространено в наших рядах, если мы хотим правильным образом судить о некоторых вещах, которые должны быть уже известны. А именно, порвать надо, - не говоря об остальном, - с известной мечтательностью, сонливостью, в которую с такой легкостью впадают те, кто подступает к нашему духовнонаучному движению, желая для своей души чего-то приятного, удобного, того, что, согревая, несло бы его по жизни, к чему он прислушивается и даёт действовать на себя, чтобы ему стало тепло от того, что можно верить в высшее предназначение человеческой души; всё это совершенно правильно но может быть также сильно связано с известным убаюкиванием души. Это очень часто наблюдается именно у тех, кто хотя и позволяет духовной

науке действовать на свою душу, но в то же время не стремиться посредством того, что может дать духовная наука, отыскать ясные, надежные суждения о происшествиях жизни, о взаимосвязи фактов, внутри которых стоит каждый отдельный человек.

При разборе эволюции человечества часто обращалось внимание на то, как наш пятый послеантлантический культурный период, в котором мы живём, имеет задачу выработать душу сознательную из общих задатков человеческой души, и как затем в шестом послеатлантическом периоде должен быть выработан Самодух. Обращалось внимание и на то, насколько известные человеческие задатки, которые именно на Востоке Европы сегодня ещё в брезжащем, сонном виде обнаруживаются у русского народа, должны существенно содействовать тому, чтобы шестой послеатлантический культурный период реализовался соответствующим образом и в правильном виде. Тут необходимо то, что в основе русской Народной Души заложены некоторые свойства, и что русский человек, если он только не будет введён в заблуждение своей «интеллигенцией», до глубины души проникается этими свойствами. На такие свойства надо обратить внимание. Эта русская Народная Душа во всём своём типе имеет нечто, что почти можно назвать женственностью, нечто способное к ласковой привязчивости, нечто, легко усваивающее, принимающее то, что приносило культурное развитие.

Именно с этим связано то, что русский человек принимает, и в ходе проделанного им развития всегда принимал то, что из древних времен вливалось в русскую культуру как в большей степени по-восточному окрашенная византийская форма религии. Русская Народная Душа является до сих пор внутренне мало продуктивной, внутренне мало творческой, но в высшей степени способной к принятию. Вот почему могло быть так мало сказано о поступательном развитии русской ортодоксальной религии в те столетия, в которые действовала среди русских эта русско-византийски ориентированная религия. Кто участвовал в церемонии в Русской Церкви, - пусть даже лишь мимолетно, - тот может ощутить, как бесконечно много ориентальных аурических веяний струится через эти церемонии, как нечто аурическое, осязаемо вносится в непосредственную современность. Это первое.

Второе: в этой русской Народной Душе заложено то, что отдельный русский человек мало разбирается в том, что в Западной и Средней Европе уже является необходимым как осуществляемое в понятийных формах подразделение социальной жизни и её дальнейшего развития. Обозначенная тем самым необходимость состоит, например, в принятии строго юридических форм в европейский социальный порядок. Однако русский человек

мало понимает это, осуществленное посредством понятийных, мыслительных форм подразделение социальной жизни. Это вводит его в заблуждение, касающееся того, что он мог бы назвать свободным эмоциональным изживанием своей судьбы. Он не желает впасть в заблуждение вследствие каких-либо мыслительных форм, вплетенных во внешнюю социальную структуру.

Третья черта является тем, что заинтересовало Гердера и что действительно внутренне интимно связано с тем, что можно назвать русской Народной Душой. Ибо эта черта раскрылась не в самой России, то есть, она была выявлена и подчеркнута на понятийном уровне не в России, но первоначально Гердером, поскольку как славизм так и панславизм вообще чрезвычайно многое заимствовали у Гердера. Это опять-таки является доказательством легкой восприимчивости русского начала, русизма. Эта третья черта представляет собой некое миролюбие, отсутствие агрессии по отношению к духовной жизни, пассивная самоотдача. Агрессивное выступление за какие-либо догмы или за что-либо подобное чужды русской народности. Это и есть третье свойство.

Конечно, эти свойства вследствие разных обстоятельств, - именно это вносит с собой сложность человеческой жизни, - могут обращаться в свою противоположность, и из-за тех совратителей народа, с которыми приходится иметь дело сейчас, почти все эти три черты обращены в свою противоположность. Того, кто приобщен к духовной науке, это не должно удивлять.

Однако тем самым становится видно, - мы это увидим в ещё большей степени, если сейчас подробно проштудируем, хотя бы пару штрихов из указанного, - что тут, на Востоке Европы существует материал, который, некоторым образом, должен слиться с тем, что выявляется на Западе Европы из гораздо более активного развития. На Западе Европы надо подметить прямо-таки противоположные черты характера. Было указано на то, что тут благодаря известному активному развитию может быть принесено человечеству в наш пятый послеатлантический период, и что должно быть принесено ему далее, если только эти вещи не проспят; те вещи, которые, например, были снова сообщены вчера в моей лекции об умолкающем звуке немецкой духовной жизни.

Для того, кто может действительно беспристрастно рассматривать развитие этой духовной жизни, - беспристрастно даже тогда, когда во внешней физической действительности в настоящее время её изображают ему в страшно искаженном, карикатурном виде, - для того, кто может рассмотреть движущие силы этой духовной жизни, тем не менее, ясно, что, вследствие

известных фактов, именно то, что существует в средневропейской духовной жизни, должно вступить в своего рода брак, брачный союз с тем, что вытекает из русских природных задатков. Своего рода взаимодействие должно состояться между тем, что в Средней Европе, я мог бы сказать, может быть создано благодаря самобытности этой средневропейской духовной жизни, и тем, что, вследствие известных чисто природных свойств европейского Востока может стать воспринимающей стороной.

Если вы более точно изучите эту средневропейскую духовную жизнь, именно ту её черту, на которую я обращал внимание сегодня в открытой лекции, то увидите: конечно, в этой черте ещё не заложена духовная наука как таковая, но в неё действительно заложено то, что является зародышем духовной науки. Фихте, как я уже часто сообщал, говорит о «высшем чувстве». Гёте говорит о «созерцающей силе суждения». Шеллинг говорит о том, что душа, если она действительно хочет заглянуть в тайны бытия, должна возвысить себя к тому, что он называет «интеллектуальным созерцанием». Чтобы понять эти вещи точнее, надо обратить внимание на то, что совершил Шеллинг в старости в необычно глубокомысленных трудах «Философия мифологии» и «Философия откровения». Глубинное понимание христианства живёт в этих трудах, которые ещё не поняты. Духовное понимание мира живёт в таком его сочинении, как, например, «Самофракийские божества», где Шеллинг пытается вникнуть в мистерии самофракийских кабиров. В сущности, в новейшей духовной жизни нигде не выступает так сильно сознание того, что в христианстве нечего делать с суммой догматов, что это, собственно всего лишь сопутствующая вещь, когда культивируют христианские догматы. Тогда как главной вещью является то, что событие Христа, Мистерия Голгофы состоялась; нигде это не выступает навстречу так сильно как в «Философии откровения» Шеллинга. Всё это способно к развитию, всё это должно вести к тому развитию, на которое мы так часто указывали, мысленно рассматривая то, что именно благодаря Средней Европе должно быть выполнено в пятом послеатлантическом периоде.

Но вот Западная Европа! Рассматривая Западную Европу, надо в первую очередь уяснить себе, что этот Запад Европы повсюду проникнут историческим, переданным по традиции оккультизмом, который, однако нигде не проявляется в столь органическом, исполненном жизнью виде, живущем также и вовне в экзотерической жизни, как может проявиться истинный оккультизм нового времени, вытекающий из духовного потока Гёте, Шеллинга, Гегеля ит.д. То, что имеется на Западе как оккультизм, только слегка связано с тем, чем является внешняя

наука. Было бы невозможно, например, для Англии отыскать похожие связи между оккультной наукой и собственными познавательными стремлениями, что действительно имеет место в картине мира немецкого идеализма. Не следует думать, будто то, что является чисто английским, - философия Бэкона Верулемского, философия Спенсера, по-английски окрашенный дарвинизм, или опять-таки новый прагматизм, - искали точно такой же путь к тому, что живёт в различных оккультных орденах Запада, как это имеет место в случае немецкого идеализма. То, что проходит через эти различные оккультные ордена, должно было быть изолировано, замкнуто, тут нельзя было создать настоящего моста к внешней мировой науке.

Но зато в этих западных орденских связях, а именно в некоторых высоко градуированных орденах существует познание, переданное исторически, которое принимает в себя каждый, существует известное знание, - я мог бы сказать, - того европейского положения в мире, познание, главная тайна которого действительно состоит в одном следующем факте, а именно: как по одну сторону Восток Европы по крови предопределен к принятию чего-то, так то, что расположено к Западу от этого Востока Европы, предопределено к развитию того, что должно быть принято Востоком. Это знание совершенно определено имеется в распоряжении руководящих персон западных орденов. Там, где эти руководящие персоны развивают основные идеи своих оккультных действий, они непременно говорят об этой связи.

Однако с развитием таких основных идей на Западе связано нечто вполне определенное. Что связано с ним, лучше всего видно, если исследовать эти вещи там, где они проявляются наиболее жестко и наглядно: в рамках британской орденской жизни. В каждом, кто в этой британской орденской жизни введен в некоторые высшие градусы, - некоторые высшие градусы посвящения, известные ему на историческом уровне, имея которые, он, конечно, не является действительно посвящённым, - в каждом живёт известное представление, а именно, что англосаксонство, исходя из своего народного Существа, должно принести то, что может связаться с русской народностью в некоего вида духовном культурном браке. Ибо каждый, кто выше характеризованным образом поставлен в англосаксонском оккультизме, рассматривает его как то, что должно придти на смену глубочайшим движущим оккультным силам греко-латинской сущности. Так думают. Для четвертого послеатлантического культурного периода, который, как мы знаем, подошел к концу в пятнадцатом веке (по Р.Х.) было решающим то, что греческое и романское начало, греко-латинская культура произвела из себя

как оккультизм. Но в пятой послеатлантической культуре на смену этому греко-латинскому началу должен придти англосаксонский элемент. Это нечто такое, что требуется, чему надо содействовать, что должно быть реализовано. И для каждого, кто причастен к этой догме, это как бы волевая догма, волевая установка: пятая послеатлантическая культура должна иметь англосаксонскую физиономию, нести англосаксонский отпечаток, - он как бы несет картину будущего построения Европы. Его картина грядущего построения Европы такова, что существующая в Средней Европе духовная жизнь должна быть подавлена как нечто такое, чему не дозволено перелиться в будущее человечества. На неё не надо обращать внимания как на некий незначительный факт.

Такая более или менее неосознанная догма имеется во всех англосаксонских, и, исходя оттуда, также во всех орденах, которые, например, имеют какую-либо связь с «Великим Востоком Франции» (Grand Orient de France), и во всех западноевропейских тайных обществах. Основная догма, действующая более или менее неосознанно, такова: это среднеевропейское знание не должно приниматься во внимание, не должно учитываться для пятой послеатлантической культуры, его не дозволено принимать во внимание. Всё должно быть устроено так, чтобы пятая послеатлантическая культура имела англосаксонскую физиономию. Вот почему должен быть заключен своего рода брак между Западной Европой и Восточной Европой, а среднеевропейской жизнью следует пренебречь. - В таких оккультных орденах ещё много, много лет тому назад всегда говорили о той войне, в которой мы теперь живём. Эту войну рисовали не менее ужасной, чем она сейчас происходит. Это всего лишь наивная вера, будто бы эта война разразилась без того, чтобы её предвидели многие люди, будто бы не много говорилось об этой войне. Об этом говорилось, и говорилось очень много! Тезисы о грядущей европейской войне вы найдёте повсюду, их всё снова и снова приводили и обсуждали именно в англосаксонских орденах. Все снова и снова там находили доказательства, что такой великий европейский конфликт должен придти. Рисовали себе будущее положение Европы. Знали, что к шестому послеатлантическому культурному периоду, который окрашивали несколько материалистически и в англосаксонском смысле называли шестой подрасой, имеют отношение названные свойства, кровные свойства русского народа. Именно поэтому надо было произвести своего рода слияние западноевропейской Сущности с русской Сущностью. Относительно этих вещей требуется думать ясно, надо их ясно держать перед глазами, иначе, живя, человек будет спать

относительно того, чем является оккультное движение современности.

В связи с этим мне хотелось бы обратить ваше внимание на один факт. Я не могу забыть его, да и нельзя его забыть. Когда миссис Безант совершила своё первое путешествие к нам в Среднюю Европу, то вначале в Гамбурге было созвано собрание, на котором она прочла один доклад. Я тогда поставил один определенный вопрос перед миссис Безант: если сейчас мы хотим положить начало среднеевропейскому оккультному движению, как должно оно относиться к тому, что в начале 19 столетия, на повороте от 18 к 19 столетиям следует отметить как исполненные значения зародыши особенной духовной жизни в Средней Европе? - Миссис Безант, - само собой разумеется относительно связи, лежащей тут в основе было понято мало, - миссис Безант отвечала: тогда в рамках немецкой жизни кое-что от духовного познания выступило в абстрактной, понятийной форме; но поскольку человечеству это было не нужно, это позднее расцвело в более чистом, возвышенном и истинном виде в рамках английской духовной жизни. - Для некоторых людей может быть неприятным, что именно такие характерные высказывания я не могу забыть. Но они уже не могут быть забыты.

В последней трети 19 века появился особенный, чрезвычайно значительный феномен в отношении к оккультному развитию Европы, распространившийся даже до Америки. И этот феномен, который на внешнем уровне выступил всего лишь как личность, имел гораздо большее значение, чем ему придают обычно. Этот феномен выступил нам навстречу в личности *Елены Петровны Блаватской*. Фактически на внешнем уровне, - хотя этот чрезвычайный факт является лишь выражением глубокой внутренней духовной связи, - дело обстояло так, что Елена Петровна Блаватская выступала из русского народа, со всеми свойствами этого русского народа, выступала, развивая большие, медиумически сформированные спиритуальные свойства, и, прежде всего, в высшей степени развивая душевные, психические свойства.

Необходимо иметь представлением о том, что означало появление такого феномена в ходе оккультного развития человечества, если оценивают такой феномен по достоинству, если хотят с пониманием следовать тому, что я сейчас должен привести в качестве примера. В англосаксонских западных орденах, тайных союзах и так далее, которые одержимы теми оккультными идеями, которые я только что характеризовал, возникла активная жизнь, когда стало известно, что существует такая, единственная в своём роде личность, которая, исходя из

наиболее характерной русской народности, сконцентрировала в исключительных психических качествах свойства будущей эволюции человечества, проявившиеся в совершенно неповторимой медиумичности. Повсюду зашевелились. В этих англосаксонских западных орденах возникла жизнь, настоятельно исполненная вопросов. То, что возникло здесь как неотложная жизненная проблема, можно было бы выразить следующим образом, придав по необходимости этому делу некие контуры. Люди, которые были тогда, в сущности, стражами, хранителями этого англосаксонского западного движения, сказали себе: это означает, что именно из восточного человечества в настоящее время пробуждаются такие индивидуальности; это надо принять к сведению, надо занять по отношению к этому соответствующую позицию. - А теперь действительно возникал вопрос: как увести то, что вследствие сильных душевных свойств может быть выдано миру как некоторые глубинные тайны, как увести это в такой фарватер, чтобы связать этот грядущий русский элемент с англосаксонской Сущностью? Вовлечь свойства Блаватской именно в англосаксонскую Сущность, - вот что было теперь стремлением. По крайней мере, их хотели привести к тому, чтобы, благодаря этим психическим свойствам Блаватской, миру, прежде всего, презентовались именно те оккультные догмы, которые хотели предоставить миру западные ордена. Следовало показать, что должна придти некоторая, проникнутая оккультизмом наука будущего; вот к чему стремились. Желание управлять мышлением человека, можно было легко реализовать, используя то, что вело от пятого в шестой период, однако так, чтобы, прежде всего, пронизать его порывами, коренящимися в англосаксонском оккультизме и его догмах. Итак, эта психическая личность Блаватской должна была быть использована, чтобы внедрить в неё то, что, будучи передано по традиции, было заложено как катехизис в западном оккультизме.

Дело вначале пошло так, как, можно сказать, оно и должно было идти. Блаватская была совершенно готова к тому, чтобы также и с оккультной стороны вжиться в среднеевропейскую духовную жизнь. Что это означает, нам будет совершенно ясно, если мы несколько ближе рассмотрим эту среднеевропейскую духовную жизнь в отношении её оккультизма. Эта среднеевропейская духовная жизнь всегда выносила оккультное на свою поверхность. Это оккультное можно было узнать даже из известной внешней литературы. Оно жило в 15, 16, 17 и ещё в 18 веках, до тех пор, пока не появился иезуитизм и на внешнем уровне, хотя именно лишь на внешнем уровне, - всё испортил. Однако это оккультное жило тогда. И если сегодня мы говорим о

том, как проявлялось глубинное стремление в некоторых чисто идеальных формах во времена Гёте, Шеллинга и Фихте, то следует уяснить себе также и то, что это глубинное стремление коренилось в среднеевропейском оккультизме, в среднеевропейском оккультном развитии. В этот поток среднеевропейского оккультного развития благодаря благоприятному процессу действительно вступила вначале Елена Петровна Блаватская. Так что первоначально то, что, можно сказать, по подспудным каналам человеческой личности поднялось в физическую жизнь Блаватской, было насыщено тем, что в рамках Средней Европы жило там как оккультизм на протяжении позднейшего средневековья.

Однако с этим среднеевропейским оккультизмом уже раньше произошло нечто иное. Западные оккультисты, конечно, не являются просто дураками, они не то, чтобы просто глупы; напротив, они исключительно ловки в отношении того, что порой известно как внешняя интеллектуальность, внешний ум. *Грея и Асквита (Герберт Генри Асквит, 1-й граф Оксфорда и Асквита (англ. Herbert Henry Asquith, 1st Earl of Oxford and Asquith, 12 сентября 1852 — 15 февраля 1928) — британский государственный и политический деятель - примеч. перев).* я во всяком случае, не причисляю к этим разумным; я не хочу создавать впечатления, будто бы я считаю умными нынешних государственных мужей Англии. Однако в оккультных орденах жили чрезвычайно значительные люди, наделенные, прежде всего, большим умом, так что с помощью этого ума они пришли к тому, чтобы, в сущности, всё, что можно было перенять у среднеевропейского оккультизма, перенести в Англию. Так что это снова ожило в Англии, в литературе широкого диапазона, во всяком случае, ожило на внешнем экзотерическом уровне.

Для того, кто знает, как обстоит с этим делом, совершенно ясно, что если он берет что-либо у Уинна Уэсткотта (*Уильям Уинн Уэсткотт (William Wynn Westcott) (17 декабря 1848, Лемингтон, Англия - 30 июля 1925, Дурбан, Южная Африка) - один из трех основателей Герметического Ордена Золотой Зари, Верховный Маг S.R.I.A. (Общество розенкрейцеров в Англии), английский оккультист, член Теософского Общества, переводчик оккультных и герметических текстов, автор исторических работ, посвященных Тайным обществам, врач.- примеч. перев.)* или у тех английских оккультистов, которые что-либо знали; даже если он интимно исследует труды Лоуренса Олифанта

(Лоренс Олифант (1829-- 1888) -- английский писатель, путешественник, мистик, тантрист. Сын знатного шотландца, много путешествовал; первые его самостоятельные

странствия послужили основой для книг "Путешествие в Катманду" (1852) и "Русские берега Черного моря осенью 1852 года, с путешествием по Волге, а также через страну

Донских казаков" (1853)). Его "Рассказ о миссии графа Элджина в Китай и Японию" (1859) -- захватывающее изложение "политики канонеров" XIX в. В 1865 г. выпустил сатирический роман "Пикадилли: Фрагмент современной биографии" и в том же году избирается в парламент от консерваторов. Однако в 1867 г. вступает вместе с матерью и несколькими учившимися в Лондоне японскими студентами в "Братство общей жизни" -

утопическую коммуну, организованную Томасом Лейком Харрисом в штате Нью-Йорк. Олифант предоставляет в распоряжение Харриса все свое состояние. В 1881 г. порывает с Харрисом и годом позже основывает в Хайфе собственную утопическую коммуну вместе со своей второй женой, дочерью утописта Роберта Оуэна. В 1878 г. предложил премьер-министру

Дизраэли план еврейской колонизации Палестины, поддержанный британским МИДом и восточно-европейскими евреями, но не турецким султаном, во владении которого находилась Палестина.

Известен как автор мистического труда «Симметрическая духовность; эволюционная активность новых сил в человеке» («*Sympneumata: Evolutionary Forces Now Active in Man*» - примеч. перев.) О чем идет речь при продуцировании этой английской оккультной литературы? О том, чтобы созданному в Средней Европе, тому, что в Средней Европе пришлось отступить на задний план, поскольку место захватило более материальное развитие, - чтобы этому придать английский, западноевропейский характер, обрядить в английские, западноевропейские одежды. Вот почему, - я мог бы сказать, - всё снова и снова производит безнадежно мрачное впечатление то, что известные немцы без устали указывают, как все настоящие оккультные стремления, в сущности, должны быть «английскими» и надо их перенимать как можно больше. Эти люди как раз не знают о том, как то, что происходило из средневропейского немецкого начала, было оттуда перенесено, а теперь снова переносится обратно в английских одеждах. Можно было бы провести изящное исследование. Очень милым исследованием было бы, например такое: перевести английские оккультные труды и затем положить рядом с переводом то, что в, гораздо более основательном, серьёзном виде существовало как средневековая немецкая оккультная литература. Если их сопоставить, это была бы

гротескная вещь! Тут бы как раз и выяснилось, что весьма спиритуальные вещи в рамках среднеевропейского развития были всего лишь покрыты своего рода строительным мусором, и что их, пропитанных британским материализмом, вновь перенесли обратно, не зная при этом того, что сначала они были перенесены туда из Средней Европы.

Но Елена Петровна Блаватская была сначала проникнута тем, что тоже жило в среднеевропейском оккультизме. Правда в ней всё это не полностью находилось в сознании, она была, в высшей степени, подсознательной, психической натурой. Однако продолжает жить стремление, всё, что имеет силы для будущего, привести в подчинение западноевропейской англосаксонской Сущности. Этот порыв очень мощен. И в связи с этим порывом, - конечно, я могу описать вам все отдельные процессы, но я должен говорить в эскизной форме, поскольку у нас не так много времени, - и в связи с этим порывом находится также и то, что в определенное время, например, Блаватской дали повод вступить в известный оккультный орден в Париже.

Итак, Блаватская, с одной стороны с оккультно углублёнными русскими свойствами, и с другой стороны со всей суммой действительного знания, происходящего из Средней Европы, - будь они розенкрейцеровскими, или как вы хотите назвать их, - вступила в парижское тайное общество. Она была в нём. Вследствие того, что жило в её душе, она была необычайно сильной душой, душой, которая могла сильно проявлять то, что в ней жило. Она не просто так вступила туда, чтобы её рассматривали там лишь как высокого медиума, - что было бы весьма желательным в том оккультном ордене в Париже. Этих людей особенно беспокоили эти способности, все её оккультные переживания; если бы она сочла за благо сообщить миру то, что было ею вобрано в своего рода высокую душу. Они хотели бы иметь возможность говорить миру: смотрите, то, что мы должны вам сказать, мы говорим вам не из теории, но это проявляется на пути высшего медиумизма; тут это вырывается из крепкой русской природы, из души такой личности, которая в высшей степени является психической, душевной личностью. - Для выполнения такого их желания Блаватская должна была бы быть гораздо менее упрямой, своенравной личностью. Она этого не допустила. Поэтому имел место факт, что она в Париже поставила условия этому тайному ордену, которых я не хочу называть, - ещё придёт время поговорить об этих вещах, - условия, которые, однако, опять-таки исходили из этого порыва Блаватской. А именно, она чувствовала: эти люди там, на Западе хотят способствовать западному господству, насколько можно ему способствовать посредством

окультизма, - я в этом участвовать не буду! - Ибо именно тогда, при всех достойных внимания делах, разыгрывающихся в том тайном парижском ордене, она сильно чувствовала себя как русская и поставила условия своего пребывания в ордене, которые я, как сказано, не хочу называть, условия, которые тоже даже в наименьшей степени не могли быть удовлетворены, если бы этот орден хотел и дальше считаться с внешним миром. Она поставила условия, которые в некотором роде годились для того, чтобы жонглировать историей Франции. Поэтому её исключили. У них было чувство, что исключили её как раз вовремя, до тех пор, пока она не узнала слишком много о секретах ордена.

Затем наступили разные другие события, среди этих других также и то, что теперь она, можно сказать, вошла во вкус быть участником великих мировых событий. И тогда она всё же решила вступить в другой, теперь в американский орден. Тут она не стала ставить условий как в парижском ордене, но вела себя так, что на американском пути смогла достичь того, чего она хотела достичь в Париже посредством открытых условий. В союзе с одним человеком, которому к тому же американские отношения в то время очень мало нравились, в союзе с Олькоттом, она предприняла большое дело (*Публикация книги «Тайная доктрина» - примеч. перев.*) в отношении к американской жизни, дело, от которого западные оккультисты, насколько они являются англосаксами, приходили в настроение, о котором можно сказать: этих людей будто ошпарили кипятком! Настроение было таким горячим, в какое не приводили ни д-р Фауст, ни Ричард III, как однажды выразился Гёте, исходя из известного настроения. Кроме того там уже произошло то, что не произошло в Париже, - Блаватская уже слишком многое знала, слишком точно вглядывалась в то, что, в сущности, было намерениями! Возникло нечто, что наверняка в соответствие с древнейшими оккультными правилами не вполне оправдывалось, но что должно было произойти, чтобы предотвратить большое несчастье, которое могло бы случиться. Предпринятое дело именно тогда обсуждалось в одном собрании американских и европейских оккультистов, и после некоторых обходных путей решили принять меры, которые в оккультизме называются помещением кого-либо в оккультную тюрьму, оккультное заключение. Эта оккультная тюрьма состоит в том, что посредством некоторых процессов способствуют тому, что стремления человека, его оккультные стремления как бы заключаются в одну сферу, так, чтобы указанный человек всегда видел только свои, отброшенные назад стремления и не выглядывал за пределы этой сферы. В такую оккультную сферу и

была помещена Блаватская. Кроме того, дело это организовали так, что она во время этого оккультного заключения была в Азии.

Однако развитие человечества приносит с собой известные вещи. Как сказано, этот рассказ не совсем точен, то есть, имеются более точные подробности, но приходится, поскольку нет времени, пропускать некоторые вещи, которые, возможно, будут рассказаны в другой раз, и упоминание которых в другой раз может быть желательным. Случилось так, что затем ведущие индийские оккультисты попытались, - что на политическом уровне было для их народа особенным преимуществом, - добиваться оккультным образом высвобождения Блаватской из её оккультного заключения. Всё то, что сначала имело среднеевропейскую окраску, что затем подверглось всем тем, что хотели внести в неё в Западной Европе, приобрело индийскую окраску. Так что в, так сказать, бедной Блаватской разыгрывалось одно сложное оккультное переживание. Однажды она освободилась от оккультного заключения, оккультного плена; однако всё то, что находилось в её душе на оккультном уровне, получило индусскую окраску. К этому подключилось в большей степени бессознательное влияние Олькотта, которое, тем не менее, сводилось к тому, чтобы этот по-индуистски окрашенный оккультизм снова поставить на службу англосаксонству. Так могло произойти то, что на место прежнего руководства Блаватской вступил новый руководитель, которого она в соответствии с прежним, также и дальше обозначала именем Кут-Хуми. Однако этот более поздний, второй руководитель Блаватской, был, в сущности, - насколько это знают те, кто посвящён в такие вещи, - никто иной, как один сомнительный тип, состоящий на русской службе, личность, которая преследовала совсем иные цели во всех этих делах, которые она предоставляла Блаватской и её последователям как честное распространение оккультных познаний среди людей. Некая личность, которая преследовала, в первую очередь, крупные политические цели, своего рода русский шпионаж, а теперь хотела направлять и руководить делом, для того, чтобы с другой стороны осуществить тот самый духовный брак между русским началом и англосаксонством.

Всё то, что пронизало страшными искажениями те исключительно великие истины, содержащиеся в «Тайной доктрине», сводятся к вышеуказанной причине. Можно также заметить, что существенная русская окраска, появившаяся во всём направлении Блаватской из-за позднего Кут-Хуми, не подходила некоторым высоко градуированным английским оккультистам, и как известные оккультные круги, стоявшие в Англии очень близко к высшей церкви, привели всё к тому, чтобы одолеть только что

характеризованную мною русскую окраску. Большая, насыщенная подробностями история разыгрывалась тут.

Относительно этого в первую очередь должно быть ясно одно, что Елена Петровна Блаватская была чрезвычайно значительной психической (душевной) личностью, в которой через её душу действовали самые разнообразные устремления и течения. Тогда, вначале внешнего выступления Блаватской во многих направлениях имелась тенденция подготавливать некоторые политические дела будущего, оглушая людей посредством известных оккультистов. Оккультисты известного сорта слишком хорошо знают, что, - извините за жесткое выражение, - наилучшим образом сделать мир глупым можно ничем иным, как известным образом обучив его сначала оккультизму. Если за этим оккультным учением не стоит абсолютная тенденция к честному чувству истины, можно куда угодно вести людей сделанных глупыми посредством оккультизма. Такова тенденция тех оккультистов, которые в большей или меньшей степени принадлежат к чёрному, серому сорту. Они очень часто преследуют дальние политические цели, заранее тщательно подготавливая отдалённые цели. Не напрасно будут учить, - или, по крайней мере учили раньше, - в некоторых тайных обществах, а именно - британских, но так же и во французских всё снова учить, какой должна быть последующая судьба Польши и как следует относиться к различным устремлениям и течениям польского народа. Не напрасно всегда учат тому, как должна возникнуть связь между Румынией, Болгарией, Сербией и расчлененными территориями Балканского полуострова, и как надо подготавливать некоторые подспудные политические течения, для того, чтобы добиться желаемого. Необычно много политики делается именно в западноевропейских тайных орденах. Я могу сказать, что большая политика делается там.

Поскольку Блаватская не позволяла подвинуть себя к тому, чтобы содействовать лишь чисто англосаксонскому оккультизму, так как она была психической (душевной) личностью, её рассматривали как опасную, скажем, например, те оккультисты, которые стояли особо близко к высшим церковным кругам, и которые хотели единственно и исключительно того, на что я уже указывал. Вначале думали оказать особое влияние посредством тех людей, которые из-за недостатка таланта, из-за непроработанного мышления, состояли в таком движении, ничего не подозревая. Особенно многого думали достичь, направив известным образом путь господина Синетта (*Альфред Перси Синнет, автор основного труда «Эзотерический буддизм» 1883 - примеч. перев.*) При указанных условиях можно было, как сказано, направлять и

руководить путем какого-то человека, если не базироваться на признании за высшее, что должно быть признано за высшее в настоящем оккультизме; безусловное сохранение свободы человека и человеческого достоинства. Необходимо, однако, всё снова и снова призывать к тому, чтобы оккультист, или тот, кто знакомится с оккультизмом, именно в этом отношении стоял на страже своей души. И миссис Безант вращалась в эти вещи, ничего не подозревая, но у неё, кроме того, существовал сильный англосаксонский инстинкт, стремление; так что можно было на все эти дела воздействовать посредством миссис Безант, те дела, которые как раз при её посредстве и делались. Если вы вспомните, как сложно обстоит всё в том потоке, в котором она поставлена, тогда вы кое-что поймёте относительно этой миссис Безант. Однако необходимо постараться достичь хоть немного понимания относительно этих дел.

Весьма необходимо, мои дорогие друзья, чтобы наша ясная способность выносить суждения, наша способность рассматривать в целом внешние обстоятельства не пострадала оттого, что мы решились заниматься оккультизмом, чтобы мы, так сказать, сохранили здравый человеческий смысл при обсуждении внешних обстоятельств, и не позволяли затуманивать себя посредством всякого оккультизма. Нам нужно здоровое суждение о процессах жизни, которое поспособствует нам не поддаваться всевозможному мутному оккультному шарлатанству, особенно в таких делах, относительно которых, исходя из некоторых центров, проявляют совершенно иные стремления, нежели стремление к чистой истине, где распространяется известный оккультизм, чтобы, ради известных целей и намерений ловить рыбу в мутной воде. Поистине настоятельно требуется также и в нашем движении, чтобы вы воздвигли разделительные барьеры между вашими честными стремлениями к истине, которые исходят только из познания того, что должно в наше время воплотить общечеловеческое духовное движение, и всем тем, что именно теперь крайне нечистым образом активизируется в мире как оккультизм, по отношению к которому даже не стоит говорить, что неприлично интересоваться соответствующими фактами. Надо воздвигать разделительные барьеры между чистым суеверием, в которое впадают «знающие», - но «знающие» в исключительно страшном смысле, - и духовным движением, которое внутри нашего течения должно оставаться светлым, никогда не следует сомневаться в том, на какой стороне человек не стоит! Это совершенно необходимо. Иначе человек входит в состояние некоего хмельного головокружения, которое может привести к наихудшему опустошению. Поскольку эти вещи в большей степени

становятся известны и обсуждаются именно с материалистической стороны, причём наверняка со злонамеренной, враждебной стороны ими будут злоупотреблять в будущем, чтобы навязать оккультизм всем, мне хотелось бы уже сегодня здесь, - я, возможно, должен буду завтра сделать это открыто, - обратить внимание на некоторые вещи, которые способны открыть людям глаза на многое. Относительно них необходимо отметить, с какого рода вещами, часто наблюдаемыми как оккультизм, мы не хотим иметь дела. Мы должны быть вооружены, оснащены, на случай момента, когда кто-то станет смешивать в одну кучу с этими мрачными вещами то, что является честным духовнонаучным стремлением.

Возьмите один такой факт, - как сказано, я упоминаю эти вещи по той причине, поскольку они стали известны сегодня, и поскольку мы должны сказать, что мы об этом думаем. В Париже живет, будучи со всей очевидностью связанной с устремлениями известного тайного ордена, одна личность, обладающая медиумическими свойствами, чьи медиумические свойства действуют на людей. Они удивляются, когда значительный медиум, состоящий, однако, в связи с оккультным потоком выше характеризованного типа, отчасти сознательно, отчасти подсознательно, позволяет действовать через себя таким оккультным течением. Эта оккультная личность издавала «Альманах»: в «Альманахе» за 1913, который появился уже в 1912, мы читаем в отношении Австрии: тот, кто предполагает править в будущем, править не будет, но другой, молодой, будет править, относительно него никто не верит, что он будет править. - А в «Альманахе», который появился в 1913 за 1914, это утверждение повторяется в ещё более ясной форме.

Те, кто позволяет одурманивать себя, могут, если им хочется, восхищаться великим пророческим даром этого парижского медиума. Но тот, чья духовная жизнь более светла, хотел бы вытянуть такие нити, как эти, которые тут видны. Если взять одну известную газету, появившуюся в Париже, - она называется «Парис миди», что можно сравнить, например с «В полдень», - то в не столь отдаленном времени от появления того утверждения в Альманахе, уже в 1913 году было выражено решительное пожелание, что австрийский эрцгерцог Фердинанд может быть убит (*Франц Фердинанд Карл Людвиг Йозеф фон Габсбург эрцгерцог д'Эсте (нем. Franz Ferdinand von Österreich-Este; 18 декабря 1863, Грац, Австро-Венгрия — 28 июня 1914, Сараево, Австро-Венгрия) — эрцгерцог австрийский - примеч. перев.)* . - И в той же самой газете было высказано, - в то время, когда во Франции был установлен трёхлетний срок службы, - что, если дело

дойдёт до мобилизации, в первые дни мобилизации будет убит Жорес! *(Жан Жорес, 1859-1914, социал-демократ, политик, противился войне. Убит при невыясненных обстоятельствах 31 июля 1914г перед самой войной – примеч. перев).* Сопоставьте это со всем тем балагурством, производимым теперь, чтобы по возможности набросить покров над тайной, стоящей за убийством Жореса; сопоставьте это с фактом, что личность, издававшая «Альманах» в первые дни мобилизации в августе 1914 отправилась в Рим, чтобы там оказать на известные круги влияние, направленное против Средней Европы. Составьте все эти факты вместе и попытайтесь составить суждение: имеем ли мы тут дело с пророчеством, или с чем-то существенно иным, что мне даже не нужно характеризовать перед вами дальше. Но исследуйте, кому на службу встает тот, кто позволяет одурманивать себя, и когда тут или там появляется нечто, как в том «Альманахе», а потом исполняется, говорят будто бы это просто пророчество! Светлое, ясное суждение просто необходимо, если думать о том, какая нечистота повисла на фалдах оккультизма. *(Сюда можно добавить сведения о покушении на Распутина: 29 июня (12 июля) 1914 г. на Распутина в селе Покровском было совершено покушение. Его ударила ножом в живот и тяжело ранила Хиония Гусева, приехавшая из Царицына. 3 июля Распутина перевезли на пароходе в Тюмень для лечения. В тюменской больнице Распутин оставался до 17 августа 1914. Следствие по делу о покушении продлилось около года. 27 марта 1917 г. по личному указанию А. Ф. Керенского Хионию Гусеву освободили. – примеч. перев.)*

Мы могли бы заглянуть назад ещё дальше. Эти западноевропейские ордена имели своих посланцев с начала 19 века в России. Некоторые люди скажут: в России не терпели масонских орденов или чего-то подобного. Тем не менее, они в тайне процветали и приносили сильные плоды. Тот, кто будет когда-нибудь изучать историю славянофилов и историю панславизма, должен будет найти их источники в этих русских тайных союзах. Если кого-нибудь ловили, его могли выслать туда или сюда, или казнить; однако имело место то, что характеризованный мною для вас западноевропейский оккультизм был связан с русской духовной жизнью.

Если хочешь составить суждение о процессах в мире, надо заглядывать в эти глубинные связи, которые существуют. И если также и сегодня, пока мы в некотором роде блокированы, мы мало можем говорить об этих делах, даже потому, что некоторых данных не хватает, придет время, когда увидят, какую роль во всём этом западноевропейском развязывании войны сыграли именно те западноевропейские ордена, чьи нити, - и даже более, чем нити, -

тянутся в английские министерства, в парижские министерства и так далее. Как эти масонские ордена играли большую роль именно в Западной Европе, когда речь шла о том, чтобы содействовать включения Италии в так называемую Антанту. Они проявили очень, очень большое рвение и были в хороших отношениях с известными союзами Восточной Европы. О немецких масонах низких и высоких градусов, которые в интернациональных мировых союзах, само собой разумеется, всегда были связаны с другими, обмениваясь «братскими приветами», подчеркивали совместную братскую работу, о них можно в оправдание сказать, что они были слишком глупы, не имели никаких предчувствий относительно всей истории, в которую они были втянуты. Это надо отметить со всей решительностью ради их оправдания. Самым значительным свойством этого средневропейского масонства было то, что его дурачили до самого последнего момента, как и многих других, которые не состояли именно в масонстве, и для которых ещё оставалась возможность, что они не позволят себя одурачить.

Как часто подчеркивалось в ходе времени, что надо заняться рассмотрением таких связей и что именно в том случае, если занимаешься оккультизмом, надо сохранять ясность суждения. Теперь появилась необходимость обращать внимание на эти вещи в нашем кругу. Многое, что было сказано, что стекалось по ходу времен, слишком мало принималось к сведению, к этим вещам слишком мало прислушивались. Поэтому в нашем движении имеется многое, что именно в наше время, в современности, может помрачить человека. Наше средневропейское движение действительно основано на ином базисе, нежели другие подобные движения. Вы только подумайте об одном, о том, что наше средневропейское движение мы уже можем сравнивать с живым существом. Оно имеет свойства живого существа. Когда оснует союз, к которому примыкают люди и из которого они снова выходят, такой союз нельзя сравнивать с живым существом. Несомненно, есть много ложного в том, что сказал Вейсман (*Август Вейсманн, в 1834-1914, зоолог. Он опубликовывал «исследования к учению об эволюции» (2 тома 1875/76), и «Доклады к учению об эволюции» 2 тома 1903 - примеч. перев.)* о живых существах, но одно правильно: то, что живое существо оставляет труп, если из него уходит душа. Это точно относится к нашему Обществу, причем иным образом, нежели к другим обществам. Наше Общество имеет нечто живое в себе, оно дает сочленам наши циклы, которые находятся у сочленов. Если распадается другое объединение, члены его расходятся, тут не остается трупа. Можно иметь самые прекрасные идеалы и можно спокойно снова разойтись друг с другом. Однако, представьте себе,

если бы мы разошлись: вся сумма циклов осталась бы. И тогда это труп! Это доказательство того, что мы оснуемся не на соломенных принципах, не на программах, но на чём-то живом. Это другое начало обнаружит тот, кто захочет рассмотреть это дело. Кроме того всё наше движение должно было принять форму, которую оно приняло. Как трудно, как невероятно трудно было, так сказать, провести наше судёнышко через все рифы, о которых вы теперь немножко узнаете, если посмотрите на всё то, что было необходимо для того, чтобы из сетей Западной Европы, которые были тут с самого начала, вырвать и освободить то, что должно было активизироваться в Средней Европе. Можно испытать огорчение от того, когда именно в нынешнее суровое, судьбоносное время внутри нашего движения многократно выступают факты, свидетельствующие о том, что личные раздоры с началом войны не только не прекратились, но возросли многократно, они разрослись страшным образом. Это бытие души, направленное на личные дела и отвлеченное от великих дел движения. Выступило так сильно именно в это время. Очень печально, мои дорогие друзья, что в это время обнаруживается так мало сознания того, что человек поистине не должен участвовать в этом движении так, как в обычном объединении и выходить из него так, как выходят из обычного объединения, союза, если не подходит то или иное! Мы не можем быть против того, что, так или иначе, многие невиновны в происходящем; однако если мы стоим на оккультной почве, мы должны принимать к сведению эти факты.

В отношении этого уже было сказано: если такие вещи оказываются возможны и происходят, тогда в Обществе в той форме, в которой существует Общество, работать дальше нельзя! - Работать дальше нельзя, если нет сознания того, что это Общество есть нечто живое, нечто настоящее, это не союз, из которого можно выйти, если кому-то что-то не подходит. Само собой разумеется, никого удерживать нельзя. Но дело не в том, что я говорю сейчас. Если сознания об этом не существует, то можно только сказать: те вещи, которые должны быть достигнуты в нашей духовной культуре, будут достигаться иным образом, нежели посредством Общества, которое в этом случае является лишь помехой. То, что должно идти через наше движение и что будет делать правильным всё другое - это наиболее чистое, честное стремление к истине; но именно только оно - это чистейшее стремление к истине. Ибо, прежде всего нашей задачей является; посредством этого чистого стремления к истине внести в эволюцию человечества новый элемент. Вот почему необходимо, чтобы известные вещи рассматривались в первую очередь.

Это не второстепенное дело, если я указываю на следующее. Всё снова происходит, - но это рассматривают как второстепенный факт, - что тот или иной приходит ко мне и не спрашивает о том, что относится к душевной жизни и тому подобному, но о том, что спрашивают у врача. Тут я должен постоянно обращать внимание на следующее: надо с доверием обращаться к тем медикам, которые имеются в нашем Обществе. - Это необходимо. Само собой разумеется, правильно то, что наиболее чистое искусство врачевания и наиболее чистая медицина связаны с нашим движением. Но если мне самому суждено достойным образом оставаться в поле моей деятельности, то надо освободить мою персону от всего того, что связано с медицинскими советами. Это необходимо хотя бы потому, поскольку должно бы ясно, что своего рода убаюкиванием является то, когда говорят: официальная медицина там вовне ничего собой не представляет, обращайтесь к какой-либо другой. - В большей степени дело для нас заключается, или, по крайней мере, должно заключаться в том, чтобы мы старались делать это не из-под полы, но честно и открыто, чтобы у нас не было тенденции обойти законы или внешние экономические обычаи. В гораздо большей мере речь тут идет о том, чтобы привлечь такое внешнее положение вещей, которое только и сделает возможным, чтобы разумное поведение и образ действий заняли место в эволюции человечества. Каждый должен знать, что он, если он не желает лечиться посредством официальной медицины, должен, прежде всего, внести свою лепту в то, чтобы прекратить тиранию официальной медицины; до этого он не должен искать всевозможных контрабандных путей для лечения. Само собой разумеется, это не касается того или другого, кто направляет свою деятельность к этой цели; дело в том, насколько это правильно. Однако необходимо, чтобы со всей серьёзностью относились к тому, что я всё снова и снова отмечаю: если дело идет о лекарственных средствах, пусть обращаются к нашим медикам. Само собой разумеется, каждый найдёт у меня дружеский совет, если он захочет его иметь; но тенденция, в которой в принципе заложено то, что нам необходимо, - эта тенденция, это направление должно быть понято сегодня.

Я попытался дать вам, хотя бы в эскизном виде, кое-что из того, что может оказаться важным для вас, и что может также обострить взгляд относительно различных дел, которые по необходимости должны были произойти. Было бы также хорошо, если бы хоть немного задумывались над тем, чтобы глубинные связи нашего средневропейского духовного движения были вовремя освобождены от всего того вздора, который в последнее время выдвигался со стороны А. Безант, и теперь столь странным

образом разразился в наихудшей клевете. Ибо это всё же должно быть сказано, несмотря на то, что я, как говорилось, совершенно не желаю подогревать прежних споров: среди вещей, опубликованных теперь миссис Безант в её английском журнале, находится, например смехотворный пустяк, она говорит, что мои стремления были направлены на то, чтобы по возможности быть избранным в президенты всего Теософского Общества, для того, чтобы уехать в Индию, а её, миссис Безант, вытеснить из её рабочего круга. А существенной причиной моего стремления к этому было, якобы, то, что я и другие, те, кто со мной, были агентами немецкого правительства, кто стремился ни больше, ни меньше как к тому, чтобы посредством разных оккультных махинаций на место англосаксонства поставить своего рода пангерманизм и выбить из седла английское правление в Англии! Сейчас эти вещи в гораздо более острой форме можно найти в статьях миссис Безант. В других областях она тоже сумела наговорить такого вздора, что весь вздор об Альционе может достойно отдыхать в стороне. Во всяком случае, теперь слышно, что Альцион должен был быть отстранен от достоинства стать носителем Христа. Ну, чтобы назначить Альциона, оставили другого, не так ли? Всегда была потребность назначать того или другого. Даже наследника русского престола, в некоторых эзотерических кругах думали наделить достоинством, стать носителем Христа, то есть юного Алексея! *(Алексей Николаевич (Романов) (30 июля (12 августа) 1904, Петергоф — 17 июля 1918, Екатеринбург) — Его Императорское Высочество Наследник Цесаревич и Великий Князь, пятый ребёнок и единственный сын Николая II и Александры Фёдоровны. Расстрелян 17 июля 1918 вместе с родителями, сёстрами и слугами, по данным большинства современных историков, в соответствии с личными санкциями Ленина и Свердлова - примеч. перев.)* Предшественный, конечно, должен был быть отстранен. Но перед этим были и другие, даже одновременно были разные! Ведь если один не может сказать об этом другому, - это всегда сообщается в тайне, не правда ли, - то можно одновременно иметь и другого!

Однако, видите ли, если эти вещи кто-то легкомысленно принимает, то он не обращает внимания на то, о чём я всё же должен упомянуть: это было в 1909 году, когда образовалось одно общество, которое должно было стать международным, - когда разразилась наихудшая шумиха, поднятая Ледбитером и Безант, как первая наихудшая. Многолетний друг миссис Безант, который прежде всегда редактировал её книги, исправляя научные ошибки, мистер Арчибальд Кейтли *(Кейтли Арчибальд (1859-1930) - известный английский врач, теософ и один из самых преданных*

друзей Е.П.Б. Весной 1884 года вступил в Теософское общество. – примеч. перев.) был тогда связан с тем международным обществом, которое должно было быть основано из Индии вопреки Безант. Тогда мне было написано, не хотел бы я стать президентом этого международного общества. Это было мне предложено из Индии. В 1909 был конгресс в Бухаресте. Тогда я при свидетелях говорил миссис Безант, что мне было предложено это президентство. Я сказал тогда об этом лишь одному человеку на корабле, чтобы сразу же затем сказать и ей: что я по отношению к оккультному движению должен быть никем иным, как тем, кто внутри немецкого народа должен представлять то, что он представляет, и кроме этого немецкого окружения я нигде не буду занимать оккультного положения. И вот теперь она смеет говорить в одной газете, что будто бы от меня исходило намерение, исходя из Индии достичь этого президентства! Я всегда говорил об объективной неправдивости в отношении многочисленных вещей, высказанных миссис Безант. Но если переживают, как я настоятельно говорил ей о том, что в рамках Теософского Общества я никогда не хотел быть кем-то иным, как по большей мере Генеральным секретарем немецкой секции или чего-то, что она включает, то уже никому не следовало бы говорить об объективной неправдивости, но следовало бы спокойно сказать: тут со стороны миссис Безант имеет место не какая-то объективная неправдивость, но, точно так же, как и в случае клеветы относительно иезуитизма, имеет место сознательная ложь. Тот, кто сегодня хочет защищать миссис Безант, должен принять и то, что знающий обстоятельства дела скажет ему: защищает сознательную лгунью. Если некто соберет теперь вместе упрек в иезуитизме, вышеописанное дело, и весь военный поход, который из английского шовинизма предпринимается против того, что здесь поволено, тогда он сможет говорить о систематической военной компании лжи, лживой пропаганде, которая существует повсюду.

Тот, кто считает эти слова слишком жесткими, должен подумать о том, что мною никогда не было сказано ничего, что бы означало атаку, но всегда говорилось только то, что является защитой. Это должны принять к сведению все те, кто всегда говорит о том, что права, мол, и та и другая сторона. В нашем случае окажется права и та и другая стороны, если просто закрыли глаза, - по крайней мере, потом, - на то, что было правдой также и в нашей области! Настоящее судьбоносное время должно привести к тому, чтобы рассматривать эти вещи в соответствие с истиной во всей их истинной честной серьезности и поступать соответственно. Ибо верно то, что все эти жертвы, которые приносятся теперь сотнями и сотнями умерших, только тогда

послужат на благо человечеству, если здесь на Земле найдутся души, которые знают, как надо правильно мыслить и правильно чувствовать! То, что готовится наверху в духовном мире, - если только те, кто понимает, будут правильно рассматривать это, - станет силами в будущем, силами, которые этими понимающими, оккультно ощущающими душами будут преображены в силы, движущие человечество вперед. Если же это не будет понято, то в духовном отношении события современности пройдут мимо; и именно те силы, которые находятся там вверху в духовном мире как результат сотен и сотен жертвенных смертей, будут приведены в руки Аримана. В связи с этим я как всегда скажу:

Из мужества бойцов,
Из крови павших,
Из страданий оставленных,
Из жертвенных дел народа,
Взрастёт духовный плод -
Если, сознавая Дух,
Души направят свои чувства
В царство Духа.

ШЕСТАЯ ЛЕКЦИЯ

Мюнхен, 20 марта 1916

Возникновение физического тела. Связь нашего эфирного тела с животным царством, а нашего астрального тела с растительным царством. Предчувствие таких связей Океном и Шеллингом. Работа иерархий в членах нашего существа. Духовнонаучное мышление и практический жизненный смысл: Карл Христиан Планк. Древняя мудрость в одной картине мастера Бертрама. «Братья Карамазовы» Достоевского. Кропоткин.

Для постепенного усвоения того, что мы называем духовной наукой, надо иметь добрую волю для того, чтобы понятия и понятийные связи, сообщённые, - я бы сказал, - как своего рода схема, наполнить действительными представлениями о том, что первоначально могло быть дано лишь в общих чертах.

Видите ли, мы говорим так: человек состоит из физического тела, эфирного тела, астрального тела и «я» и так далее. - Это, прежде всего, совершенно правильно, если мы так говорим, ибо

нам было необходимо приобрести ориентацию в охватывающих схематических понятиях. Но в дальнейшем ходе усвоения духовной науки становится необходимым более точно войти во всё то, что было схематизировано.

В узком кругу читателей, связанных с нашим Обществом, мы имеем большое число циклов, но в этих циклах, всё же, имеется до некоторой степени мало от того, что было бы желательным для того, чтобы человечество, - по крайней мере, маленькая часть человечества, - поскорее узнало об этом.

Когда мы называем физическим тело внешнее в человеке, то, что мы можем видеть посредством физических органов чувств, то, что может рассматриваться благодаря той науке, которая связана с рассудком, с экспериментом и наблюдением, - то, как нам известно, в основе этого физического тела лежит эфирное тело.

Сегодня мы хотим, прежде всего, хоть немного бросить духовный взор на оба эти члена человеческой природы. О физическом теле духовная наука, как таковая, по-видимому, имеет необходимость говорить в первую очередь в наименьшей степени, поскольку это физическое тело является единственным из того, чем в первую очередь занимается физическая наука, является тем, что эта физическая наука намерена рассматривать посредством своих методов в первую очередь.

Однако и это физическое тело, даже если бы оно было тем, чем считает его физическая наука, может быть познано в своём настоящем значении и положении в мире только благодаря тому, что будут приняты во внимание высшие члены человеческой природы.

Вспомните о том, что это физическое тело, как оно здесь на Земле, так сказать, облекает человека, могло возникнуть, собственно, лишь в течение земного времени. Однако свои духовные задатки оно получило уже в течение времени древнего Сатурна. Оно постоянно преобразовывалось под влиянием того, что происходило во время (древнего) Солнца, (древней) Луны, и земного времени. Преобразовывалось оно под влиянием того, что происходило в течение солнечного, лунного и земного времени. Оно преобразовывалось под влиянием того факта, что на (древнем) Солнце в него было воплощено эфирное тело. Оно должно было стать другим, это физическое тело, перешедшее от (древнего) Сатурна, оно должно было стать другим, поскольку было пропитано эфирным телом. Это физическое тело должно было опять-таки стать другим, когда на (древней) Луне оно было пропитано астральным телом. Астральное тело не просто подошло ко всему строению человека, но и само это физическое тело оказывалось преобразованным вследствие того, что в солнечное

время в него вошло эфирное тело, что в лунное время в него вошло астральное тело, а в течение Земли постепенно всесторонне выработывалось «я», в первую очередь, конечно внутри эфирного тела, но также и внутри физического тела.

Если мы идем от человеческого к космическому, нам надо только вспомнить о том, что мы часто говорили, что содержится в наших циклах. Мы при этом должны знать, что первые задатки физического тела стали возможны на (древнем) Сатурне благодаря, - как мы можем сказать, - излианию Духов Воли, Тронов, тогда как преобразование в течение солнечного времени стало возможным благодаря Духам Мудрости, преобразование в течение лунного времени - благодаря Духам Движения, преобразование в течение земного времени, - то есть то, которое должно было воздействовать на физическое тело посредством того, что в нём живет «я», - благодаря Духам Формы.

Это нечто важное и мы должны обратить на это внимание. Когда нам на Земле выступает навстречу физическое тело человека, мы должны думать о нём как о наделенном «я», мы должны думать о нём так, что оно, будучи наделено «я», получило в течение земного времени определенную, подобающую ему форму. Но в течение лунного времени оно получило только подобающие ему внутренние движения. Эту подобающую ему форму в течение земного времени оно должно было получить благодаря дару Духов Формы, в соответствии с тем фактом, что в нём должно было быть насаждено «я». Итак, мы можем сказать, это физически сформированное земное тело было сформировано так, поскольку должно было стать носителем «я». Вместе с «я» Духи Формы дали человеческому физическому телу форму, которую оно имеет, и которая подходит ему, как носителю «я».

Другие существа других царств природы тоже получали свои формы. Если вы прочитаете интимные описания, которые были даны о древнем лунном времени, то вы увидите: все эти существа описываются так, что о них нельзя спросить, имели ли они уже тогда свою нынешнюю форму. Они там описаны как обладающие некоторой подвижностью. Вы только вспомните описание в «Очерке тайноведения» или в отдельных циклах: формы описываются как до некоторой степени подвижные. Также и другие царства природы получили свои постоянные, застывшие формы только благодаря Духам Формы в течение земного времени.

Рассмотрим земное царство наиболее близко стоящее к человеку - то есть, животное царство. Животное царство живёт в формах. Формы, которые оно имеет в настоящее время, оно тоже получило только в течение земного времени. Но подумайте о том, какова разница между формами животного царства и формами

человеческого царства! Обращая взор на поверхность Земли мы находим известные различия между отдельными людьми, различия, которые относятся к другому уровню описания: однако тут мы, конечно, тоже обнаруживаем известные различия во внешнем строении. Все те интересные народности, которые теперь из Западной Европы приведены сражаться в Среднюю Европу, выглядят, разумеется, несколько иначе, чем среднеевропейские народности! Итак, существует разница, если мы окинем взглядом земную поверхность, разница в формировании отдельных людей. К такому формированию причисляют, например, также и цвет кожи. Однако если то, что как дифференциация, как различие существует между людьми, вы сравните с дифференциацией между различными животными видами, вы должны будете сказать: виды животных, несомненно, бесконечно более широко, в бесконечно большем смысле отличаются друг от друга, нежели люди. Мы можем говорить об отдельном человеческом роде в противоположность к различным многообразным животным формам. Ибо такой большой разницы, как, например, между львом и соловьём, которые оба являются животными, в человеческом царстве мы не найдём. Если бы и тут такая большая разница как между львом и соловьём имела место, то никто не смог бы утверждать, что различия между людьми будто бы незаметны. Но надо обратить внимание на то, что у животных дифференциация бесконечно больше, нежели у человека во всём человеческом роде.

Хотя сказанное вам мною только что, совершенно верно, оно всё же с точки зрения духовной науки верно лишь в ограниченном смысле. Ибо истинным тут является следующее. Добавьте в вашем рассмотрении, мысленно, к физическому телу человека эфирное тело и представьте себе, что был бы возможен следующий эксперимент, - который, конечно, выполнить нельзя. Представьте, что всё физическое тело человека можно было бы разделить, препарировать, разделяя по частям. Причём, перед тем как начать это препарирование физического тела, надо было бы призвать духов высших иерархий, Ангелов, Архангелов, Архаев к тому, чтобы эти Ангелы, Архангелы, Архаи отступили от человека, чтобы они не действовали в его эфирном теле. Итак, надо было бы сделать двойное: надо было бы, - скажем, совсем не ради живодерства, - нет, но надо было бы изъять всё, что принадлежит к его физическому телу. А затем надо было бы устранить все влияния трёх иерархий, Ангелов, Архангелов, Архаев, так, чтобы эфирное тело, будучи одно, было предоставлено само себе, чтобы оно не испытывало стеснений с какой-либо другой стороны. Оно испытывает стеснения, оно заключено в физическое тело, а это физическое тело имеет свою твердую форму, которая ему указана

от Духов Формы. Поэтому оно должно принять эту твёрдую форму. Если вы возьмёте очень эластичное резиновое тело и затолкаете его в стакан, то оно примет форму стакана, оно не сохранит свою собственную форму. Если же вы снова вытащите его из стакана, то оно скачком снова примет свою собственную форму. Так и эфирное тело человека подходит к той форме, которую ему придаёт физическое тело, оно тут не имеет своей собственной формы. Если же мы изъяли физическое тело, то устранили и силы, к которым должно подстраиваться эфирное тело. Но всё же и тогда оно не получило бы свою собственную форму, поскольку в этом эфирном теле, - об этом мы ещё расскажем точнее, - работают Ангелы, Архангелы, Архаи. Но так как мы упросили их уйти, то эфирное тело может следовать только своим собственным силам. И тогда эфирное тело выпрыгнуло бы наружу, следуя своей собственной упругости. Эти вещи должны были бы быть видимы: тогда мы могли бы увидеть, как эфирное тело выпрыгивает, и принимает свою собственную форму.

Так что бы произошло? Вы бы имели перед собой всё животное царство! Эфирное тело разделилось бы на части, и это были бы, - по крайней мере, в существенном, в главных видах, - формы всего животного царства. Это означает: человек на эфирном уровне несет в себе всё животное царство. Оно только удерживается вместе с одной стороны посредством формы физического тела, а с другой стороны - посредством деятельности существ трёх названных иерархий. Совершенно верно то, что человек в соответствие со строением несет это животное царства в себе, в своём эфирном теле. Весь этот животный мир, животное царство отличается с этой точки зрения от человека только тем, что каждый вид животного принимает для себя собственную форму, которая тоже живёт внутри человеческого эфирного тела; каждый животный вид строит для себя физический облик, физическую форму. Так что если мы рассматриваем животное царство, как оно существует на Земле, то оно на самом деле является распростёртым на Земле человеческим эфирным телом.

Тут есть некая своеобразная вещь. В мировоззренческой эволюции Европы на повороте от 18 к 19 столетию выступает нечто такое, что, говоря точнее, обнаруживается у таких личностей, как, например, Окен (*Лоренц Окен, 1779-1851, естествоиспытатель-примеч. перев.*) Естествоиспытатель Окен ещё не мог с точки зрения того времени говорить об эфирном теле; он был ещё далёк от этого. Но у него мы находим, например замечательную фразу: царство животных есть распростёртый человек. - Это означает, что он имел фантастическую концепцию относительно истины. Это представление выступило на своем духовном горизонте тогда,

когда великие мысли формировали среднеевропейское мировоззрение. Это очень интересно! Это представление выступало также, например, на духовном горизонте Шеллинга, и у Шеллинга вы тоже найдёте эту фразу. Тем, кто не мог принять эти гениальные, но, само собой разумеется, ещё незавершённые мысли, - так как речь не могла идти о точных фактах, - им тогда всё это казалось ужасным. В случае Окена надо представить себе, как то, что он ещё не мог знать, жило в его душе в форме гениальной концепции. Можно было бы сказать, у него было чувство: отдельные члены человека, в сущности, являются составленными их животных форм, животных образований. - Он также имел мужество высказать нечто подобное, однако относительно того, что он высказал, образованные филистеры были страшно скандализированы. Он, например, спрашивал: что такое язык? Он не мог знать, что тут необходимо эфирное тело, и тогда он говорил: язык - это каракатица (Tintenfisch). Конечно, в основе этого высказывания лежит то, что я только что изложил. Однако представьте себе всё учёное филистерство по отношению к утверждению: человеческий язык - это каракатица! Если хотят увидеть ход человеческой духовной жизни, надо стать великодушным. Надо иметь ясность относительно того, как нечто, выглядевшее бессмысленным, может скрывать в себе великую истину. Окен подразделял человека так: язык - это каракатица, другие органы тоже являются чем-то и так далее. - В сущности, это было лишь более точным повторением того, что существовало в древнейших воззрениях человека, когда рассматривали только главные виды и подразделяли человека на четыре основные группы: лев, орел, Ангел и телец.

Итак, можно сказать: дело обстоит не так просто, но человек в своём эфирном теле имеет, в сущности, в себе всё животное царство. Он несёт его в себе, как бы сказал философ, в качестве возможности, в потенции. - Во всяком случае, вы должны обратить внимание на нечто, чтобы это дело не выглядело односторонне. Мы сейчас привели, что помимо всей животности, содержащейся в физическом теле, там ещё оперируют своими силами Ангелы, Архангелы и Архаи. Не будь этого, должно было бы наступать, - когда человек идет через врата смерти и слагает физическое тело, - то, что я уже описал. А именно: в том случае, когда эфирное тело через пару дней освободилось бы от астрального тела и «я», эти последние эластично выделились бы в мир, а из человеческого эфирного мира возник бы животный эфирный мир. Но в действительности этого не случается. Этого не возникает. Этого не происходит из человека, но эфирное тело высвобождается в

совершенно иной форме. Оно высвобождается и становится вплетенным во всеобщий мировой эфир.

Что же, в сущности, получается? В нашем эфирном теле работают существа из иерархии Ангелов, Архангелов и Архаев и они не позволяют произойти тому, чтобы всё существо эфирного тела расщепилось в животное царство. Что, собственно происходит? Видите ли, то, что происходит я смогу описать вам, но сначала придется прибегнуть к сравнению. Мы, люди работаем на Земле, например, мы изготавливаем машину из дерева или железа. Дерево или железо являются для нас некой вещественной основой, материалом; затем мы перерабатываем дерево или железо, делая машину. Наша работа состоит в упорядочивании, в организации дерева или железа, однако сами дерево или железо мы должны отобрать у Земли. Нам нужны эти грубые материалы, это сырьё, и мы забираем его из царства, которое находится ниже нашего человеческого царства.

Если вы представите себе, что над нами живут Ангелы, Архангелы и Архаи, то они пребывают в Космосе не для того, чтобы сидеть, сложа руки, блюдя воскресение, нет, у них есть своя работа, они должны выполнять своё дело. - Над чем же, в сущности, работают Ангелы, Архангелы, Архаи? Когда они работают, им тоже будет необходим материал, - как нам необходимо от Земли дерево и железо, - им надо обрабатывать этот материал. Материалом для Ангелов, Архангелов, Архаев являются наши эфирные тела! То, чем для нас является земное дерево и железо, если мы делаем машину, тем являются наши эфирные тела для Ангелов, Архангелов и Архаев; над этим они работают. И в то время как мы, люди странствуем здесь на Земле и имеем мысли, - если мы вообще их имеем, - мы носим в нас наше эфирное тело, причем носим его как свою собственность, как наши легкие, а вокруг нас действуют все эти существа - Ангелы, Архангелы, Архаи, и вырабатывают образы для духовного мира, которые там будут использованы для нашей жизни. Они вырабатывают из этого эфирного тела то, что используется в духовном мире.

С чьей помощью работают эти высшие существа? Мы в течение своей жизни думаем, мыслим. С того момента, когда мы приходим к мышлению, до самой смерти, мы мыслим. Существенное при мышлении состоит в том, - как вы можете об этом заключить, например, из вчерашней открытой лекции, - что мышление протекает, живет и ткёт в эфирном теле. Только затем продолжает оно жить и ткать далее в физическом теле. В физической телесной жизни мы считаем, будто то, что мы образуем как наши мысли, является единственно нашей собственностью. Однако то, что мы

имеем здесь от наших мыслей, то, что мы строим в наших мыслях, то, что мы можем вспоминать себя, – есть всего лишь внутренняя сторона нашей мыслительной жизни. Именно в отношении нашего эфирного тела ко всей нашей мыслительной жизни извне работают Ангелы, Архангелы и Архаи, и не является лишним то, что мы мыслим как люди. Это не является лишним даже для физической Земли, но это не является лишним также и для Космоса. Ибо то, что мы изменяем в нашем эфирном теле посредством нашего мышления между нашим рождением и смертью, будет использовано как материал и разработано с более высокой точки зрения. Во время нашей жизни, в то время, когда мы как мыслящие существа проходим через мир и видим нашу мыслительную жизнь только изнутри, наши мысли разрабатываются Ангелами, Архангелами и Архаями, для того, чтобы после нашей смерти привести в действие то, что затем они могут присоединить к мировому эфиру. Когда наше «я» и наше астральное тело слагают эфирное тело, они, – если мне будет позволено выразиться так грубо, – вшивают в Космос ткань нашего эфирного тела, которая в существенном запускается в действие посредством того, как мы мыслили в жизни, какой тип мышления мы имели в жизни. С этих пор оно принадлежит Космосу. Мы, как люди, живём не только для нас, мы, как люди живем для всего Космоса.

Мы знаем, что после нашей Земли должны будут возникнуть Юпитер, Венера, Вулкан. Всё это должно будет подготавливаться, всё это должно быть воткано в Космос в качестве сил. Для этого нужна работа. К этой работе относится, например, то, о чём я только что сообщил: что Ангелы, Архангелы, Архаи проявляют деятельность, соотносясь с нашими мыслями. Несколько иным материалом являются глупые мысли, которые мы имеем во время нашей жизни, несколько иным материалом являются умные мысли. Но смотря по тому, что мы поставляем им как материал, будет разработана эта, – грубо говоря, – «эфирная машина», которая затем послужит тому, чтобы развитие Космоса шло дальше. Итак, если наше эфирное тело после смерти передаётся в Космос, то одновременно будет передана в Космос работа существ трёх названных иерархий.

Теперь с похожей точки зрения рассмотрим человеческое астральное тело. Мы совершаем наше рассмотрение с новой точки зрения; поэтому появляются иные отношения с окружающими царствами. Тот, кто не умеет читать, – а к чтению относится также возможность обобщать вещи, – может увидеть много противоречий с вещами, которые будут описаны. Однако это связано только с

тем, что он не принимает во внимание точку зрения, исходя из которой, будут освещаться эти вещи.

Отношение нашего астрального тела к земному окружению похоже на отношение нашего эфирного тела. Наше эфирное тело представляет собой всё животное царство, исходя с той точки зрения, которую я вам задал. Наше астральное тело представляет собой всё растительное царство. Точно так же, как я говорил об эфирном теле по отношению к животному царству, должен я говорить о нашем астральном теле по отношению к растительному царству. Тут вовнутрь включены все растительные формы нашей Земли. И снова дело обстоит так: если бы не все высшие иерархии стали работать над нашим астральным телом, то, проделав возвратный ход от смерти к рождению, когда астральное тело постепенно отбрасывается, наступало бы ничто иное, как то, что астральное тело было бы отброшенным, и снаружи в мире представляло бы собой весь растительный мир. Всё это превратилось бы в шар, следуя своей собственной упругости. Однако астральное тело не может превратиться в шар, поскольку в течение нашей жизни между рождением и смертью над нашим астральным телом работают сами Духи Формы, Духи Движения, Духи Мудрости и даже Духи Воли до известной степени. Когда мы после лет или десятилетий, - часто описываемым образом, - после прохождения жизни в обратном порядке постепенно высвободили астральное тело от его связи с земной жизнью, тогда, в то же время, в работе над этим астральным телом Духи Формы, Духи Движения и Воли должны присоединить к Космосу то, что они должны к нему присоединить. Во всяком случае, то, что должно быть, таким образом, присоединено к Космосу, пойдет нам во благо, ибо оно должно находиться внутри Космоса. Оно вплетается в Космос иначе, нежели то, что было только что описано выше. Когда отбрасывается наше эфирное тело, оно, я мог бы сказать, непосредственно вшивается, вплетается во всеобщий мировой эфир. Однако то, что теперь становится вотканным из нашего астрального тела вследствие работы Духов Формы, Духов Движения, Духов Мудрости и Тронов, действует совместно с нашим «я», которое переживает время между смертью и новым рождением и содержит силы, которые должны действовать для того, чтобы мы могли вступить в новую инкарнацию. Ибо для того, чтобы мы смогли вступить в новую инкарнацию, надо очень, очень многое! Поистине, сегодня внешняя физическая наука о строении черепа, головного мозга знает много, так много, что существует много людей, для которых было бы чудесно знать всё это. Однако, если бы это знание внешней науки было поставлено перед задачей создать череп и головным мозгом, это чудесное образование,

создать вплоть до малейших частей, то как мало была бы способна внешняя наука осуществить это! Тут хранится значительная тайна. С этой тайной даже тупицы, тот сорт людей, которых можно назвать тупицами (Stumplinge), скоро справляются, когда говорят: то, что возникает тут у людей на протяжении ряда поколений, полностью происходит «само по себе». То, что в теле матери формируется голова, в целом происходит «само по себе».

Можно понять, что эти люди говорят так, но почему это происходит, мне хочется показать вам с помощью сравнения. Допустим гипотетически, что тут в Мюнхене были бы существа, которые могли бы многое видеть, но только не людей, и не могли бы видеть людей в их деятельности. Можно было бы представить, что Мюнхен населяют такие существа, которые не могут видеть людей при их деятельности. Такие существа, которые не могли бы видеть людей в их деятельности, могли бы, скажем, видеть часы. Итак, они могли бы видеть часы и как часы делаются, но не видели бы человека, часовщика, который собирает часы. Они не видели бы рук, которые собирают части часов, а видели бы только, как из отдельных частей формируются часы. Они, возможно, видели бы разные пинцеты и щипцы и так далее, посредством которых подгоняются части, но для них как из воздуха собиралось бы то, чем являются отдельные части часов. Какой взгляд имели бы эти существа относительно часов? Они не стали бы говорить, что в Мюнхене есть часовщик, - это они посчитали бы полным абсурдом. Они стали бы говорить: ох, это же ужасное суеверие, допускать, что существует часовщик, ибо часы возникают сами по себе, ведь видно, как они собираются «сами по себе».

Также как судят эти существа, судят и те люди, которые считают, будто бы то, что постепенно образуется здесь на физическом пути, возникает «само по себе». Всё то, что тут возникает, возникает благодаря деятельности духовных существ высших иерархий. Поистине, не только вследствие общения отца и матери и того, что затем формируется в теле матери, «сам по себе» образуется человек, нет, тут воздействует весь мир, тут принимает участие весь Космос с существами высших иерархий.

Конечно, Космос вплоть до высших регионов тоже принимает участие в том, что присоединяется к голове; но участие его в человеческой голове носит совершенно особенный характер. Даже наука о физическом, - общая наука о физическом и духовная наука будут постепенно уравниваться, - научится тому, чтобы в эмбриологии мыслить о человеческой голове иначе, а также иначе мыслить обо всех других органах. Другие органы, как это будет обнаружено в не столь отдаленном времени, очень сильно зависят от унаследованных свойств. Образование головы зависит

от унаследованных свойств в гораздо меньшей степени. Оно проникает сюда лишь вследствие связи с другими органами. В формировании человеческой головы действительно принимает участие весь Космос, хотя это участие носит духовный характер; Космос воздействует в теле матери.

То, что люди не видят сил, - крестьянин ведь тоже не видит сил, действующих в магните, - не является доказательством, что этих сил нет. То, что существует в человеческой голове, вырабатывается некоторым образом в связи с тем, что человек приносит в своём «я» во время между смертью и новым рождением, что разрабатывается Духами Формы, Духами Движения, Духами Мудрости и Тронами; все они работают тут над неким гигантским полым шаром. То, что вырабатывается тут, чудовищно велико, это сфера, и в этой сфере все вовлечено в работу. Представьте себе огромный шар, на поверхности которого вовлечено в работу как в глобусе всё то, что должно быть вовлечено в работу в соответствии с тем, что когда-то человек передал всему Космосу в своём эфирном теле. Тут в некотором роде строится то, что копируют, если можно так выразиться. Но затем (строится) именно то, что производится из переработки астрального тела. Затем наступает время, - оно начинается с того, что я в одной из Драм-Мистерий обозначил как Мировую полночь бытия, - когда эта сфера постепенно опять становится всё меньше и меньше. Эта сфера, которая разрабатывается высшими духами в соответствии с более ранними инкарнациями человека, становится, наконец, такой маленькой, становится всё меньше и меньше, и соединяется с человеческим зародышем, зачатый в теле матери. Из этого, прежде всего, возникает форма головы. Это возникновение формы головы является удивительной тайной; оно является результатом работы высших иерархий, длившейся сотни лет.

Вы только представьте себе, как могут углубиться чувства человека по отношению к миру, если он знает, каким образом он поставлен во все космические взаимосвязи! Человек, который несёт свою голову, должен учиться, - при всей скромности, без гордости и высокомерия, разумеется, - учиться думать о том, насколько мала человеческая мудрость, чтобы получить из неё необходимое для построения этой головы, которая ему дана. Всё космическое содержание несёт в себе человек. Тут, - если рассматривать дело так, - духовная наука достигает бесконечного вследствие того, что становится исходным пунктом для известных ощущений, которые могли бы даже стать опасными в высокомерной душе. Я разыграл это во второй Дrame-Мистерии, где Капезий в разговоре с Бенедиктом чувствует, как эта истина

подступает к нему: что все Божественные усилия необходимы для того, чтобы появился человек. У многих предрасположенных к тщеславию, это может даже на бессознательном уровне вызывать тщеславие; человек может посчитать себя необыкновенно важным. Умнее будет взрастить ощущение того, как мало сознания имеет человек обо всей той мудрости, которая необходима, чтобы мог существовать сам человек!

Можно, конечно придерживаться взгляда тех, кто говорит: но почему, всё же, необходимо, чтобы человек всё это знал? Он может и без знания жить благодаря этим вещам, он прекрасно живёт и без знания об этих вещах. - Большая ошибка заключается в том, что человек будто бы может очень хорошо жить без этого знания. В действительности это не так. Мы живём в такую эпоху, когда человек может предаться этой ошибке; что человек без знания о духовном мире может вполне прилично жить на Земле, а именно, завтракать, обедать, ужинать и так далее, и даже в промежутках делать наряду с этим разные вещи. Но эта вера не основана на истине. Надо постепенно прививать человеку ощущение, что эта вера не основана на истине.

По этой причине я теперь в открытых лекциях привожу пример *Карла Христиана Планка*, (1819-1880, после смерти был издан труд «Завещание немца» - примеч. перев) этого замечательного человека, который на протяжении лет вёл в Ульме уединенное существование. Его ни разу не пригласил Тюбингенский университет, когда там освобождалась кафедра, поскольку не было там никого, кто имел бы представление о значении этого человека. Конечно, тупицы будут говорить, что он в конце своей жизни стал таким нервным, что высказывал вещи, считавшиеся большим безумием. Это говорят тупицы. Однако человек, которому как Планку, духовная наука не могла предоставить полного подтверждения, мог стать нервный вследствие неправильных действий своих ближних, и затем высказать слова, которые содержатся в предисловии к его «Завещанию одного немца», где ему приходят на уста слова древнего римлянина: «Неблагодарное отечество, никогда ты не получишь моих костей!». Но я привёл это изречение, которое Карл Христиан Планк сделал перед 1880 годом, когда он умер, и которое точно передает то, что мы имеем сейчас как нашу европейскую Мировую войну. Человек идеалистических воззрений был готов видеть также и действительность, поскольку сила, развивающаяся внутри, - если человек способен мыслить таким образом, что исходит из источника бытия, - эта сила является в то же время в высшей степени практичной в мире. Практическим является не то, что думают люди, подразумевающие под практикой умение кушать ложкой. Только человеческая

грубость может объявить практикой то, когда просто губится всякое правомерное стремление, происходящее из истинных источников жизни.

Я провожу такой пример, чтобы показать, как та сила человека, которая необходима также и во внешней практической жизни - ясное проницательное мышление, может возникнуть только вследствие того, что душа человека оплодотворяется духовнонаучными истинами. Почему люди в нашу эпоху полагают, что жизнь человечества на Земле возможна без того, чтобы человек имел понятие о духовнонаучных познаниях? Да потому, что эти люди крайне недальновидны! Если бы они не были столь недальновидны, можно было бы и на внешнем уровне доказать, как неправы те, кто говорит, что человеку не нужно заботиться о духовном мире: он будто бы «сам по себе» рождается, и затем «сам по себе» вырастает; ему надо только предоставить некоторого рода воспитание, но ведь современная педагогика предлагает столь бесконечно разумные педагогические принципы, которые достигают гигантских высот в педагогике Фюерстера. (*Фридрих Вильгельм Фюерстер, 1869-1966, исследователь политической этики и воспитания, известен как нацифист - примеч. перев.*) Ну, а затем он постепенно станет солидным человеком, который размышляет над тем, что он должен делать для того, чтобы человечеству было что есть, и что пить, впрочем и ему тоже.

Но так было в человеческом роде не всегда. Ещё совсем не так давно считали возможным, что человек вообще может жить на Земле, не обладая духовными познаниями. Можно привести внешнее доказательство этого, и я мог бы привести вам таковое. Я привожу его теперь в разных ветвях. Вероятно, имея время, - а мы здесь в Мюнхене этого времени не имеем, - также и здесь в Мюнхене можно было бы самим найти такое доказательство. Мы нашли его вновь при рассмотрении художественного музея в Гамбурге. Оно возникает для нас из следующего размышления над тем великим символом, который стоит вначале Ветхого Завета, об искушении Евы и Адама, которое известно нам как люциферическое искушение. Не правда ли, если сегодня художник рисует это, - довольно безразлично, какую позицию он занимает, рисует ли он как реалист, или как идеалист, как экспрессионист, импрессионист, футурист или что-либо подобное, - он всегда будет верить, что больше всего считается с действительностью, если он и Адама и Еву изображает более или менее противными, страшноватыми, не так ли? Но затем он рисует райское древо, на нём змия с правильной змеиной головой, змий такой же большой, как древо, но с нормальной змеиной головой. Можно ли это в полном смысле слова назвать реалистическим? Я полагаю, что нет,

мои дорогие друзья! Не говоря уже о современных женщинах, - Праматерь Ева не могла вести себя столь ограниченно, что позволила себя соблазнить обычной змее! Это не может быть «реалистично»! Представьте себе настоящую змею, которая ползает по траве; из-за неё Праматерь Ева должна была пасть? Не правда ли, такая вещь не может быть натуралистической! Также и настоящих змей, несмотря на то, что они ползают вокруг как настоящие животные, можно воспринимать лишь как символ чего-то другого.

Однако вспомним теперь о том, что за понятия должны мы связывать с этим люциферическим искушением. Это Люцифер. Змея в лучшем случае может быть символом Люцифера. С люциферическим началом связано то, что это существо в период (древнего) лунного развития отстало. Это существо как таковое вообще нельзя увидеть физическими земными глазами. Поскольку Люцифер ещё занимает позиции (древнего) лунного развития, его, конечно нельзя видеть обычными физическими земными глазами, его можно видеть только посредством внутренних очей. Он не может представлять собой земную змею, которую можно видеть обычными физическими глазами.

Люцифера надо представлять себе так, как может представлять его духовная наука. Вы только подумайте о том, что человек имеет голову как такой член, который сформирован наиболее совершенным образом. К ней прикреплен, - вам достаточно только взглянуть на скелет, - как бы подвешен, остальной организм. Во всяком случае, к голове прикреплен позвоночник со спинным мозгом. Но то, что физически возникло позднее, было образовано раньше. Если бы мы возвратились назад в эволюции и увидели Люцифера внутренними очами, мы, само собой разумеется, должны были бы видеть его в его лунном образе, подготавливающим человеческую земную голову. Мы бы увидели человеческую голову, ещё не столь уплотненную, внутренне подвижную, ещё полиморфную, и нечто прикрепленное к ней наподобие человеческого позвоночника, спинного мозга; об этом можно было бы иметь представление, что оно прикреплено к голове наподобие змеиного тела. Так, в сущности, надо было бы рисовать Люцифера: с неким по возможности многовидным лицом, и прикрепленным к нему змеиным телом, которое, однако, сближается с первоначальным позвоночником человека. Таков был бы образ Люцифера в смысле духовной науки.

В картинной галерее в Гамбурге есть одна картина Мейстера Бертрама (ок.1345-1415, доска из грабоверского алтаря 1379г - примеч. перев) 13, 14 столетия, изображающая библейскую историю творения. На ней это райский символ действительно

нарисован таким образом, что Люцифер, как я это только что описал, изображен в точном соответствии со смыслом нашей духовной науки. Итак, в 13, 14 столетии Мейстер Бертрам рисует Люцифера правильно, в духовнонаучном смысле. Это нечто такое, что можно увидеть. Это исторический факт.

Мы часто указывали на древнее атаквистическое ясновидение, которое угасало лишь постепенно. Однако то, что нарисовал Мейстер Бертрам, указывает на то, что до 13-14 столетий существовала возможность изображать Люцифера правильно в смысле древней духовной науки, атаквистической духовной науки. Итак, можно внешним образом доказать, что прошла всего лишь пара столетий с тех пор, как люди были оставлены духом как теперь. Вы найдёте достаточно таких доказательств.

Это значит; то, что сегодня тупицы считают извечной природой человеческой души, - то, что человек видит снаружи благодаря своим глазам, то, что он видит своими глазами и комбинирует рассудком, - вообще стало душевным свойством человек лишь пару столетий назад. До этого все люди знали о связи с духовным миром. Конечно, это постоянно угасало. Но мы находим, что даже ещё в 13-14 веках люди могли рисовать в смысле древней науки. Важно принимать к сведению такие факты. Из этих фактов видно, как древняя духовная наука, которая, как мы знаем, должна была отступить, чтобы содействовать выработке человеческой свободы, ещё жила в душах вплоть до 13-14 столетий. Поскольку должна была выработываться душа сознательная, древняя духовная наука должна была отступить назад.

Но духовная наука должна быть возвращена снова. Сегодня человечество в отношении всего того, чем является дух изобретательства, чем является творческий дух, ещё живёт во всех областях старым наследием, полученным посредством древней духовной науки. Но не пройдёт пятидесяти, ста лет, как все изобретения и всё спонтанные идеи, которые благодаря творческому началу действуют в человеческом развитии, будут исчезать, даже в области механики, если духовная наука не сможет действовать на человечество, способствуя оплодотворению. Духовная наука должна быть как раз в наше время включена в развитие человеческого рода, иначе этот человеческий род на Земле окажется стерильным и бесплодным в своей душевной жизни.

Сегодня это в большей или меньшей степени уже выступает навстречу, но особенно часто и сильно это происходит в области искусства. Тут навстречу сильно выступает то, что люди становятся в некотором роде оставленными духом, когда они не в

состоянии придать произведению искусства иной характер, нежели только подражание внешней природе, что свидетельствует о полном отсутствии внутреннего духовного оплодотворения.

Эти вещи стоят по одну сторону. Они показывают нам, как необходимо, чтобы человек убедился, что он, как цельный человек связан с существами высших царств. Можно представить себе людей, - сегодня есть ещё и такие, которые не знают о том, что существует воздух; для них есть только пустое пространство. К ним в сознание даже не вступает то, что существует воздух. Но физическое тело, в сущности, немислимо без окружающего его воздуха, ибо, чем будем мы с нашими физическими телами без окружающего нас воздуха? Мы считаем физическое тело изолированным, поскольку оно заключено в свою кожу. Однако это глупая мысль. Здесь находится воздух, в следующий момент этот воздух находится в нас, затем он снова снаружи. Разве тот воздух, который в ближайший момент окажется снаружи, не принадлежит вам точно так же, как мускул в вашем физическом теле? Разве вы не имеете внутри себя того, что находится снаружи? И затем, опять-таки, что находится внутри, оказывается снаружи? Но точно так же как мы с нашим физическим телом едины с этим воздухом, так мы в отношении нашего душевного начала, в отношении нашего эфирного тела едины с существами, которые ткнут и живут в мире как Ангелы, Архангелы, Архаи; благодаря нашему астральному телу мы едины с существами, которые ткнут и живут в мире - Тронами, Духами Мудрости, Духами Движения, Духами Формы. Они постоянно действуют в нас, как воздух постоянно действует в нашем физическом теле. Знание об этом дает нам истинное осознание существа человека.

Это одна сторона дела. Затем имеется ещё и другая сторона дела. Мне хотелось бы сегодня путём необходимого рассмотрения сформировать у вас представление об этих двух сторонах. Прочтите как-нибудь, - это наглядный пример, - «Братьев Карамазовых» Достоевского. (*Достоевский Федор Михайлович, 1821-1881, великий русский писатель; Роман «Братья Карамазовы» появился в 1879-1880гг, на немецком языке в 1884 - примеч. перев.*) В этих «Братях Карамазовых» показаны, среди других образов, четыре личности, четыре сына старого Карамазова, Дмитрий Карамазов, Иван Карамазов, Алёша Карамазов, Смердяков (Карамазов). Весьма примечательно то, как подействовал этот роман именно в Средней Европе. Я должен был бы много говорить об этом, если бы захотел рассказать об образе действия, при котором из человеческой жизни извлекается нечто, и, благодаря такой душе, какой была душа Достоевского, становится таким сочинением как «Братья Карамазовы». Однако я хочу сказать лишь немного: можно

быть в восхищении от проникновенного психологического искусства, - так называют его многие люди, поскольку сегодня ещё так мало известно о том, что такое настоящее психологическое искусство, - также можно быть в восхищении и от некоторого проникновенного тонкого наблюдения жизни. Однако несмотря на это, тот, кто не расположен принимать духовнонаучные понятия, заучивая: человек состоит из физического тела, эфирного тела, астрального тела и «я», записывая это на доске, или, красками, как делали раньше, чтобы можно было запомнить, - тот, кто принимает духовнонаучные понятия не так, но постепенно проникается этими членами человеческой природы, как мы пытаемся делать это на протяжении лет, - у того возникает неприятное чувство по отношению к этому весьма хаотическому описанию в «Братьях Карамазовых». Тут многое, будучи рассматриваемо лишь внешне, может быть названо тонким наблюдением жизни, например, что старший (из братьев) Карамазов от другой матери, с совершенно другими свойствами характера, чем оба средних брата, Иван и Алёша, и что четвертый, который является в своём роде ребенком, тоже происходит от другой матери. Старый Карамазов - довольно большой, феноменальный негодяй, опустившийся человек, который по жизни совершает всевозможные проказы, так что у Смердякова мать оказывается совершенно странной личностью. Он нём, в сущности, никто и не знает, что он сын старого Карамазова. - Но я не хочу пересказывать роман, и, всё же, если таким образом рассмотреть, кем были матери четверых братьев Карамазовых, можно почувствовать: да, в этом что-то есть! Это нечто такое, что европейский человек не стал бы описывать так. Среднеевропейский человек описывает гораздо, гораздо сознательней, и поэтому он не вносит в своё описание так много совершенно подсознательных факторов, как Достоевский. Среднеевропейский человек многое сопоставляет, и сопоставляет только то, что он более или менее знает, так что он, конечно, менее богат, чем Достоевский, который не занимается тем, что он знает, но списывает жизнь. А жизнь богаче, чем об этом знает человеческая душа благодаря стоящему за ней духу. По отношению ко всему этому получаешь чувство: тут благодаря бесконечно хаотичному духу, благодаря мыслителю, который вследствие своей эпилепсии стал совершенно хаотичным, благодаря его совершенно больной душе показано многое, пусть даже потому, что в нашу эпоху природа делает человеческую жизнь склонной к открытию того или иного. И затем, если создать правильное ощущение, реальное представление о том, что понимается под физическим телом, эфирным телом, астральным

телом и «я», можно придти к тому, что в четырёх братьях Карамазовых представлено человеческие существа, которых правильно понимают, если говорят: в одном представлен человек, в котором в большей степени действует, реализуется первый член человеческой природы, физическое тело. В другом брате в большей степени предстоит человеческое существо, в котором задействовано эфирное тело, в третьем - в большей степени астральное тело, в четвертом брате - «я».

Действительно, если вы возьмёте этот роман Достоевского «Братья Карамазовы» и внутренне рассмотрите этих четверых братьев, то сможете сказать: во всём том, что как человеческий водоворот действует на поэта и подталкивает его писать по большей мере, исходя из подсознания, эти четыре члена человеческой природы действуют так, что у одного приоритетом обладает «я», у другого астральное тело и так далее. Так что эти четыре брата Карамазовы как бы являются распавшимся человечеством, как животное царство является распавшимся эфирным телом. И тогда обнаруживают, если человек в состоянии вникать в такие вещи, в Смердякове (Карамазове) преимущественно физическое тело, в Иване Карамазове - эфирное тело, в Алёше Карамазове - астральное тело, в Дмитриии - преобладание «я». Хотя сначала это кажется странным, но это видится в соответствие с реальным созерцанием, это не какое-то конструирование: конструировать человек стал бы, вероятно, совсем иначе, но если видят реальные вещи, дело обстоит именно так.

Тут имеются отличительные признаки того, что поэт, который творил преимущественно из подсознания и даже из хаотической душевной жизни вследствие своей эпилепсии, сталкивается с действительностью. Кроме того он проявляет в своём астральном теле, то есть опять-таки в своём подсознательном, родство с тем, что живёт и ткёт в мире. Ибо, мои дорогие друзья, мы смеем думать, что человек, как Достоевский, не напрасно стоит под виселицей и ожидает, что его повесят, - прежде вешали других; он ожидает и готов быть повешенным, - и лишь в самый последний момент проходит помилование! Это, во всяком случае нечто такое, что вызывает в человеческой душе другие ощущения, нежели те, которые могут быть вызваны в той человеческой душе, которая этого не испытала того, что это значит: в следующий момент быть повешенным. На это надо обратить внимание.

Однако всё это показывает нам, как вследствие того, что, я бы сказал, именно на такую душу в наше время действительность может действовать так, эта душа хаотически описывает на протяжении романа четверых братьев, наделенных таким образом,

как описал вам это я. Их можно понять только тогда, если человек знает об этом и может это ощутить. Тогда он, например, поймёт, почему тот, у кого приоритет имеет эфирное тело, и тот, у кого приоритет имеет физическое тело, почему они оба должны происходить от одной персоны, у которой повторяются известные истерические припадки. Если принять это к сведению, то удивительным образом объясняются все отдельные подробности.

Отсюда становится очевидным, сообразно с чем продвигает наше время в народной области нечто, - как я уже повторно описывал, - пригодное для того, чтобы некоторым образом отдаваться качествам крови, связанным со среднеевропейскими качествами, что я описывал здесь позавчера. Понять, что происходит, - даже с теми, кто ещё неосознанно вплетен в это происходящее, - в настоящее время можно, только имея духовную науку. Это выглядит глуповато, если так говорят, однако позвольте высказать это однажды: мир глубок, и нечто знать или судить о мире - это не такое простое дело, как считают сегодня люди, которые ведут жизнь так, как эта жизнь ведётся. Эти люди идут по жизни как во сне, будучи оглушенными, без того, чтобы хоть что-либо знать о том, что происходит вокруг них.

Уже готовятся великие вещи, и не так легко обратить на эти вещи внимание людей. Не правда ли, вы относитесь, - по крайней мере, благодаря своей карме, - к тем людям, которые постепенно получают доступ к этим вещам, и которые постепенно получают и усваивают представление, что всё находится под поверхностью жизни. Человечеству, стоящему вовне, можно иногда давать наставления об этих вещах, не заходя при этом далеко. Но в этом случае тут занимают места именно те, кто особенно умен и, прежде всего, верит, что тот, кто говорит от имени духовной науки, высказывая то или иное, не знает ничего, кроме того, что говорит; они не имеют никакого понятия о том, что всё это должно быть получено из всеохватывающего знания, причём из такого знания, которое может быть подкреплено подробностями, ибо это становится интересным только тогда, когда подкреплено подробностями.

Кое-что в эволюции человечества должно стать иным, об этом вы можете узнать из двух сопоставленных мною для вас фактов: с одной стороны я показал вам, что есть в человеке, а с другой стороны, показал, как надо видеть вещи, которые происходят теперь. Если человек, который не обучен обращению с микроскопом, заглядывает в микроскоп, он обычно ничего не видит. Также обычно человек не видит ничего, если он заглядывает в жизнь, рассматривая 19 столетие на Востоке и замечая, что тут жил Достоевский и написал «Братьев

Карамазовых». И поскольку в том, что содержится в «Братьях Карамазовых» Достоевского, живёт подземный элемент, поскольку это действительно существует в нём самом, - вместе с тем, что опять-таки существует на Востоке, - на Востоке это тоже осознается, так что образ жизни, в который поставлен человек, называют «карамазовщиной». То, что переживается так, как жизнь братьев Карамазовых, является «карамазовщиной». Это трудно выговорить, но, всё же, это гораздо более качественное понятие, чем, если бы мы здесь в Мюнхене стали говорить о «босйечестве»; это гораздо абстрактнее! А то гораздо конкретнее. Само собой разумеется, это не одно и то же. Но это имеет место в жизни и переходит в искусство, и человек понимает, насколько, для того, чтобы видеть, что происходит, необходимо, чтобы при наблюдении в основах его души имелось то, что может возникнуть только из духовной науки.

Даже из внешних процессов, которые, особенно теперь могут выступить перед глазами человека, если только он осмысленно смотрит на жизнь, обнаруживается та же самая необходимость, о которой я только что говорил, и которую я попытался осветить вам с двух сторон.

Чрезвычайно печальным явлением в нынешнее время является следующее. Видите ли, задолго перед войной появилось общее суждение: некоторых людей в той или иной области считали особо выдающимися людьми. Не было причины возражать против этого, ибо они в смысле нынешней материалистической культуры достигали выдающихся успехов. Но вот пришла война. Эти люди проявляли себя, писали письма. Совершенно невероятно, что за вздор писали, - после того как разразилась война, - те люди, которые во всём мире расценивались как выдающиеся! Почитайте письма, которые они написали, с тех пор как началась война, прочтите, - чтобы перейти в другой регион, - письма, написанные, например, человеком, - нет надобности разделять его воззрения, - который должен был рассматриваться многими как выдающийся, убежденный поборник свободы: письма *Кропоткина*. (*князь Кропоткин Петр Алексеевич 1842-1921, русский революционер и анархист, выдающийся географ - примеч. перев.*) Что за глупые, ослепительно глупые письма написаны им после начала этой войны! Такие вещи имеют исключительное значение.

Я мог бы сказать: именно сейчас, когда человечество противостоит очень быстро вторгнувшейся, насильственной ситуации, обнаруживается, насколько мало, в сущности, люди, пусть даже выдающиеся люди в своём мышлении были пробуждены тем, что вторглось помимо обычных удобных программ. Самыми лучшими при этом являются, - с их точки

зрения, - обычные филистеры; не с нашей точки зрения, но с современной точки зрения. Они тоже живут дальше и судят дальше в соответствии со своими собственными воззрениями. Как реализуются эти собственные воззрения? Известно, что эти люди не полагаются на авторитет, они имеют свои собственные взгляды, которые они сами и строят. Но эти собственные воззрения покоятся, главным образом, лишь на том, что речь идет о таких собственных воззрениях, относительно которых человек забыл, в какой газете или в какой программе он их вычитал, И это собственные воззрения! Проводят различие между чужими воззрениями и собственными воззрениями; последние появляются только потому, что забывают, откуда их вычитали.

Все эти вещи указывают нам на то, что многое, многое именно в духовной жизни должно стать совершенно другим, что люди не должны искать удобства в том, чтобы идти по миру так, как идут материалисты, которые, в сущности, всегда грезят о мире. Они, конечно, полагают, что грезят именно другие, но в действительности грезят эти материалисты, те, которые никогда по-настоящему не просыпаются. Это должно стать иным в рассмотрении духовной жизни, и то, что это должно стать иным, должно внедриться в сознание тех, кто хочет всем сердцем связать себя с духовнонаучным мировоззрением.

Мы должны были в этом собрании сказать однажды серьёзные слова по той простой причине, поскольку сегодня дела обстоят так, что человек нуждается в обстоятельствах, которые не всегда легко найти. В настоящее время путешествовать трудно. Всё это связано с тем, что я уже упоминал тут повторно, и что следует рассматривать в связи с тем, что я сегодня говорил снова.

Сегодня я говорил снова, что наше эфирное тело не есть нечто просто такое, что мы, - как носители наших мыслей, которые мы рассматриваем как свою собственность, - тянем по жизни, а затем оно улетучивается. Нет, оно не улетучивается! Оно является тем, что вплетается во всеобщий мировой эфир, после того, как над этим эфирным телом поработали все иерархии.

Но если сотням и тысячам людей, - как это происходит сейчас, - вследствие смерти не дают носить своё эфирное тело в течение многих десятилетий, как это бывает в нормальной человеческой жизни, если так много эфирных тел передается в духовный мир, в эфирный мир, то наступает то, что я часто описывал: эти эфирные тела остаются там с той частью, которую можно было бы использовать для самого этого мира; ибо никакие силы не теряются. Это должно происходить наверху. Но то, как будут они действовать наверху, зависит от того, каковы души внизу. Эти души могли бы обрести силу для духовного продвижения в будущем,

если будут знать: тут многие прошли через жертвенную смерть, их эфирные тела ещё находятся здесь. Если человек будет осознавать их, будет осознавать те силы, которые могли бы воздействовать из того, что они тут оставили, тогда мог бы наступить большой спиритуальный подъём. Но на Земле должны быть души, восприимчивые для спиритуального, как и для духовного постижения мира. Тогда то, что существует в духовном мире вследствие жертвенных смертей, будет сделано плодотворным для Земли. В ином случае это станет добычей Аримана! Ибо это может и не сделаться плодотворным для Земли, поскольку такие вещи не происходят сами по себе, но только вследствие посредничества человеческих душ.

От того, найдётся ли по возможности много человеческих душ, которые способны в мыслях и в чувствах связать себя с тем, что как силы существует в ещё неиспользованных эфирных телах тех, кто прошел через жертвенную смерть, - от этого зависит, будет ли это использовано для будущей спиритуальной культурной эпохи Земли, или станет добычей Аримана.

Продумайте эти мысли медитативно, мои дорогие друзья, тогда это станет значительным для ваших душ, тогда будет обретено то, о чём я часто говорил здесь, и чем я хочу снова закончить сегодня:

Из мужества бойцов,
Из крови павших,
Из страданий оставленных,
Из жертвенных дел народа,
Взрастёт духовный плод -
Если, сознавая Дух,
Души направят свои чувства
В царство Духа.

СЕДЬМАЯ ЛЕКЦИЯ
Мюнхен, 19 мая 1917 г

Значение четвертой эпохи в послеатлантическом времени, значение пятой эпохи в атлантическое время. Омоложение человечества. Остановка человека на двадцатисемилетней ступени: Рудольф Ойкен и Вудро Вильсон. Жизненные практические познания благодаря духовной науке. Мысли к

умершим: Людвиг Дейнхард и профессор Сахс. Вторжение личного элемента в общество. Клевета, хозяйничанье клики. Последствия: ограничение личных разговоров.

Сегодня я хочу избрать такой исходный пункт, который может привести нас к пониманию некоторых вещей, окружающих нас в настоящее время и остающихся под вопросом. Наше время требует такого понимания, требует, чтобы человек с таким глубоким духовным пониманием поставил себя по отношению ко времени. Тем не менее, с другой стороны в широчайших кругах существует глубокая антипатия, направленная против духовного понимания человеческих отношений. Да, такая антипатия существует, так что попытка духовного понимания, попытка понимания таких импульсов, которая дает возможность переносить человеческие поступки в наше тяжкое время, заранее отталкивается как нечто фанатическое, невозможное почти детское. Тем не менее, именно такие рассматривания, которые мы можем осуществлять совместно, посвящены тому, что хотя, как это легко понять, они не говорят непосредственно об обстоятельствах времени, - как известно, это невозможно, - но могут все же привести к некоторому пониманию у тех, кто приложит усилия, чтобы, исходя из действительно глубокого исходного пункта, подойти к такому пониманию.

Для понимания времени, когда в некотором смысле взбудоражены самые глубинные силы человечества, когда эти самые глубинные силы человечества действуют, пусть даже совершенно не будучи осознанными большинством людей, необходимо, чтобы не просто говорили вокруг да около разных идеалов и всяких вещей, но чтобы искали понимания посредством более широкого обзора человеческой эволюции в целом. Мы в рамках наших духовнонаучных обсуждений всегда пытались придти к такому широкому обзору эволюции человечества, и в этом отношении уже было сделано самое разное. Сегодня мне хотелось бы привести кое-что с несколько другой точки зрения.

Мы знаем, что в рамках общечеловеческой эволюции пришлось перенести то, что мы называем прохождением через великую атлантическую катастрофу. Мы знаем, как то, что сейчас живёт как человечество, можно проследить назад к известному состоянию эволюции, которое имело место перед этой атлантической катастрофой. Затем, после этой атлантической катастрофы мы должны обозначить для себя первый послеатлантический культурный период, который я обычно называю древнеиндийским, второй, который я обычно называю древнеперсидским, третий, ассиро-вавилонско-египетский,

четвертый, греко-римский. В пятом периоде живём мы, и мы должны увидеть, как пятому должен придти на смену шестой.

Речь идет о том, что так внутренне, так духовно, так, - я мог бы сказать, - по-человечески, как протекает развития в рамках человечества теперь, оно вообще могло протекать только после атлантической катастрофы. Люди, которые сегодня склонны рассматривать вещи в их связи, думают: человек есть человек, и каково душевное развитие человека сегодня, таким было оно с тех пор, как появился человек. И если мы пойдём назад от того, что мы видим сегодня как человека, мы придём к примитивному состоянию, которое затем опускается на животный уровень. - Эта материальная интерпретация истории развития не может устоять перед духовным способом рассмотрения; поскольку именно тогда, когда мы будем заходить всё дальше и дальше назад в человеческой эволюции, мы обнаружим, что основные импульсы, основные силы, лежащие в основе этой эволюции, становятся всё более и более духовными. Впрочем, если мы хотим увидеть эти вещи правильно, мы сначала должны проникнуться правильным понятием о духовности.

Для нашего послеатлантического времени четвертый период является значительным, наиболее значительный в смысле всего земного развития: он является периодом, в котором разыгралась Мистерия Голгофы. Это заставляет нас понимать время перед ним как своего рода подготовку к Мистерии Голгофы, а время после него, как своего рода исполнение того, что пришло как импульс благодаря Мистерии Голгофы. Но если мы вернемся в атлантическое развитие, то найдём, что в рамках атлантического развития пятый период оказывается наиболее важным для времени между лемурийской эпохой и нашей, поскольку в этом пятом периоде атлантического развития в атлантическую жизнь людей было внесено нечто чрезвычайно значительное, решающее. Тогда был принят исходный пункт того, что мы могли бы назвать преобладанием душевного развития в послеатлантическое время. Если мы вернемся в атлантическое время, мы найдём там не животное человечество, о котором так охотно говорит материалистически истолкованный дарвинизм; мы найдём человечество, которое вело жизнь более приглушенную, более притуплённую, чем послеатлантическое человечество. И если говорить о притуплённости душевной жизни, то можно было бы, - хотя такое сравнение носит чисто внешний характер, - можно было бы сказать: эта притупленная, грезящая душевная жизнь атлантического времени сравнима с сонной душевной жизнью современных высших животных. - Однако такое сравнение, будучи

сделано, хромало бы оттого, что современные животные в своей смутной, подобной сну жизни сознания переживают, испытывают совершенно не то, что переживали в своём сновидческом, смутном сознании атланты почти до завершения пятого (атлантического) периода.

В чем всё же состоял наиболее существенный признак этого сновидческого сознания древних атлантов? Наиболее существенный признак состоял в том, что люди, которые жили тогда, - извините, если то, что я скажу, будет выглядеть материалистически; но ведь материалистическое познают только тогда, когда овладевают им, когда знают об импульсах духовности, - итак, люди, которые жили тогда, жили так, что с их душевной жизнью находилась в очень близком отношении их пищевая жизнь, их питание. Вы, конечно, могли бы возразить: ну, и сейчас достаточно тесные отношения господствуют между душевной жизнью иного современного человека и тем, что он ест! - Всё это правильно, мы знаем, что большая часть современных людей отнюдь не пренебрежительно относятся к еде. Не надо расценивать это как упрёк. Но очень велика разница между внутренним переживанием, когда лакомятся обедом современный человек, приятным чувством, которое испытывает современный человек, когда он телесно связывается с принимаемой пищей, - и внутренним переживанием атлантического человека в то время, о котором я говорю сейчас. Атлантический человек ел, он ел ту или иную пищу; то есть он принимал в себя то или иное вещество, и когда он связывал его со своим телесным бытием, в его сознании поднималось знание о том, какими элементарными духами проникнуто это вещество. Он не поглощал это вещество как современный человек, совершенно бессознательно, но сознавал, какая элементарная духовность соединена с этим веществом, если соединял это вещество со своим телесным бытием. Обмен веществ был тогда в то же время обменом духа, обменом элементарных духов.

Это было так, что человек мог определить вещество как носителя тех или иных элементарно-духовных импульсов или даже как носителя существ; он чувствовал, что в него вместе с пищей входят духовные силы, и когда он переваривал, он чувствовал, что в нём работают духовные импульсы. Он не просто сидел и переваривал как современный человек, нет, он чувствовал себя телесно проникнутым теми или иными элементарными духами, так что материализм, который теперь господствует, был, в сущности, совершенно невозможен. Он не мог сказать, что верит лишь в смертность бытия, ибо он поедал те самые духовные импульсы,

которые волнообразно приниживали его, когда он переваривал. Чтобы быть анти материалистом, человеку надо было, всего лишь есть. И это вхождение вниз, в смутность бессознательного является существенным достижением этой пятого атлантического периода. Еда и пищеварение стали в некотором смысле бездуховными; однако в шестом атлантическом периоде ещё оставалось нечто духовное: это было дыхание.

Когда сегодня человек вдыхает и выдыхает, до его сознания доходит то, что он вдыхает и выдыхает воздух; по крайней мере, так ему скажет химик. Тогда же это было не просто сознание, но человеку, - это держалось в течение всего шестого атлантического периода, - человеку было очевидно: вместе с вдыхаемым воздухом он вбирает силы элементарной духовности, а выдыхая, он выдыхает силы элементарной духовности. Дыхание с самого начала вследствие этого становилось духовно-душевым процессом, рассматривалось не только как телесно-вещественный процесс. В последний атлантический период было отнято нечто, остававшееся до тех пор, то, что позднее жило лишь в воспоминании: когда человек слышал звук, видел цвет, для него было очевидно, что в звуке, который он слышит и в цвете, который он видит, живёт духовность, что когда он видит цвет, в его глаза устремляются духовные силы, когда он слышит звук, духовные силы устремляются внутрь него. Все эти вещи существовали в смутном сознании того времени. Люди завоевали себе светлое сознание, но платой за это более духовное сознание стало то, что им пришлось при общении в внешнем мире потерять наполненность этого общения духовностью. Каждая эпоха имеет свои особенные отличительные признаки, особенное своеобразие. Как отдельный человек переживает возрасты жизни, и возрасты жизни в отношении телесных и духовных качеств отличаются друг от друга, так и всё человеческое развитие, эволюция в целом, тоже испытывает состояния, причём более поздние эволюционные состояния отличаются от более ранних. Было бы глупо, если бы мужчина между пятьюдесятью и шестьюдесятью годами верил, будто бы то, что является его телесно-духовным бытием, должно вернуться к его состоянию между десятым и двадцатым годом; было бы глупо, если бы человек не проводил различия между жизненными возрастными и их качествами. Глупо полагать, будто бы то, что свойственно более поздней эпохе развития жизни, было также и в более ранней. Эти вещи никогда не возвращаются снова, причём они в следующих друг за другом возрастах жизни оказываются ещё более различными, чем думают.

Я приложил старания, чтобы кое-что узнать о возрастах жизни человека в послеатлантическую эпоху. Тот, кто рассуждает только по аналогии, может также смотреть и на развитие человечества, и тогда он скажет себе: как отдельный человек переживает детство, юность, зрелость, старость, так переживает и человечество. Однако если предпринять настоящее наблюдение, если войти в истинные соотношения фактов, то это окажется неверным. Эту аналогию просто так нельзя брать за основу; только серьёзно мысля в согласии с духовным исследованием, можно обнаружить, что же, в сущности, лежит в основе. Я выяснил, что в основе должно лежать нечто совершенно иное, нежели то, что могут иметь в виду, говоря: как отдельный человек, так и всё человечество переживает юность, зрелость и старость. – Это неправильно. Мне представлялось, что человечество в первом послеатлантическом периоде, древне-индийском, было, конечно в известном возрасте жизни, но в таком возрасте жизни, который нельзя сравнивать с юностью, но можно было бы сравнить с возрастом индивидуальной человеческой жизни от пятьдесят шестого, – идя назад, – до сорок девятого года. Итак, если хотят сравнивать возраст всего человечества того времени с возрастом жизни отдельного человека, надо сравнивать его не с юношеским периодом, но с этим зрелым возрастом. Затем идет древне-персидский культурный период. Здесь человечество, развиваясь дальше, переживает возраст жизни, который, если хотят сравнить его возрастом отдельного человека, соответствует возрасту от сорока девяти до сорок второго года жизни. Человек становится старше, человечество становится моложе. Египетский период можно сравнить у отдельного человека с возрастом между сорок вторым и тридцать пятым годом жизни. Греко-римский период надо сравнивать с возрастом между тридцать пятым двадцать восьмым годами. А нынешний пятый послеатлантический период сравним с возрастом человека от двадцати восьми до двадцати одного года. И если мы спросим: в каком возрасте находится человечество теперь? – то мы должны будем ответить: оно имеет возраст примерно в двадцать семь лет. Понять всё то, что происходит с человечеством можно только тогда, если провести перед своей душой эту тайну развития.

Это, однако, даёт вполне определенные результаты, совершенно определенные следствия в отношении переживаний человека. Ибо, что означает: в первую послеатлантическую эпоху всё человечество находилось в возрасте от пятидесяти шести до сорока девяти лет? Это означает: человек, само собой разумеется, переживает, что ему сначала исполняется один, два, три года; но основа человечества, с которой сживается отдельный человек,

которая охватывает человечество в целом, проявляет то, что индивидуальный человек переживает только между сорок девятым и пятьдесят шестым годом жизни. В это время появляется так много изначальных элементарных знаний у человечества, которым мы можем удивляться, появляется потому, что человечество в целом было столь старым и (отдельный) человек вращал в столь старое человечество. Он как молодой, зеленый, двадцатипятилетний юнец вместе с человеческой аурой принимал то, что было исполнено мудрости, как бы исходящей от старого человека. Полнота мудрости была излита над всем человечеством. Человек на моральном уровне оценивал то, во что он вращал как в человеческую ауру, подобно тому, как поседевшую голову ценят потому, что она поседела. Над человеческой культурной жизнью было разлито чувство благоговения и пиетета, это было нечто само собой разумеющееся. Дальнейшим следствием этого было то, что человек со своим индивидуальным развитием дорастал до того, что было общим благом человечества, только после того, как достигал пятидесяти шести лет. Только тогда он мог говорить о своём собственном развитии, только тогда он мог индивидуально выделяться из подоснов того, что притекало к нему извне. Во всяком случае, многие люди тогда не приходили к тому, чтобы в периоде жизни между сорок девятым и пятьдесят шестым годом жизни проделывать соответствующее внутреннее развитие. Тогда они выглядели как дети, чувствовали себя тоже как дети, которые ощущают вокруг себя духовное содержание возраста человечества.

Следующий период, древнеперсидский уже не приносил больше таких высоких откровений и культурных импульсов, которые несли человечеству мудрые отцы в первом послатлантическом периоде благодаря своему общению с духовными существами. Человечество в целом обнаруживало ту степень зрелости, которую можно было бы сравнить с индивидуальным человеческим возрастом между сорок девятым сорок вторым годами жизни. Желая индивидуально вырасти над общей человеческой аурой, человек мог достичь этого только на сорок девятом году жизни. Однако благодаря индивидуальному развитию он вырастал до зрелости, которая могла наступить только на сорок девятом году.

Так было опять-таки и в египетско-халдейскую эпоху. Аура, в которую вращал человек, позволяет сравнить себя с возрастом жизни отдельного человека между сорок вторым и тридцать пятым годами жизни. В греко-латинскую эпоху – с возрастом жизни между тридцатью пятью и двадцатью восемью годами. Замечательным в этой греко-латинской эпохе было то, что

индивидуальная середина жизни человека совпадала с серединой жизни всего человечества, только человечество в общем потоке двигалось вниз, тогда как человек поднимался вверх. Поэтому современное человечество слишком мало понимает своеобразную гармонию греческого образования. Если для этого грек достигал тридцати пяти лет, он тогда оставался в некотором смысле средним человеком, человеком середины, он всегда оставался тридцатипятилетним, если не развивал в себе чего-то индивидуального, что выходило бы за пределы общечеловеческой ауры. В древности проявляли заботу о том, чтобы отдельный человек мог развиваться вверх.

Наступила пятая послеатлантическая эпоха, в которой мы живём. Человечество в эту пятую послеатлантическую эпоху переживает возраст жизни, который можно сравнить с индивидуальным возрастом жизни между двадцать восьмым и двадцать первым годом. Это означает: тот человек, который всего лишь отдается всеобщему потоку бытия, отдается тому, что вступает в душевную жизнь просто постольку, поскольку этот человек является человеком, - становится не старше двадцати восьми лет. Если он не заботится о спиритуальном развитии для того, чтобы индивидуально продвинуть свою душу вперед, он всегда остается в возрасте двадцати восьми лет, лучше сказать, он не пройдет выше двадцать седьмого года. Человечество в целом не может дать нам больше, чем то, что оно приносит нам до двадцать седьмого года жизни. Если в наше время мы не ищем воспламенения и возбуждения индивидуальных душевных сил, которые выносят нас выше потока общечеловеческого бытия, то даже если мы бы прожили сто лет, мы остаёмся не старше двадцати семи лет. Являемся ли мы работником физического труда или профессором, или кем-либо ещё: если мы не ищем спиритуального развития, дающего душе понятия, которые внешнее человечество ей дать не может, мы всегда остаемся в возрасте двадцати семи лет. Конечно, само собой разумеется, мы будем выглядеть старше, время нельзя удержать: но наша душа, без собственного развития достигнет не больше, чем двадцатисемилетней зрелости. Наше время поистине не понимают, если, как следует, не принимают к сведению вышеописанное отличительное свойство. Мне действительно по ходу лет приходилось заниматься многими характерными вопросами нашего времени, вопросами жизни, культурного развития, недостатков человечества, заниматься тем, что радует современное человечество и отчего оно страдает. Ключ к пониманию нашего времени дается только тогда, если обращают внимание на факты, которые я только что изложил. То, чего

недостаёт нашему времени, нельзя постичь, если не обращать на это внимание.

Мы переживаем философии, перед которыми мы застываем в удивлении, поскольку они останавливаются на самых общих заявлениях и не имеют ни малейшей способности показать что-либо, погружаясь в конкретную действительность. Почему это происходит? Я ставил перед собой этот вопрос относительно отдельных личностей. Я обнаружил, что носитель ойкеновской философии (*то есть сам Ойкен - примеч. перев.*) - человек, обладающий всем огнем такого человека, который не может быть старше двадцати семи лет. Конечно, он говорит затем и дальше, - ибо он уже достиг достаточного возраста, - он говорит строгим голосом, при движении имеет другие жесты, он ещё чему-то учится. Но это ничего не значит; весь его тип в целом не старше, чем двадцать семь лет. Этот двадцатисемилетний тип человек пронесит через всю жизнь. Это особенно бросается в глаза, если человек должен ввести в мир идеи, если он должен культивировать идеи, посредством которых овладевают жизнью.

Теперь мы подходим к опасной области; но мы сделаем это так, что будем искать по возможности более отдаленные примеры. Я задавал себе вопросы относительно разных личностей современности, имеющих задачу развивать идеи, вторгающиеся в современную жизнь, вторгающихся так, что эти идеи должны подчинять себе события времени; я спрашивал, как обстоит с ними дело. Я приложил много усилий, чтобы не промахнуться в этой области: однако это бесполезно, если не входить в причины этих вещей в их конкретных проявлениях. Разыскивая личность, которая в целом никогда не станет старше двадцати семи лет, и никогда не будет иметь идей более зрелых, чем у двадцатисемилетнего человека, можно удивительным образом обнаружить пример такой особо характерной личности в президенте Соединенных Штатов Америки. Если изучают различные программы, которые он развивал, то они несут (отпечаток) особого типа, который не может стать старше двадцати семи лет, поскольку эта душа никогда, даже в малейшем, не воспринимала ничего из того, что приносится душе не внешним образом, не извне. Конечно, человек может быть более или менее одаренным. - Дарования могут иметь место у данного человека, - но идеи, которые он развивает, в отношении зрелости их воззрений, их пробивной силы, их практического жизненного смысла имеют возраст двадцати семи лет; они не станут старше, пусть даже этот человек проживет сто лет, если только он не

начнет спиритуально углубляться, и вносить в эти идеи огненную силу души.

Мы живём сегодня в такую эпоху, когда мы должны изнутри души руководить тем, что исходит от двадцатисемилетнего возраста. В возрасте двадцати семи лет люди еще не обладают жизненной практичностью; они могут считать себя такими, но они не жизненно практичны. В этом состоит причина, почему различные идеи Вильсона так непрактичны и скачкообразны, и почему они так нравятся в широчайших кругах. Они нравятся благодаря той же самой притягательной силе, благодаря которой нравятся юношеские идеи, которые всячески декларируются: о свободе народов и тому подобном. Всё это весьма прекрасно! Однако миром сегодня правят так, что предъявляют требования к пробивной силе идей, делают широкомасштабные заявления о мире, - а затем ещё сильнее развязывают войну!

Мне поистине хотелось бы вызвать ощущение того, чем являются эти внедрённые, вколоченные в действительность идеи, идеи, имеющие пробивную силу, чтобы срастаться с действительностью. Идеи, которые являются чистой декламацией, набором напыщенных слов, - будет появляться много таких прекрасных идей; именно молодые идеи так прекрасны. Однако нам нужны идеи, которые связывают человека с действительностью. Что за прекрасная, удивительная идея, если кто-либо сегодня выступает и говорит: мир должен принять новую ориентацию! - Самое прекрасное в этой идее до сих пор, - это сами слова. Это и есть единственно прекрасное: сами слова, ибо когда некто выступает и говорит об этом, это, конечно прекрасно. Весьма прекрасно также, когда говорят: самые трудолюбивые, усердные должны быть поставлены на подобающее им место. - Чудесная, прекрасная идея! Однако как быть с тем, если самым трудолюбивым оказывается чей-то племянник или зять? С такими прекрасными идеями ничего не поделаешь; нет, дело можно иметь только с реальным познанием действительности, пригодным для того, что реально, что действительно.

Такова одна из точек зрения, о которой идёт речь, если хотят понять глубинный смысл того, что представляет собой культура настоящего времени. Благодаря этим отличительным особенностям времени проникает именно то, что необходимо, чтобы люди углублялись сегодня на душевном уровне, чтобы они старались посредством индивидуального развития достичь более позднего индивидуального возраста жизни, которого человечество в целом больше не имеет. Конечно, легче говорить в духе Ойкена о

новом обновлении жизни, усвоении внутренних жизненных сил, о всевозможных делах, при которых человек может весьма прекрасно, по-юношески возноситься, но которые, однако не годятся, ни на что иное, как только в качестве декламации. Конечно, это легче, чем прилагать усилия для серьёзного исследования, для серьёзного углубления в действительность, и проникаться глубинными импульсами жизни.

Если нашему духовному движению суждено иметь по-настоящему глубокий смысл, тогда оно должно, прежде всего, таить в себе волю проникать в конкретные импульсы развития человечества, оно должно существовать для того, чтобы постигать эти великие связи жизни, ибо иначе все в рамках нашей духовной науки останется чистой теорией. Чистая теория не имеет ценности, даже если человек хочет связать с ней чувства, кажущиеся ему возвышенными. Цену имеет одно единственное; то, что в состоянии погрузиться в жизнь, то, что охватывает жизнь. Всякая мистика, когда человек стремится к тому, чтобы найти в себе то или иное, может давать весьма прекрасные результаты, но мы должны уметь отвлекаться от самих себя и смотреть на великие задачи человечества, чтобы, прежде всего, понять, что надо делать, что человек должен понять, что человек обязан понять. В ином случае самые важные вещи в духовной науке просто пройдут мимо ушей. И, в сущности, важные вещи в духовной науки по ходу лет, с тех пор как мы имеем эту антропософски ориентированную духовную науку, в большом масштабе прошли мимо ушей.

Если бы, дорогие друзья, хоть однажды вспомнили, какой ответ всегда давал я в течение многих лет, если меня спрашивали о том, как обстоит дело с реинкарнацией, поскольку человечество всегда увеличивается, возрастает; если бы друзья захотели вспомнить, как на протяжении десятилетий давался стереотипный ответ: может быть, люди очень скоро узнают, какое уменьшение человечества могло бы произойти именно в Европе, - вы взвесите, что имелось в виду, если вы теперь оглянетесь назад, если вы вспомните оттенок речи, тон, которым давался этот ответ. Всегда говорилось, если речь заходила об увеличении населения: возможно, что очень скоро придёт время, когда болезненным образом может наступить сокращение населения. - В духовнонаучной области речь идет не о том, чтобы посредством теорий идти навстречу легковесным потребностям некоторых людей, но для того, чтобы, исходя из импульсов времени, давать ответ на мимоходом поставленные вопросы. При принятии духовной науки речь идет в большей степени о том, чтобы понять весомость того, что должно быть сказано, и заключить её в сердце,

нежели об удовлетворении любопытства, даже если оно по видимости носит возвышенный характер.

Это, мои дорогие друзья, хотел я прежде всего предоставить вам в качестве первой части того рассмотрения, которое, при соответствующем внимании, должно вести к пониманию нашего времени, рассмотрения, которое мы в эти дни хотим углубить.

Поскольку истекло время, которое должно было быть использовано для общего рассмотрения, я позволю себе перейти, - избегая упрека в том, что я кое-что сократил от антропософского содержания, - перейти к тому, на что пора указать, хотя бы парой слов. Однако я не хочу переходить к этому, не вспомнив о некоторых душах, ушедших с физического плана в духовную жизнь, душах, некоторые из которых были близки с теми, кто сидит сегодня здесь. Невозможно детально останавливаться на всех именах в отдельности. Наши дорогие друзья настроены на самые искренние чувства по отношению ко всем, кто с физического плана перешел на духовный. Но я не могу не упомянуть имя одного человека, который после различных препятствий столь прекрасным, столь искренним образом принял антропософски ориентированную духовную науку, и который именно в последнее время приложил выдающиеся, значительные усилия для представления этой духовной науки вовне. Я имею в виду нашего дорогого друга Людвига Дейнхарда (*1847-1917, автор книги «Мистерия человека в свете психических исследований. Введение в оккультизм -примеч. перев.»*); когда его физическое тело было передано физическим элементам, а душа перешла в духовный мир, наш дорогой друг Селин (*Альбрехт Вильгельм Селин 1841-1933, чиновник - примеч. перев.*) сказал прекрасные слова. Людвига Дейнхарта следовало бы оценивать тем выше, поскольку он не в результате слепой веры, слепой приверженности присоединился к нашему движению, но даже после некоторого сопротивления. В последнее время, время, становящееся всё тяжелее, он безоговорочно пошел на то, чтобы от всей души выступать перед широкой общественностью за это духовное движение. Я не боюсь сказать настоящим образом, что ту форму, в какой Людвиг Дейнхарт выступал перед общественностью за наше движение, я считаю исключительно ценной.

Затем я позволю себе вспомнить скончавшегося на этих днях профессора Сахса (*Мельхиор Эрнст Сахс, 1843-1917, дирижер и композитор, с 1881 преподаватель учения о гармонии в Музыкальной Академии Мюнхена - примеч. перев.*) , который всю свою жизнь следовал одной великой идее, великой музыкально-

технической идее. Он умел постоянно соединять скромные действия, на которые способен один человек, с охватывающей идеей, разговор с которым возвышал, так как то, чего он хотел как человек, всегда сливалось с великой волей искусства. Надо расценивать как счастье то, что такой человек был среди нашего общества.

После такого возвышенного обозрения я всё же вынужден, снова вынужден приступать к обозрению менее возвышенному, поскольку я вследствие того, что происходит, вынужден предпринять решительные меры, в отношении моего участия в духовнонаучном движении, заботиться о котором должно Антропософское Общество. По ходу времени то, что должно было бы быть в высшей степени благом в современном культурном развитии, то есть, антропософское движение, вследствие многих своих проявлений развило в той или иной степени препятствия, по отношению к тому, что я имел в виду под духовнонаучным движением. Бесполезно обманывать себя относительно этих вещей, особенно бесполезно, если существует опасность, что некоторые дела, связанные с Антропософским Обществом, могут стать препятствием для самой антропософски ориентированной духовной науки. Вот почему разрешите мне, - поскольку мы долгое время сотрудничаем друг с другом, так что обсуждать такие вещи несомненно можно, - заняться этими вещами совершенно открыто, так, как это лежит у меня на сердце. Можно сказать: в общем, в рамках Антропософского Общества привычным образом сложилось нечто, что в таком виде не должно существовать дальше, поскольку суждения внешнего мира о том, что хочет антропософия или духовная наука, будут очень сильно помрачены, если дело пойдёт и дальше так, как оно шло до сих пор.

Будем исходить из одной отдельной подробности: часто во внешнем мире, снаружи, говорят, - и это уже вошло в обычай, - что я из-за самих духовнонаучных вещей подвергаюсь атакам, в сущности, меньше, и гораздо больше из-за того, что связано с Обществом. Особенно предьявляется упрёк в том, что в Обществе господствует слепая вера в авторитет, слепая приверженность, что здесь многое делается из подобострастия и тому подобного. Если мне будет позволено выразить моё впечатление, я должен буду сказать: относительно большинства вещей происходит так, что в самую последнюю очередь делается то, что мною рассматривается как верное, правильное, что рассматривается мною как, возможно, наиболее желательное. Я не думаю, что в каком-либо другом, обычном обществе в такой степени отсутствовало бы то, что могло быть специальным желанием кого-либо из действующих в нём.

Даже если это и выглядит иначе, это всё же так. На эти вещи никто не должен обижаться, принимать их дурно. Дурно только то, что закрывают глаза и прячут голову в песок.

Мои дорогие друзья, мне приходилось порой слышать о настроениях в местном Антропософском Обществе в эти дни. Сегодня вечером я пришел сюда в вестибюль, и навстречу мне заструился благочестивый фимиам. Не думаете ли вы, что каждый, ориентированный на конкретное, на внутреннее, имеет особое желание, чтобы его выступление в течение всего вечера затруднялось вторжением этой показного благочестивого фимиама, этого запаха ладана? Не думает ли вы, что ему приходится уходить домой с головной болью из-за этого благочестивого фимиама, причём я даже не упоминаю о том, как неправильно понимается истина, если запах фимиама, - извините меня, просачивается в мир профанов. Может быть, неприятно специально упоминать о чём-либо подобном, но такие вещи носят характер симптомов. Спросите, исходила ли от меня когда-нибудь инициатива к таким внешним проявлениям? Нет, только помимо меня, параллельно.

Однако, для меня наиболее важным является то, как ощущается членами Общества связь с тем, что как духовная жизнь проходит через антропософски ориентированное духовнонаучное движение. Видите ли, в последнее время, как вы знаете, в общественных кругах имели место многочисленные, разнообразные атаки отчасти появившиеся в печати, отчасти готовящиеся к печати. Если сегодня против духовной науки со стороны внешнего мира выдвигаются упреки, не следует этому удивляться, не следует особенно болезненно переживать это; это лишь нечто естественное, нечто само собой разумеющееся. Это будет происходить. От конкретной дискуссии духовная наука поистине не должна отвращаться. От того, что поднимается клубами со стороны членов, тоже, возможно не надо отвращаться. Однако, сильнейшим образом, тому, что должно быть силой нашего движения, вредит следующее: уже можно сказать, что в этом движении, в этом Обществе дело в первую очередь обстоит единственно так, что самые благожелательные намерения и мероприятия, самые благожелательные правила поведения по отношению к членам погружаются в яд и желчь, облакаются в одежды клеветы и поношения, подвергаются самым, что ни на есть личностным атакам, что всё нацелено в хорошо известном направлении. Нигде вы не найдете с такой легкостью, как дела, может быть по мистическим соображениям, - я не знаю, - выполняются на основе чистой выдумки, чистой неправдивости.

Однако воля относиться к этим делам правильно, культивируется недостаточно энергично. Именно воля, чтобы видеть эти дела только поистине беспристрастно, развивается недостаточно энергично.

Серьёзность, заложенная в нашем духовнонаучном движении, особого рода, с нею вы должны выступать, по крайней мере, изучать. То, что может сделать отдельный человек, зависит, конечно, от жизненных обстоятельств, от самого разного; но надо изучать то, что есть, а не предаваться всяким безумным идеям. Конкретность и безличность особенно необходимы внутри нашего движения, посвящённого чисто духовным вещам, и нет ничего вреднее, если в ряды нашего движения будет вноситься личностные интересы, честолюбие и тщеславие. Конечно, эти вещи выступают завуалировано, замаскировано, но надо смотреть на истинное лицо таких вещей, надо рассматривать их так, чтобы доходить до сути дела. Если кто-либо организует сумму атак и очень хорошо знает, что стоит за этими атаками, очень хорошо знает каким в соответствие с отличительным характером духовной науки должно быть то, что он атакует, то он делает недостаточно, если опровергает фразу за фразой. Утверждать и опровергать можно многое, даже всё, но часто в этих делах речь не о том, чтобы сказать: причина заключается в чём-то другом. Если кто-либо приносит сочинение в Философско-антропософское издательство, но его приходится отклонить, данный человек затем становится врагом, то причины надо искать не где-либо, а в тех тезисах, которые данный человек накрутил. *(надворный советник Зейлинг хотел опубликовать в издательстве Общества сочинение о христианстве-примеч перев.)* Правды не узнать, если настоящие причины отступают на задний план.

Если кто-либо раскручивает ту или иную атаку по поводу всевозможных глупых эзотерических действий, глупость которых очевидна для каждого, кто не слеп, то он ошибается, если подобные вещи, которые являются чистой выдумкой, он не сводит к общему положению вещей. Может быть, тогда мотивом человека, проживавшего в маленьком местечке Средней Германии, является полученная им внезапно идея стать большим человеком (*Эрих Бамлер, см. л от 11 мая 1917 том 174б -примеч перев*) . Сначала он искал, как ему стать большим человеком по малому счету: он пишет фрау д-р Штейнер, что он должен что-то сделать, чтобы стать свободным от тесных отношений маленького города. Стоит ли ему ради этого дела жениться, или можно содействовать этому как либо иначе? Когда ему объясняют, что мы не компетентны принимать решение, надо ли ему жениться, или нет, он, возможно,

всё ещё не успокоился. Он идёт дальше, доходит до того, что берёт часть произведения, предстаёт перед Обществом, когда идет большое собрание и декламирует с чудовищной силой легких одно стихотворение Шиллера, несмотря на то, что не имеет ни малейшего понятия о декламации. Его высмеяли. Его тщеславие было оскорблено. Тогда он захотел стать великим художником, это стало у него своего рода идеей. Было сделано всё, чтобы поддержать его, чтобы он смог чему-то научиться; ему шли навстречу. Единственно, он хотел стать художником, но изучать что-либо ему было противно. Он, в сущности, не хотел стать художником, но хотел быть им; если же другие по внутреннему убеждению не могли сделать ничего иного, как дать ему совет, чему-либо научиться, он оскорблялся. Ведь он гений, а от него требуют, чтобы он сначала чему-то научился! Хотя они и делали всё, чтобы дать ему возможность чему-то научиться, но именно это оскорбляло его.

В этом направлении можно было бы добавить ещё кое-что. Это и явилось причинами, почему человек должен был стать врагом такого отвратительного Общества. Затем был написан всякий вздор. Но речь в меньшей степени идет о том, что было написано. С таким же успехом могло бы быть написано что-то другое, ибо настоящую причину надо искать совершенно в ином. Так могло продолжаться и дальше, и будет продолжаться дальше, будут появляться совсем другие намерения. Все эти вещи не имеют, однако, ни малейшего отношения к духовной науке. Однако они могут с большой интенсивностью развиваться из Общества вовне. Эти вещи пытаются строить себя не на конкретном базисе, который предоставляет духовная наука как таковая; они используют всяческую групповщину, клику, всевозможные личные социальные отношения. Вы видите, что я указываю лишь на одно или другое. Но всё это не восходит к духовной науке, нет, оно восходит к тому пониманию, которое властно правит тем, что должно происходить в Обществе. Именно те, о ком больше всего заботились, принадлежат к тем, кто больше всего разносит клеветнические поношения и обыкновенные выдумки.

Вот почему я вынужден, мои дорогие друзья, принять решительные меры. Вас я прошу, по крайней мере, о том, чтобы вы всегда называли обе части этих мер, чтобы снова не возникло новой клеветы, если сообщается только об одной части. Если для некоторых такие меры оказываются жесткими, тогда прошу вас вспомнить и о том, что для меня они тоже столь же жестки, как и для другого. Мне неприятно, что эти меры стали необходимы, и вы обращайтесь не ко мне, а к тем, кто эти меры вынудил. Ищите

причины там, также ищите там возможность узнать, что произойдёт в будущем, если вы направите своё рассмотрение туда, откуда исходит клевета. Это в большей степени то, что разыгрывается как личное. Конечно, я готов каждого поддержать личным советом: для эзотерических дел эти личные высказывания были довольно бесполезны, что касается эзотерики, то я позабочусь, чтобы была обеспечена хорошая замена. Однако, личное довело до того, что стало необходимо, чтобы в будущем всё это происходило в полном свете открытости, публично. Чтобы каждый при этом мог иметь свои эзотерические права, я позабочусь; но никого из Общества я больше не буду привлекать к так называемым эзотерическим приватным, личным обсуждениям. Эти личные визиты я должен прекратить, - без исключения, - для того, чтобы именно от этих личных визитов не могла исходить клевета. Хотя для того или иного это кажется жестким, но следовало принять эти меры по двум причинам: во-первых, поскольку для создания эзотерической жизни в этом нет необходимости.

Это я очень скоро докажу. В скором времени вы должны будете получить замену, несмотря на то, что должны отпасть те личные разговоры, которые происходили так часто, что сочлены подходили с такими вещами, не имеющими никакого отношения к эзотерической жизни. Во-вторых, по той причине, что я свидетельствую, что было взято с потолка, будто бы не было проявлено заботы об эзотерической жизни того или иного. Вы только прочтите книгу «Как достигнуть познания высших миров?». Ни у кого нет необходимости долгое время так и сяк требовать именно личного импульса. Второе, что относится к этим мерам, и о чём я прошу не забывать вас, это то, что я каждого, кто до сих пор имел приватные обсуждения, личные беседы, освобождаю от каких-либо обещаний. Никогда не давали обещаний, - вообще не было какого-то обычая, - не говорить о таких личных обсуждениях. С моей стороны каждый, насколько он этого хочет, может участвовать в том, о чём я говорил с кем-либо, ибо я ничего не должен скрывать. Кто хочет, может всё сообщать каждому. Даже прошлое может быть полностью освещено публично. Тем самым наилучшим образом будет достигнута возможность отличать неправдивость от правды, будет наилучшим образом определен масштаб, насколько в нашем Обществе врут, пускают пыль в глаза. Но обе меры принадлежат одна к другой. Я ещё раз повторяю, что это дело не будет выставлять в истинном свете тот, кто сообщит лишь о первой части; вторая тоже относится сюда.

Ещё я хочу упомянуть, мои дорогие друзья: если это будет кому-то трудно, то, прошу, обращайтесь в те места, которые

особенно легко найти здесь, обращайтесь к тем, кто сделал эти вещи необходимостью. Это не дело, когда то, чем должно быть духовнонаучное движение для мира, становится невозможным вследствие хозяйничанья клики (Cliquenwirtschaft) внутри Антропософского Общества. Из-за этого именно то, что живёт как нерв духовной науки, по большей части подвергается неправильному пониманию со стороны внешнего мира. Разве вы полагаете, что те вещи, которые должны предприниматься в смысле Общества, будут предприняты для моего личного удовольствия? Меня упрекали в том, что я в том или ином направлении лишаю Общество чего-то, поскольку, например, должно быть предпринято строительство здания в Дорнахе. Разве вы полагаете, что лично мне дорнахское здание может импонировать больше, чем какому-либо другому члену, который серьёзно относится к нашему делу? Что я в отношении этого здания имел какие-либо личные честолюбивые притязания? Если бы здание не было возможности завершить, я был бы самым последним, кто не смирился бы с неизбежностью. Никогда не могло бы случиться так, чтобы нечто из того, что должно быть явлено, представлено, также и столь важное, как дорнахское здание, было бы представлено иначе, нежели из внутренних основ самой вещи.

Решительные, предостерегающие меры должны быть приняты, в конце концов, и по той причине, поскольку, после того, как я в течение десятилетий достаточно говорил о том и о другом, серьёзности моих слов никогда не ощущали. Может быть, эту серьёзность ощутят при проведении этих мер. Существуют также и другие общества, которые не занимаются теми же самыми вещами, которыми занимаются в нашем Обществе.

Это, мои дорогие друзья должно было быть сказано ради нашей дружбы; это не должно было оставаться невысказанным. Кто серьёзно думает об антропософском движении, тот найдёт дорогу и тогда, когда вследствие серьёзности положения дел становятся необходимыми такие мероприятия. Это движение как таковое священо, и оно не должно быть погашено всяческими личными притязаниями, которые уже достаточно многое сделали в этом направлении. Те из наших дорогих сочленов, - а именно таких у нас много, - кто самоотверженно, жертвенно работает в движении, в Обществе, будут последними из тех, кого такие меры введут в затруднения, они сочтут их в высшей степени значительными. Я не думаю, что меня неправильно понимают именно те, кто действительно серьёзно и прямо относится к нашему движению; они будут считать, что я прав. Будут также и

те, кто посчитает, что я неправ; я охотно перенесу эту несправедливость.

Время идёт вперёд. Завтра я продолжу рассмотрение, сделанное сегодня и, возможно, добавлю некоторые замечания к тому, что я в конце говорил о происходящем в Обществе. Часто бывает поистине тяжело наблюдать некоторые вещи.

ВОСЬМАЯ ЛЕКЦИЯ

Мюнхен 20 мая 1917 г

Необходимость раскрытия внутренних душевных сил. Малодушие по отношению к новому, зацикленность на прошедшем, на примере Мориса Барреса. Извращение идей французской революции вследствие чисто теоретического понимания. Правомерность идей братства, свободы и равенства для тела, души и духа. Ликвидация духа вследствие Собора от 869г. (мнимо вселенского 8 собора - примеч. перев.) Ликвидация души посредством некоторых медикаментов. Заблуждения в понимании импульса Христа. Адольф Гарнак. Вынужденное силой посвящение римских императоров. Недостаточность воли в мышлении в наше время. Неверное сравнение между государством и организмом у Кьеллена (шведский политолог и политик, 1864-1922 - примеч. перев.) Вред, приносимый духовной науке вследствие вторжения в Общество личного элемента.

Из того, что было изложено вчера, вы могли видеть, как в наше время человек поставлен внутрь общего развития человечества. Было показано то, что подступает к отдельной личности вследствие самого развития человечества и как это развитие человечества требует, чтобы всё больше пробуждалось стремление возжечь и пробудить внутренний мир души, так, чтобы продвижение вперед у человека все менее носило внешний налет, но чтобы оно возникало из его внутреннего мира. Смысл того, что хочет духовная наука, состоит в следующем: дать человеческой индивидуальности возможность продвигаться дальше, в то время как в древности человек, только вследствие своего рождения в человечестве, обладал известной суммой переживаний, которые до некоторой степени способствовали его созреванию. Вы

почувствуете, что знание о таком положении дел, как мы это описывали вчера, имеет огромное значение и основательно освещает то, что необходимо нашему времени и человеку нашего времени.

Входить в эти вещи правильно, как это следует в смысле духовной науки, можно по-настоящему только благодаря тому, что человек хочет открытыми глазами смотреть на то, в какой форме, каким образом люди поставлены в современности по отношению ко всему земному развитию. Тут можно сделать бесконечно значительные открытия. Только эти открытия надо делать так, чтобы быть в состоянии оценить факты. Несомненно, в наше время имеются люди, которые чувствуют, что необходимо нечто для того, чтобы некоторым образом вывести душу из себя, то есть вывести её за пределы двадцать седьмого года. (см. л.7) Однако то мужество, та энергия, которые сегодня во внешней области творят чудеса, эта мужество и энергия действительно приводят к расцвету те душевные силы, которые сегодня встречаются не часто. Всё-таки дело обстоит так, то мы встречаем людей, которые по-своему обладают известным стремлением находить нечто иное, нежели то, что может предложить живущее вокруг в современной культуре, в современных задачах. Но у них нет мужества, чтобы подступить к тому образу действий и образу мыслей, которые действительно хотят чего-то нового: к духовной науке. Ведь нам известно, что такие люди не говорят себе ясно, но чувствуют: раньше окружающая среда, окружающий мир давали человеку больше, следовательно, мы должны снова искать то, что мир давал человеку раньше, мы должны найти контакт, должны подключиться к тому, что было дано человечеству раньше. Вот причина того, почему именно томящиеся по духу люди, - можно сказать, - вследствие бессилия ищут прибежища во всём том, что в общечеловеческом развитии уже устарело, истлело. Примеры тому вы можете найти всюду. Давайте приведём нечто весьма характерное на примере писателя Мориса Барре (1862-1932, цитата из статьи об Анри Жермене: «Прощание с вождём молодежи» - примеч.перев) который с юношески пылом, можно сказать, хотел штурмовать духовные небеса, однако затем, поскольку у него не нашлось мужества примкнуть к какому-либо новому духовному движению, искал контакта с католицизмом, как и многие в современности. Это, однако, странный образ мыслей: вместо того, чтобы искать пути вперед, он ищет путь назад. Характерны слова, которыми Барре описывает своё стремление к католицизму, ибо эти слова убеждают нас, как душевный порыв, лишенный мужества и энергии, поскольку он не желает искать новое, хватается за старое. Характерно и то, как он хватается.

Возьмите слова такого мыслителя, который вырос в целом на основе образования нового времени, который всецело принадлежит своему времени, и, на основе этого образования развивает свою склонность к католицизму. Возьмите следующие слова: «Напрасный труд искать потустороннее. Оно, возможно, совсем не существует!» Представьте себе, после того, как некто искал контакта с католицизмом, он говорит о потустороннем: «Напрасный труд искать потустороннее. Оно, возможно вообще не существует. Приступая к нему, мы не можем ничего узнать о нём. Предоставим это какому-либо оккультизму просветленных и шарлатанов; какую бы форму ни принял мистицизм, он противоречит разуму. Но мы, тем не менее, предадимся церкви» - представьте себе! - «во-первых потому, что она неразрывно связана с традицией Франции. И затем, поскольку она на основе авторитета столетий сформулировала те великие практические познания и правила этики, которые должны изучать народы и дети. И, наконец, поскольку она весьма далека от того, чтобы предоставлять нам какой-либо мистицизм; она прямо защищает нас от него, она заставляет умолкнуть голосам таинственных дубрав, она толкует Евангелие, и жертвует мужественным анархизмом Спасителя ради потребностей современного общества». Вы видите мотивы человека, характерного для современности, который побуждает искать дух по своему примеру: он хватается за то, что человечество приобрело когда-то без человеческих усилий. Он принимает это, не предъявляя каких-либо притязаний ко всему смыслу того, что он принимает. Можно сказать, нечто подобно является циничным или фривольным, если за этим не стоит большая серьёзность стремления. Но именно это подвержено роковой судьбе: серьёзность стремления сама стала фривольной, вследствие условий времени. Не воспринимайте этих слов легкомысленно! Большой вред для нашего времени коренится в том, что люди склонны воспринимать эти вещи легкомысленно. Примеров, подобных Морису Барре, можно было бы привести бесчисленное множество. В самых разнообразных формах повсюду выступает то, что характерно для нашего времени в смысле только что приведенного.

Мы спрашиваем себя: что лежит в основе этого дела? Мы спрашиваем себя так потому, что для нас важно знать, как мы можем это изменить. Однако в этом мы можем достаточно разобраться, если только взглянем на бедственное положение времени, на то, что лежит в основе такого образа мыслей. Надо чуть-чуть оглянуться назад на эволюцию человечества, если хотят понять то, что необходимо понять в современности, если ей предстоит двигаться вперед. Идя назад в развитии европейского

человечества и принадлежащей ему азиатской части человечества, - достаточно только вернуться к первой трети послеатлантической эпохи, - сегодня, даже на внешнем пути исследования, обнаружится, что человек тогда ясно различал три основных составных части человеческого существа. То древнее, смутное, грезящее понимание привело тогда к тому, что человек умел различать эти три основные составные части человеческого существа. Это опять-таки причина того, что я в моей «Теософии» («Духоведении») с особой ясностью подчеркивал, что в основу подразделения человека должны быть положены именно эти три основные составные части. Возвращаясь назад, мы повсюду находим, что люди прозревали то, что человек сводится к телу, душе и духу. Но подумайте о том, какая неясность имеет место сегодня даже у тех, кто ищет ясности в отношении рассмотрения человеческого существа в соответствии с телом, душой и духом! Сегодня вы можете взять в руки одну философию за другой, вы можете старательно исследовать Вундта, известного не только в Германии, но и во всём мире, и вы увидите, что этот господин не в состоянии различить душу и дух, несмотря на то, что сегодня различение души и духа является одной из основополагающих потребностей. Когда же внешне выявилось то, что люди перепутали душу и дух? Как сказано, вы можете это обнаружить повсюду: человек распадается на тело и душу, и к душе примешан без какого-то различия также и дух. Это нашло своё ясное выражение в 869 году на мнимо-вселенском Соборе в Константинополе, где тогда дух был ликвидирован, - извините меня за грубое выражение, - ибо учение, которое тогда было сформулировано, увенчивалось, в сущности, установлением догмы, что человек, якобы, имеет в себе одну мыслящую душу, и одну духовную. Дух, таким образом, был ликвидирован, но немножко духа, который тогда ещё смутно предчувствовался, было примешано к душе, когда говорили: душа имеет мыслительную силу и ещё нечто духовное. Затем пришло средневековье с его во многих отношениях достойным удивления схоластическим исследованием. Однако последнее постоянно находилось всюду под энергичным притеснением со стороны догматики, и так называемая трихотомия была строго осуждена, запрещена. Надо было повсюду выпускать дух. Исходя отсюда, университетские профессора, продвигающие, по их словам, беспредпосылочную науку, приписали себе манеру думать, - или вообще не думать, - о душе и духе. Однако они не знают о тех предпосылках, а именно, о решениях мнимо-вселенского Собора 869. Так обстоят дела, а вы должны слушать и энергично обращать внимание на это; делу не поможет, если закрывать глаза на эти вещи. Ибо если

антропософски ориентированная духовная наука должна стать для человека тем, чем она, в сущности, должна быть в соответствии с законами развития человечества, тогда эти вещи должны быть приняты к сведению в первую очередь, и человечество должно снова вернуться к пониманию подразделения человеческого существа на тело, душу и дух. Как с одной стороны тело есть то, что между рождением и смертью или между зачатием и смертью, является посредником сознания, так, с другой стороны дух должен быть познан как духовный посредник того высшего сознания, которое человек должен развивать между смертью и новым рождением. Однако это связано с глубокими внутренними значительными условиями жизни современного человечества.

Возьмем наиболее характерное для нашего времени. Мышление, о котором мы должны сказать, что оно стало абстрактным, в общественной жизни базируется на, - пусть даже тут или там люди отклоняются от этого, - на трёх абстрактных идеях. В наше время особенно видно, как эти три абстрактные идеи во всём мире ведут борьбу против Средней Европы. Однако, эта середина Европы поймёт свою духовную задачу только тогда, если она приспособится к тому, чтобы эти три абстрактные идеи сделать конкретными, пропитанными действительностью идеями. Эти три абстрактные идеи резко, стремительно вторглись в сознание людей в конце 18 века в словах: братство, свобода, равенство. Они почти напоминают нам о трёх действительно конкретных идеях, которые теперь понимаются поистине абстрактно, хотя в своё время, когда они воплотились в сознание человечества, их можно было считать соответствующими действительности. Они напоминают нам о вере, надежде и любви. Но мы остановимся на этих трёх идеях братства, свободы и равенства. Теневой стороной мышления является то, что эти три идеи мысленно пытаются осуществить по всему миру. Всё то, что как усилия предпринимает в этом направлении человеческая душа, основывается на том, что у людей нет склонности, иметь дело с действительностью. С этими тремя великими, тремя кардинальными идеями они делают ни что иное, как и с идеей нового ориентирования: что каждый человек должен находиться на подобающем ему месте. Они декламируют прекрасные идеи, делают эти идеи абстрактными понятиями, но не имеют склонности к тому, чтобы входить в действительность. А эта действительность связана с пониманием духовной науки.

Как перемешали друг с другом дух и душу, так перемешали друг с другом свободу, равенство и братство. Идея братства может быть правильным образом понята человечеством только тогда, если уяснят себе, что человек только одним членом своего существа полностью стоит здесь на физическом плане, тем членом,

который мы называем телесностью. С этой телесностью человек поставлен здесь на физическом плане; но эта телесность связывает человека со всем человеческим родом посредством крови и других связей. Вспомним о прошлом, о том, каким образом физический человек был поставлен здесь, в мире по отношению к физическим людям. Человек имел в себе не только то, что он наследовал от родителей, но он нёс в себе бессмертную часть, которая проходила через рождения и смерти. Но она выделялась из воплощения в телесность. В древности человек был, - как я изложил это вчера, - был способен, когда он питался, переваривал, дышал, воспринимать, обнаруживать в окружающем мире духовность: он был в состоянии это делать. Вследствие этого в нём в некотором смысле инстинктивно было нечто такое, что мы могли бы назвать суммой чувств, ощущений, представлений и понятий, которые устанавливали порядок в его поведении по отношению к его ближним. Это было в нём на инстинктивном уровне. Мы видим, что в новое время это инстинктивное утеряно; те страшные взрывы ненависти, с которыми мы встречаемся сейчас, могут быть поняты только тогда, если мы поймём, что древние инстинкты прекратились, они отняты. Инстинкты ненависти гораздо более серьёзны, нежели это видно сегодня. И если то, что должно быть достигнуто в смысле истории развития человечества, не сможет быть достигнуто, то инстинкты ненависти станут всё больше и больше. Ведь даже если сегодня, во время свободы от авторитета, во время беспредпосылочной науки, отдельные люди особенно стремятся к тому, чтобы их всё снова и снова водили на помочах, это не препятствует чувствам, вытекающим из подсознания. Такие люди сегодня ищут всевозможных вождей; чем менее естественно они к этому стремятся, тем сильнее они подвергаются опасности, что их, так называемая любовь, перекинется в ненависть. Это не то, что просто подвергается критике, ибо это глубоко обосновано законами развития человечества, и чем больше будет проповедоваться человеческая любовь как абстрактная идея, чем больше в чисто абстрактной форме будет проповедоваться братство, тем больше будет расцветать среди людей обоюдная антипатия. Это тоже истина, которую надо особенно серьёзно и глубоко принимать к сведению, если хотят понять современность. Должно было бы наступить проникновение к ощущению того, что мы называем воззрением о повторных земных жизнях. Одно только то, что придерживаются чистой теории о повторных земных жизнях, ничего не даёт!

Но давайте подытожим, соберем вместе все то, что мы пытались принести в целом, чтобы из законов развития человечества в ходе времени получить то, что проводится перед

нашими глазами уже не как абстрактная идея, но как конкретный факт, - то, что в каждом человеке живёт нечто, проходящее через рождения и смерти; тогда эта абстрактная идея преобразится в ощущение, не в инстинкт, как у тех, кто существовал раньше, но в сознательный, осознанный инстинкт, каким образом людям надо контактировать друг с другом. Сегодня ещё существует сильное стремление толковать в эгоистическом смысле то, что воспринимают как идею повторных земных жизней. Сколько раз нам приходилось переживать, как тот или иной стремится в первую очередь точно узнать свою какую-нибудь раннюю инкарнацию! Это не должно быть практическим следствием идеи о повторных воплощениях, идеи о повторных земных жизнях. Нет, настоящим следствием должно было бы быть, чтобы мы всё больше и больше учились рассматривать каждого человека так, как будто бы в нём содержится много больше того, чем он может изжить в одной земной жизни, в которой он именно теперь предстаёт перед нами. Тут, прежде всего, возникает то, что часто называют чувством дистанции, правомерным чувством для того, чтобы правильно вести себя по отношению к другому человеку: не обожествляя его, всегда искать в нём нечто очень глубокое, то, что причастно бессмертию. Это фальшивая мистика, если человек всегда засиживается в себе самом. Мистика, в которой нуждаемся мы такова, что ведёт нас к практическому, но эмоциональному человеческому познанию, так что мы не выступаем навстречу человеку, заранее считая его симпатичным или антипатичным, но выступаем, сознавая: каждая человеческая душа является, в сущности, бесконечной загадкой. Если эта идея воспринимается серьёзно, то из повторных земных жизней вытекает нечто, и, вытекая, изливает в нашу душу то, что в правильном смысле новое человечество должно будет переживать как братство, как братскую любовь. Такая братская любовь не станет, типичным образом всё снова и снова помогать человеку лишь следуя идее, которая нравится нам самим, эта братская любовь будет стремиться войти в человека, чтобы мы могли ему помочь так, как это для него подходит, чтобы мы помогли ему так, как этого требует его глубинное существо. Однако, такая идея удержит нас от скороспелой критики, которая часто, возникнув между нами и другими людьми, именно сегодня направляется лишь на нечто крайне ограниченное, и не позволяет непредвзято смотреть на то, что живёт в другом человеке. Лишь тогда, когда в нашей душе идея повторных земных жизней действует живо и практично, тогда и идея братства, в отношении того, чем являются друг для друга люди в своей телесности, сможет достичь правильной формы.

Второе, что должно занять место в смысле эволюции человечества, есть то, что мы признаём не только телесность человека, которую, единственно, хочет признавать сегодня материализм, но мы признаём также и душу человека, что мы каждому человеку сознательно приписываем душу. Но мы приписываем ему не душу, если мы насильственно рассматриваем эту душу лишь в соответствие с нашим образом мыслей, то есть, если мы считаем, что действительно отдаём должное этой душе, когда навязываем ей наши мысли, а именно форму наших мыслей. Мы должны признать за душой свободу, мы не можем признавать её за телом. Свобода только в общении одной души с другой несёт то, в чем тут дело. И основным нервом свободы является свобода мыслей. Если будет правильно понят этот второй член человечества, душевное начало наряду с телесным, тогда больше не будут смешивать друг с другом свободу и братство, но будут говорить: братство необходимо, поскольку люди должны основывать социальный порядок на основе братства. Социальная структура в смысле братства должна появиться, и до тех, пока люди не постигнут истинно практической идеи братства, они никогда не смогут найти государственную структуру, в которой люди могли бы разумно жить совместно друг с другом. Но если люди не признают, что в рамках государственного устройства человек живёт не только как телесность, но и как душа, они никогда не смогут соответствующим образом понять идею свободы. Ибо свобода заключается в отношении одной души к другой, в поведении одной души по отношению к другой, а не в отношении тела к телу. Свобода, в которой нуждается тело, приходит сама собой как необходимое следствие, если душа контактирует с другой душой в смысле мыслительной свободы. Но этим обусловлено в первую очередь то, что мы, в конце концов, научаемся больше не навязывать человеку собственных своих мыслей, но учимся в каждой душе уважать её собственное направление мыслей. Тут мы должны, однако, должны особенным образом усвоить для себя смысл действительности, ибо ни в какой области нельзя погрешить больше, чем в области науки и религии.

Я всегда могу указывать лишь на один пример, который повстречался мне в одном южно-немецком городе. Я читал лекцию о сущности христианства. Это был один южно-немецкий город, так что на моей лекции были даже два католических духовных лица. Они после лекции сказали: да, относительно того, что Вы говорили сегодня, по содержанию против Ваших утверждений мало что можно возразить, но, тем не менее, можно быть несогласным. – Я сказал: почему? – Главное состоит в том, сказали оба господина, Вы говорили обо всех этих вещах по отношению к христианству

так, как это может быть понятно только некоторым людям с известной степенью образованности, с определенными запросами и так далее. Однако мы ищем такую форму высказываний, которая была бы пригодна для всех людей; мы формируем наши мысли так, чтобы все могли согласиться. - Я отвечал: господин пастор, как я или вы думаете о том, что полезно всем людям, это дело ваше или моё, об этом мы, вы и я можем составить представление; и если мы составим такое представление, мы будем, само собой разумеется, полностью убеждены, что оно правильно. Мы были бы странными чудаками, если бы строили идеи, не веря в то, что они подходят для всех людей. Но дело не в том, что вы или я думали о нашем особом развитии так, чтобы это подходило для всех людей. В конце концов, это совершенно безразлично, мы должны преодолеть это посредством упорядоченного, активного, практического самопознания. Откуда происходит, что изучая действительность, спрашивают: так что же диктует эта действительность, чему учит нас время и его содержание как необходимому для людей, чему учат нас страстные желания людей? Тут, однако, возникает вопрос, несколько иной, нежели ставите вы, вопрос: разве все люди приходят к вам в церковь? Если уж вы говорили ко всем людям, то все должны были бы придти к вам. - Тут они не смогли не сказать: конечно, теперь не все люди ходят в церковь. - Так что, - сказал я, - видите ли, среди тех, кто сидит тут, имеются по большей части такие, которые не ходят в церковь, но ведь они тоже имеют право найти путь ко Христу; вот для них я и говорю.

Нельзя, в соответствие со своим упрямым мнением строить идеи о том, что надо людям, но только в соответствие с тем, что говорит действительность. Но ведь это неприятно, - изучать действительность. Тут необходимо всё снова и снова соответственным образом использовать наблюдательность, всё снова и снова иметь волю, чтобы спросить: каковы, всё же, потребности времени? Как представить себе то, что необходимо именно в наше время? - И пока этот смысл, этот практический смысл, в основе которого должна лежать мысль о свободе не проникнет в души людей, мы не придём к соответствующему поведению, к соответствующему отношению души к душе. Как социальная структура, к которой должно стремиться человечество, зависит от того, придёт ли человек в смысле духовной науки к пониманию телесности, сможет ли он понять идею братства, так следует учиться достижению понимания души, помогая осуществить идею мыслительной свободы как в области науки и образования, так и в области религиозного образа мыслей.

Третьим является дух. Если действительно удастся снова предоставить духу его права, отодвинув назад то, что на уровне

соборного решения признал мнимо-вселенский Собор в Константинополе в 869 г., тогда и к духу подойдет нечто такое, что в практическом смысле поведет жизнь людей навстречу будущему. Сегодня мы уже имели две тенденции: одна направлена туда же; она движется в том же самом направлении, как и собор в Константинополе, то есть к ликвидации духа. Мониристическое мировоззрение стремится к тому, чтобы упразднить ещё и душу, и кто считает, что естественнонаучный монизм настолько толерантен, - как употребляют сегодня это слово, - что он не ведет к тому, чтобы, созвать собор и запретить душу, тот думает ложно. Эта тенденция направлена на то, чтобы с духом также ликвидировать ещё и душу. И те, кто сегодня является монистами малого масштаба, хотят вырасти в совсем крупных монистов, и, поскольку они пренебрегают тем, чтобы проводить соборы, - ведь они свободные мыслители, поскольку они сделались свободны от всякого духа, ведь они пренебрегают соборами, причем это превратилось у них в известную гражданскую традицию. Придет и то, - не принимайте это за шутку! - что и душу ликвидируют. (daß die Seele abgeschafft wird) К различным лекарственным средствам, соматическим лекарственным средствам, которые имеются сегодня, будет добавлен ряд других средств, предназначенных для того, чтобы лечить тех, кто говорит о чём-то фантастическом, как о духе или душе. Таких будут подвергать лечению, им будут давать медикаменты, для того, чтобы они больше не говорили о духе и о душе. Дух им нужно было ликвидировать начисто; душу сумеют изгонять из людей, лечя тело посредством медикаментов. Сколь бы гротескно это не выглядело сегодня, эта тенденция движется в определенном направлении к тому, чтобы изобрести средства, с помощью которых детям будут вводить как прививку всякую гадость, всякие вещества, вследствие чего их телесная организация будет настолько надломлена, ослаблена, что материалистический образ мысли вполне будет уживаться в ней. Лечить старую идею о душе и духе надлежит как нечто такое, во что верили в древности, и что выглядит очень забавно.

Разговор о таких вещах очень многие люди расценят сегодня как безумие; но если сегодня у человека нет мужества, чтобы признать эти вещи, у него никогда не будет энергии внести в души духовнонаучную спиритуальность ради расцвета и развития. Поэтому к той тенденции, которую я только что характеризовал, - которая посредством лечения удаляет душу, ибо последняя расценивается как болезнь, - к этой тенденции надо присоединить другую тенденцию: тенденцию снова энергично задействовать то, что человек в дополнение к телу и душе несет в себе также и дух. Для этого, несомненно, было бы необходимым, чтобы познание о

духе завоевало себе место, чтобы духовная наука действительно прижилась, чтобы люди познали то, что принадлежит к их существу, если они проходят через врата смерти. Одна из древних народных поговорок, которые часто переносят добрые старые воззрения в новое время, есть следующая: в смерти все равны, - ибо все становятся духами, и поскольку идея равенства соответствует духу. Равенство в духе! Нельзя перепутывать эти три идеи - свободу, братство, равенство - но надо знать конкретно в соответствие с действительностью, чем является человек, что он должен быть свободным в соответствии с душой, быть в братстве в соответствие с телом, и быть равным (другим) людям в соответствие с духом. Ибо неравенство, существующее между людьми, является тем специфическим свойством, которые приносятся посредством тела и души, когда дух специализирует себя в теле и душе. Пневматология, учение о духе, духовные воззрения есть основа для идеи равенства. Таким образом, мы имеем перед собой удивительный факт, что в конце 18 столетия во всём мире хаотически выкрикивались идеи братства, свободы и равенства. Постепенно должны были понять, что идеи братства, свободы и равенства могут осуществиться только тогда, если человек будет в состоянии внести в действительность познание троичности существа человека в соответствие с телом, душой и духом.

Это легло в основу того, что в моей «Теософии» («Духоведении») была предпринята энергичная попытка провести это разделение на тело, душу и дух. Этого разделения требовало наше время и ближайшее будущее. Только благодаря тому, что эти идеи войдут в практику и человек научится смотреть на человечество именно так, единственно благодаря этому он сможет преодолеть двадцатисемилетний возраст; в ином случае он так и останется в этом двадцатисемилетнем возрасте. Представьте себе перспективу: за нашей пятой послеатлантической эпохой последуют шестая и седьмая. В шестой человечеству в целом будет присуще то, что в индивидуальном развитии соответствует периоду до двадцати одного года. Люди не смогут становиться старше двадцати одного года, хотя они не умрут. А в седьмом послеанлантическом периоде люди не будут переступать за возраст, который в индивидуальном развитии соответствует четырнадцатому году жизни. Если благодаря воодушевлению, воспламенению внутреннего мира человек не станет старше, то человечество будет охвачено эпидемическим юношеским слабоумием. Кто имеет уши, чтобы слышать, и глаза, чтобы видеть, кто не проживает жизнь

бессмысленно, может, будучи вооружен такими идеями, правильно оценить некоторые явления современности!

Возьмём только одну область: куда завела наша современность представление об импульсе Христа? Как много людей разделяют мысли Мориса Барре, чтобы великодушное мировоззрение Спасителя с помощью церкви приспособить к потребностям современного общества, что именно поэтому с церковью можно было бы обходиться так хорошо? Кто прилагает усилия, - вероятно, кто-то в отдельности, но, в общем, - кто действительно прилагает усилия, чтобы дать восстать, воскреснуть из Евангелий тому, что Христос противопоставлял другому, против чего Он выступал в первую очередь? Самые значительные, самые глубокие вещи в христианстве, как понимаются они сегодня? Я хочу вспомнить только о центральной идее христианства: приходе Царствия Небесного. Сама Блаватская подшучивала, что, мол, было предсказано о приходе Царствия Небесного, однако, в то время, когда оно должно было бы придти, пшеница не цветет как раньше, винограда не становится больше, короче, Царствие Небесное будто бы и не придёт на Землю.

Человек считает себя разумным; но из этой разумности не возникает ничего иного, как эти суждения, а эта разумность не допускает глубокого вопроса: а не может ли быть так, что Христос имел в виду нечто другое? Сегодня уже признают Христа, но так, что, прежде всего, хотят, чтобы их собственные идеи, именно те, которые они себе составили, жили также и у Христа. Социалист делает из Него бравого социалиста, либерал - либерала, член протестантского союза - руководителя протестантского союза, и так далее. Современная школа теологии конструирует Его так, как профессор Гарнак, и люди прислушиваются к тому, как профессор Гарнак говорит о важнейших понятиях Христа Иисуса. Однажды случилось так, что я читал лекцию в одном объединении, чей председатель был человеком, хорошо подкованным в Библии и современной теологии. В ходе этой лекции я сказал, что добрый Гарнак имел, в сущности, странную идею о Воскресении, так как в своей книге «Сущность христианства» стояла замечательная фраза: о том, что могло произойти в Гефсиманском саду, мы сегодня больше судить не можем, поскольку это выше человеческого познания и выше справедливых требований веры. Но из Гефсиманского сада исходит вера в Воскресение, и это особенно ценно для человечества. - Правда ли то, что Христос когда-либо воскресал, дело не в этом! Надо верить в то, что вера в Воскресение происходит из Гефсиманского сада. - Таково учение Гарнака. Тот, кто был председателем этого объединения, сказал: Вы ошибаетесь, ибо Гарнак был бы в этом случае прямым

католиком, - этот человек ощущал себя истинным протестантом, - это было бы тогда как у католиков, которые говорят: неважно, откуда происходит кусочек одеяния, которому как священной реликвии молятся в Трире, неважно, откуда взялись те, или иные мощи, дело не в этом, дело только в том, что распространилась вера, что эти вещи происходят от определенных святых. Но это католический принцип, - считал данный человек, - мы, само собой разумеется, не можем верить в нечто подобное. Это было бы совершенно подобно тому, как если бы Гарнак сказал: дело будто бы не в том, правда ли, что Христос действительно воскрес, но в том, что вера в это происходит из Гефсиманского сада. Итак, сказал он мне, Вы наверняка ошиблись. - Тут я сказал: Вы знаете, но ведь это стоит в книге «Сущность христианства». - Нет, отвечал он, этого там быть не может. Вы читали эту книгу? - О, частенько, сказал я, и завтра я сообщу Вам на карточке страницу и строку из книги «Сущность христианства», где это стоит.

Этот человек, который так хорошо знал теологию и был знатоком Библии, не умел читать так точно, чтобы знать о том, что стоит в книге. Но это там написано. Так обстоит дело с сегодняшним мышлением. С этим сегодняшним мышлением во всех областях дело обстоит странным образом, особенно если стараются сделать его популярным.

Но не только теология обнаруживает огрехи, но и естественные исследования. Есть такая книжечка: «Механика духовной жизни». Я не знаю, есть ли уже книга о деревянном железе. Имя автора *Ферворн*, - я очень ценю его, как многих, на кого я нападаю. В этой книжечке он занимается сновидениями, и подчеркивает, что при сновидениях имеет место подавленная, ослабленная жизнь головного мозга, что эта жизнь головного мозга активна лишь отчасти. Если кто-либо постучит булавоочной головкой по оконному стеклу, - говорит Ферворн, - нам может присниться, что поблизости раздаётся артиллерийская канонада. - Это известный сон. Это Ферворн говорит выше; затем он кое-что говорит в промежутке, и в конце на той же самой странице он говорит дальше: сон имеет собственный своеобразный характер, поскольку головной мозг в своей деятельности подавлен, приглушен. - Подумайте, насколько это разумно: если наш головной мозг задействован полностью, то мы слышим только тихие постукивания, тихие удары булавоочной головки; но если головной мозг подавлен, мы слышим артиллерийский гром. - Это объяснение взято, как и кое-что ещё, у Фрейда, и благосклонно принято, поскольку в промежутке стоит пара строк.

Но это вообще заложено в основу нашего времени: в наше время редкостью является воля добираться посредством мышления

до всего, что подступает. Поэтому нет ничего особенно непонятного в том, что не желают понимать нечто такое, как приход «Царствия Небесного», поскольку к этому относится ещё нечто другое. Вплоть до Мистерии Голгофы Царствие Небесное подступало к человеку как сон, как грёза. Перед атлантической катастрофой человек даже с пищеварением принимал его. Но теперь оно должно было отступить. Оно отступило, но так, что человек должен в своём духе прилагать усилия, чтобы охватить Царствие Небесное. Имеется в виду не то, чтоб виноград стал больше, что пшеница цветет полнее, но то, что это Царство посреди нас живёт, однако мы посредством подготовки нашего собственного духа должны найти его вокруг нас.

В основе того, что я кратко, эскизно изобразил, лежит грандиозное понимание Христа Иисуса. Несомненно, что это представление требует от нашей души энергии, если мы хотим вчувствоваться в него. И таковы многие христианские представления. С ними Христос выступил навстречу Римской Империи, той Римской Империи, которая была построена в полной противоположности к христианству. Эта Римская Империя перешла в цезаризм, и насильственным путём подчинила древние мистерии своему господству. Август был первым императором, которого ради его внешней власти должны были посвятить в мистерии. И его последователи, Тиберий, Калигула и другие были людьми, посвященными в мистерии. Только они применяли мистериальные воззрения к внешнему миру и не переносили Царство Духа в царство мира, подобно тому, как это делали жрецы египетских храмов. Комод даже выполнял роль инициатора, и когда он должен был ударить другого, иницируемого, он нанес ему «символически» такой удар, что убил его.

Так имели место две мощные противоположности: Римская Империя и христианство. Эта противоположность должна была придти в равновесие. Но равновесия до сих пор не найдено. Мы должны стать способными признавать дух, вводить этот дух в жизнь. Я хочу говорить об этом сегодня лишь постольку, поскольку в нашем мышлении, в нашем чувстве продолжает жить многое из того, что было привито людям как логика, как образ мыслей и чувств, - привито так, как они господствовали в Римской Империи. Наши гимназисты в первую очередь изучают латынь, а тем самым образ мыслей Римской Империи, который продолжает жить дальше. Не знают, сколько от этого составляет самый внутренний нерв нашей жизни. Сегодня ещё не знают, как в правильном смысле искать и находить духовную дорогу ко Христу. Однако, на этом пути надо иметь волю к мышлению, которое особенно отступило в наше время, можно сказать во время

интеллектуальности. Наше время, столь гордое интеллектуальностью, в сущности, нуждается в интеллекте, в интеллигенции, ему на почве мышления недостает духовной науки.

Популярна, читаема книжечка, которая занимается вопросом «Христианство в мировоззренческой борьбе современности». Она повторяет лекции, которые были прочитаны тысячам и тысячам людей одним из ведущих мыслителей современности, который, само собой разумеется, изучал философию, теологию. Тут будут развиты идеи, что можно полезть на стену! В конце натыкаешься о прекрасную фразу, которую, якобы, сказал ещё Гёте:

Во внутрь природы
Не проникает сотворенный дух,
Блажен, кому она
Лишь оболочку внешнюю являет!

Куда мы зашли, чтобы признавать нечто подобное! Этот человек так «хорошо» знает Гёте, что цитирует высказывание Галлера как высказывание Гёте, не смотря на то, что Гёте по данному поводу сказал:

Клянусь украдкой я такой ответ:
В природе ни ядра, ни оболочки нет,
Оно едина.
Сам себя проверь-ка точно:
Ядро ты, или оболочка?

Так сегодня людям в качестве воззрения Гёте навязывают то, о чём Гёте сказал «Клянусь это!» Но эти люди охотно прислушиваются к этому, таково всеобщее мышление в настоящее время. Нет пользы от того, что человек с вожделием смотрит на некоторые идеи, приходящие от духовной науки. Эти идеи должны сначала полностью войти в душевную жизнь, тогда будет создано другое течение, спиритуальное течение, которое современный образ мыслей не пропускает к человечеству; тем не менее, люди развиваются индивидуально, так, что они могут вносить во всеобщее развитие то, что может отделиться от того, что существует само по себе. Однако должно придти ещё многое, перед тем, как такие вещи будут поняты в их настоящем, конкретном смысле, будут поняты так, что люди по-настоящему достигнут мышления, несущего действительное.

Появилась прекрасная книга: «Государство как жизненная форма» Кьеллена, знаменитого шведского политолога, исследователя государства. Я привожу её по той причине, что он

является человеком, который с большой охотой идет навстречу нашим и моим делам, так что не следует полагать, будто бы это какие-либо происки с моей стороны. Но именно поэтому я смею сообщать о нём как о характерном явлении известного образа жизни.

В этой книге он пытается достичь такой идеи о государстве, которая может быть выведена из некоторых ошибочных положений. Он, конечно, возвращается к идее государства как организма. Он заходит дальше, чем **Вильсон**. Вильсон в своё время очень порицал то, что люди, ко времени Ньютона не размышляли самостоятельно о государстве; учение о тяготении так повлияло на них, что они судили о различных импульсах человеческого мышления в соответствие с абстрактным тяготением, силой тяжести. Они должны были мыслить о государстве как о некоем организме. При этом Вильсон не замечает, что те люди мыслили в соответствие с Ньютоном, а он мыслит в соответствие с Дарвиным. Кьеллен тоже думает, что государство будто бы является неким организмом; отдельные люди являются его клетками. Конечно, некое целое, в котором имеются проявления жизни, можно сравнивать с организмом, а его части - с клетками. Но если идея не способна погрузиться в действительность, сравнивать можно, в сущности, всё, даже ящерицу с перочинным ножиком. Сравнению доступно всё. Сравнение само собой приводит к тому, что правильно, лишь в том случае, если у человека есть чувство истины. Это сравнение Кьеллина вело бы к тому, чтобы, понимать одно государство как организм, а второе государство, как организм, граничащий с первым. Однако для того, кто умеет думать в соответствие с действительностью, было бы совершенно невозможным думать о людях как о клетках. Можно было бы принять сравнение, если бы все государства в целом сравнивали с одним организмом, а отдельные государства - с клетками; но тогда о цельном человеке в государстве речи бы не шло. Можно было бы сравнивать с организмом лишь социальную жизнь по всей Земле. Но если бы сюда хотели прибавить и человека, его рассматривали бы так: если мы представим себе организм, то его клетки должны были бы выпирать отовсюду подобно иглам. Получился бы своеобразный ёж. Только если бы это было таким организмом, где всюду выступает нечто живое, с этим организмом можно было бы сравнивать всю социальную жизнь на Земле.

Но это значит: общая жизнь людей вообще не входит в государственный порядок. Она должна была бы всюду выступать, выдаваться в духовное, выходя из того, что государство в состоянии охватить. Сегодня на практике об этом слишком забывают во всех

областях, так что можно создавать одно учреждение за другим, которые докажут, что об этом забывают; как забывают о том, чтобы наряду с внешними учреждениями, построенными по модели Римской Империи, на Земле надо строить Царство Духа, которое хотел принести Христос. Эту мысль с полной серьёзностью необходимо оценить по достоинству.

Знаете ли, там, где речь идет о конкретном, одного мышления оказывается недостаточно. Представьте себе, как в последнее время всё движется к тому, чтобы оттеснить автономию научного образования, придав ей такую форму, что всё, зависящее от научных учреждений будут утеснено и поставлено под управление государственного принципа. Уже сегодня медик, для того, чтобы вообще стать медиком, должен прежде выдержать государственный экзамен; тогда он может получить медицинский титул доктора как своего рода декорацию. Автономия духовных учреждений как таковая, полностью устраняется. Мы могли бы привести много примеров, где правит настоящий энтузиазм, чтобы двигаться в этом направлении. Эти люди не могут сделать так, чтобы все титулы стали государственными. «Инженер» связывался с понятием «ingenium», способность (лат.) Теперь не стремятся что-либо делать, но стремятся к диплому. Если там стоит, что человек является инженером, то он имеет право так себя называть; в ином случае «способность» ему не поможет. Эта направленность уводит от духовного постижения мира. Люди об этом не думают. Наоборот, их воодушевляет эта борьба против духа во всех областях. Чтобы сделать это заметным, можно было бы, - поскольку теперь люди клянутся словами, - изобрести новое слово и сказать: люди «отелесились» из-за отсутствия духа. Тогда, возможно, отдельные люди начнут немного обращать внимание на то, чем является направление, по которому ударились! То, что на это не реагируют, является доказательством бессмысленности жизни, доказательством ненависти, проявляемой против воли к мышлению.

Так вы видите, насколько необходимо действительно вводить духовную науку в самую повседневную жизнь. Она является серьёзной вещью, эта духовная наука. Вот почему надо было, наряду с тем значительным о чём шла речь вчера, упомянуть также то, что непосредственно актуально. Ибо тому, что хочет духовная наука, не должен быть нанесен вред вследствие того, что выступает, как филистерство, как клика, вследствие того, что посредством Антропософского Общества создается препятствие за препятствием для того, что хочет духовная наука. (Denn es darf nicht dasjenige, was Geisteswissenschaft will, dadurch beeinträchtigt werden, daß es verphilistert und vercliquiert wird, daß durch die

Anthroposophische Gesellschaft Hemmnisse über Hemmnisse geschaffen werden für das, was Geisteswissenschaft will.) У разумных людей, конечно, всегда найдется понимание того, что в Антропософское Общество вступили именно те люди, которые так или иначе находятся в раздоре с жизнью, причем настолько сильно, что они потеряли равновесие. Всегда возникает вопрос: надо ли идти этим людям навстречу, или надо быть жестким? - Порой эти люди меняются **так**, что они теряют равновесие в ещё большей степени, или они меняются так, что те вещи, которые надлежащим образом рассказываются сейчас, некие священные вещи, они переливают в сплетни, клевету и поношение. Если находят неправомерным то, что я сказал вчера: «в сущности, мало придают значения тому, что я говорю», - то тогда это, конечно, полное право отдельного человека. Также я сказал: вовне говорят о «слепом приверженстве». Для учения это не играет роли, так как его можно проверить. Лишь для некоторых вещей, касающихся учреждений, необходимо некоторое доверие. Однако именно в таких делах обычно происходит противоположное тому, что имел в виду я сам. Можно чувствовать неправильным то, что я вчера определил как необходимые меры. Однако эти меры будут оправданы, несмотря на то, что с другой стороны будет проявлена забота о том, чтобы эзотерическое развитие могли проделывать те, кто хочет проделывать его энергично. Только дайте мне немного времени. Сколь многие вещи вследствие головотяпства в Антропософском Обществе будут обнаружены, сколько оценок будет вынесено в мире вследствие непонимания и клеветы! Люди, которым хорошо известно, сколько времени занимает то или иное, убедятся в том, что книги, которые ещё не появились, появятся, если названные меры продлятся некоторое время. В своё время у меня добились права печатать циклы, которые я не смог просмотреть. Моей воли на это не было; это была воля других, кто хотел их читать. Конечно, не надо было настаивать на исполнении своей воли, надо было уступить; но вы можете прочесть упреки, которые были сделаны, причем говорилось, будто это было уловкой, и в циклах господствует такой стиль, который заслуживает лишь порицания. Всё было извращено вследствие злой воли. Однако, мои дорогие друзья, если духовная наука должна занимать правильную позицию по отношению к Антропософскому Обществу, то и Антропософское Общество должно чувствовать связь с жизнью духовной науки как таковой. Но сколь многие чувствуют связь лишь со своей собственной личной жизнью!

В Антропософском Обществе есть, и всегда было множество людей, которые в той или иной форме просто высказывались о том,

что они, в сущности, вступили в Антропософское Общество только ради того, чтобы иметь возможность обсудить со мной тот или иной вопрос эзотерики; что они не желают оказывать доверие тем людям, которым доверяю я сам. В этом отношении приходится переживать особенно плохое. Что пользы в том, что я оказываю доверие тому или иному другу в Обществе; этих вышеназванных людей не хотят, их стараются обходить. Все эти вещи имеют свою первопричину в том, что так много, так бесконечно много личного вносится в это Антропософское Общество. Знаете ли вы, какое слово я чаще всего слышал при так называемых эзотерических обсуждениях? Не думайте, что я чаще всего говорил и слышал о таких делах, как свобода, равенство, эволюция человечества и так далее. Чаще всего я слышал от каждого в отдельности слово «я». Люди приходили туда с самыми, что ни на есть, личными делами. Это, конечно, тоже с радостью учитывалось, но дальше так не пойдёт по названным вчера причинам. И это должно быть понято.

Я знаю, что наилучшим образом это будет понято теми, кто действительно самоотверженно и с пониманием сотрудничает в антропософском развитии, кто в состоянии увидеть в этом антропософском развитии задачу человечества, кто не ищет только освещения своих семейных обстоятельств или иных личных обстоятельств посредством принадлежности к Антропософскому Обществу, кто не ищет недозволенных законом обходных путей, поскольку они всегда потянут назад, если речь пойдёт об открытом преодолении материалистической медицины. Они, однако, ищут обходные пути, чтобы лечить, не взирая на эту материалистическую медицину! - Это больше невозможно ни на каком другом пути, как только противостоять всем делам, которые как вредные возникли из Общества и наносят вред антропософскому движению. Противостоять посредством мероприятий, о которых я говорил вчера, от которых в ближайшее время наверняка придётся не отступать. Лишь благодаря этому можно действительно преодолеть то, что так страшно угнездилось. Вследствие этого Антропософское Общество будет развиваться всё лучше и лучше. Также и эзотерическая жизнь, - о которой я буду заботиться, - сможет развиваться всё лучше и лучше. Те выдумки, - дело в них, - на которые я указывал вчера, возможно, могут лишиться почвы, если упомянутые вчера и состоящие из двух частей меры будут энергично проведены. Поймите это, ибо таким пониманием вы покажете понимание самобытности и задач антропософского движения. Вне достаточно людей, которые не чувствуют себя способными бороться за антропософию, как она имеется в виду здесь. Это им тоже слишком неприятно; ведь для этого нужно, чтобы человек знал антропософию. Однако

передавать клевету и поношения, распространять их, - это средство, чтобы бороться против антропософии, не понимая её. Ибо наши современники очень падки на клевету и поношения. Ничего не читают охотнее, как клевету и поношения. Поймём серьёзно задачи антропософии, поймём серьёзность положения, и тогда мы будем считать эти меры справедливыми. В этом смысле давайте закончим. Надеюсь, мы останемся вместе, соответствующим образом работая с нашими силами.

ДЕВЯТАЯ ЛЕКЦИЯ

Мюнхен, 14 Февраля 1918 г.

(при переводе использован неполный текст неизвестного переводчика)

Духовная наука сегодня. Сон и бодрствование по отношению к мышлению, чувству и воле. Переворачивание соотношений сознания в жизни после смерти. Импульсы исторической жизни переживаются на уровне грёз. Ложные представления у историков относительно прошлого и будущего. Общение с умершими. Искалеченное мышление. Внимательное и образное мышление в общении с умершими. Умершие в юности и в старости. Духовная наука действует на чувство и волю.

Перед тем, как я перейду к предмету нашего сегодняшнего рассмотрения, мне хочется по зову сердца, от меня лично и от имени нашего дела высказать чувство глубокого удовлетворения в связи с пространством этого помещения. В нём мы сегодня встретились друг с другом; здесь, в Мюнхене оно может служить той цели, той работе и тем стремлениям, которые обещают самые благие воздействия. Они уже начали действовать, и о них мы должны думать, что они смогут посылать значительные импульсы в духовную жизнь нашего времени.

Переходя к предмету наших рассмотрений, мне хотелось бы, особенно в это время, указать, что тем, кто имеет искренний интерес к устремлениям антропософской духовной науки, в это время тяжких испытаний для человечества, было бы естественно поразмышлять над соотношением двух фактов. Отношением между тем фактом, что духовнонаучное движение стало в начале двадцатого столетия посылать свои импульсы в эволюцию

человечества, и другим, фактом, что человечество в настоящее время во многих областях вовлечено в катастрофические события. Насколько эти события катастрофичны для человечества, в широчайших кругах ещё не выработано достаточно веских и впечатляющих понятий, Люди сегодня привыкли к желанию жить без духа. Однако, желать жить без духа — значит, в сущности, жить поверхностно, а поверхностная жизнь в свою очередь заставляет человека пропустить важные впечатления от событий, происходящих вокруг него. Можно сказать, что люди современности особенно настроены на то, чтобы многое пропустить. Они, по крайней мере, ищут надлежащего понимания тяжести и проникающей внезапности событий современности. Но большинство из них живет одним днем. Если пытаются говорить о грядущем, то люди — и во многих случаях именно те, от кого зависит ход событий — яростно отвергают эти попытки. Если среди многих своих задач духовной науке удастся сделать человеческую душу более энергичной, более бодрствующей, то она, в сущности, выполнит нечто важное для настоящего времени. Духовнонаучные понятия требуют большего напряжения мышления, большей интенсивности чувства и ощущения, нежели те, которые господствуют в современности.

Важно, особенно в это время, познакомиться именно с теми полученными на пути духовных исследований понятиями, которые могут направлять и вести нас к пониманию современности в самом широком смысле. Сегодня я хочу развить несколько основных понятий, на основе которых, мы в наш следующий вечер на ветви могли бы нечто построить, — понятий, которые способны осветить нечто важное в современности. Сегодня я хочу исходить из наиболее общих представлений, исходить из представлений, в большей степени касающихся личного в человеке. Однако, затем они с определенной точки зрения, должны будут предоставить основание для наших ближайших духовнонаучных рассмотрений.

В ходе наших духовнонаучных исследований мы должны снова и снова подчеркивать тот факт, что смена состояний нашего сознания пронизывает всю нашу жизнь между рождением — или, вернее, зачатием — и смертью: смена сна и бодрствования. В общем смысле, в крупных чертах человек знает разницу между сном и бодрствованием, но только духовнонаучное познание в состоянии показать человеческой душе более внутренним образом истинную разницу между сном и бодрствованием. В обычной жизни мы считаем, что мы спим только с момента засыпания до момента пробуждения и что мы бодрствуем с момента пробуждения до засыпания. Но так обстоит дело только в грубых чертах. В действительности эта граница, которую мы проводим

между сном и бодрствованием, проведена совершенно неправильно. Ибо то состояние смутного сознания, которое во многих отношениях сознанием не является и через которое мы проходим в состоянии сна, простирается также и на нашу дневную жизнь; частью нашего существа мы находимся в этом состоянии так же во время между пробуждением и засыпанием. Мы никоим образом не бываем полностью бодрствующими всем нашим существом между пробуждением и засыпанием; мы пробуждены только частью его, а другая часть продолжает спать, хотя мы и считаем себя бодрствующими. Мы всегда в некотором отношении спящие люди. Мы действительно пробуждены только в отношении наших восприятий и в отношении наших представлений. Воспринимая внешний мир посредством наших органов чувств, слыша, видя и т. д., мы в этом слушании, видении, короче — в этом восприятии, бодрствуем. Здесь мы полностью бодрствуем. Мы также бодрствуем, хотя и в меньшей степени, в представлениях. Когда мы образуем мысли, когда возникают в нас представления, когда воспоминание всплывает из темных подоснов нашей душевной жизни, мы бодрствуем в отношении переживаемых процессов, то есть в отношении процессов восприятия, воспринятого, представленного.

Вы знаете, однако, что кроме восприятий внешних чувств и мышления наша душевная жизнь содержит также чувства и волю. В отношении чувств мы не бодрствуем, даже если считаем себя бодрствующими; нет, когда дело касается чувств, когда мы чувствуем, то знаем обо всём происходящем в нас не больше, чем знаем мы, когда видим сновидения во сне. Степень и интенсивность сознания, которые мы имеем, чувствуя, равнозначны степени и интенсивности сознания, которые мы имеем при сновидениях. И как сновидения поднимаются как картины из бессознательных подоснов нашей души, так и чувства поднимаются в нас как эмоциональные силы. В чувстве мы бодрствуем не более, чем в сновидении; только сны, после того как мы спали, мы приносим в обычное бодрствующее сознание. Сны отличаются от бодрствования тем что мы вспоминаем их, в то время как в случае чувства все это происходит одновременно. Само чувство грезит в нас, но мы сопровождаем наше чувства нашими представлениями. Чувство не содержится в представлениях, но мы взираем от представления на чувство так же, как мы оглядываемся после пробуждения на наши сновидения. И так как в случае чувства мы делаем это одновременно, то мы и не замечаем того факта, что мы имеем только представление о чувстве в действительном сознании, в то

время как чувствование само остается в области сновидений как любое сновидение.

Саму волю вы можете познавать чисто внешне. Что знаете вы о происходящих процессах, когда вы решаете взять книгу, и затем ваша рука действительно берет книгу? Что вы знаете о том, что разыгрывается между вашим представлением, которое вы имеете исключительно в сознании: "Я хочу взять книгу", и всеми таинственными процессами, которые затем разыгрываются в организме? Мы знаем, что мы думаем относительно воли, но сама воля остается неизвестным для обычного сознания. В то время как относительно чувства мы грезим, то относительно истинного содержания нашего воления мы спим (без сновидений). Будучи воспринимающим, представляющим человеком, мы бодрствуем; но когда мы во время бодрствования чувствуем и волим, мы грезим и спим. Так в чувстве и в воле состояние сна вклинивается в наше бодрствующее сознание. Поэтому мы должны сказать: состояние, в котором мы, относительно нашего человека в целом находимся от засыпания до пробуждения, присуще нам в отношении нашего чувства и воли, когда мы бодрствуем.

Посредством восприятий и представлений мы учимся познавать вокруг нас тот мир, который мы обозначаем как физически-чувственный мир; посредством чувства и воли мы не учимся познавать тот мир, в котором мы существуем как чувствующие и волящие люди. Мы постоянно находимся в некоем сверхчувственном мире. Наши чувства и наша воля в своих силах порождаются этим сверхчувственным миром так же, как наше восприятие и представление порождаются физическим миром. Мы не имеем телесных органов для чувства и воли; мы имеем телесные органы для восприятия и представления. Многие физиологи верят, что органы для чувства и воли существуют, - некоторые физиологи, мыслящие физиологи так не считают, - эта вера происходит от того, что они не знают, о чем говорят, но всё же говорят о том, что они хотели бы знать, но не знают.

То, что я описал сейчас, является закономерным состоянием, в котором мы живем между рождением и смертью. Тут мы бодрствуем в отношении восприятия и представления, но спим в отношении нашего чувства и нашей воли.

Иначе обстоит дело между смертью и новым рождением. Тут в некотором смысле дело обстоит наоборот, тут мы начинаем бодрствовать в отношении наших чувств и воли. И в известном смысле мы тогда спим в отношении нашего восприятия и нашего представления, — хотя сон является иным состоянием в том мире, в котором мы тогда живём с нашими душами. Из того, что я только что сказал, вы узнаете, что так называемые умершие отличаются,

в сущности, от так называемых живых только тем, что так называемые живые спят в отношении того, в чем так называемые умершие в действительности пребывают. Так называемые живые спят относительно чувства и воли, которые постоянно струятся через их существо; умершие находятся внутри этих чувств и воли. Нам не трудно понять, что умершие пребывают в том же самом мире, в котором пребываем и мы, так называемые живые. Мы отделены от умерших никак иначе, как только тем, что мы не воспринимаем мира, в котором они находятся, в котором они живут и творят. Те, кто умер, всегда находятся вокруг нас, нас всегда окружают те существа, которые живут, не будучи физически воплощенными. Мы только не можем воспринять их. Мы должны только составить себе представление о спящем в комнате человеке: вокруг него находятся предметы, но он не воспринимает их. Тот факт, что что-то не воспринимается, не является доказательством того, что этого нет. На самом деле в отношении мира умерших мы находимся в том же самом положении, в котором мы находимся в отношении мира физических существ, когда мы спим. Мы живем в том же самом мире, где находятся умершими и где в более высоком царстве находятся духовные Иерархии: они находятся среди нас и мы отделены от них только благодаря типу нашего сознания.

Однако из этого следует, что человек воспринимает и только часть той реальности, познаёт только часть той действительности, внутри которой он, собственно, пребывает. Если бы человек постиг полноту реальности, его познание, само собой разумеется, выглядело бы совершенно иначе, нежели выглядит оно теперь. В границах этого знания оказались бы не только силы, приходящие из известных нам царств природы, но в границах этого знания оказались бы также силы высших духовных существ и силы из царства так называемых умерших. Сегодня такие факты кажутся широчайшим кругам человечества гротескными. Однако, для все более широких кругов человечества и особенно для заинтересованных в эволюции и прогрессе человеческой жизни это станет предметом, подлежащим познанию. Ибо вплоть до нашего времени, человек был ведом, более или менее темными, неведомыми силами в отношении всего, чего он не мог воспринять в своем окружении. Это водительство посредством темных, неведомых сил, - о чем мы ещё будем говорить в ближайший вечер на ветви, - в наше время более или менее прекратилось. Теперь человек в наше время должен сознательным образом связать себе с некоторыми силами, которые достигают нашего мира из царства, где пребывают так называемые умершие. Несомненно, представляет собой известные трудности, привести

такие вещи к осознанию их человечеством в необходимой степени, если истинная реальность должна выступить вместо той фантастики, которая преобладает в современности и катастрофически выявляется. В этом направлении я хочу в качестве введения привлечь ваше внимание к одному единственному пункту.

Среди многих так называемых «научных» направлений имеются также и исторические исследования. Историю, например, преподают и изучают в школах. Но что такое эта история? Осведомленные лица знают, что историческая наука насчитывает не более, чем сто лет. Те, кто знаком с литературой прошлых времен, знает, что то, что сегодня называется наукой истории, не намного старше. Я не хочу больше входить в этот вопрос. Однако то, что сейчас является историей, осмысливается и основывается теми же самыми людьми с теми же самыми представлениями, с теми же самыми понятиями, которые они могут применять в обычной внешней жизни, наблюдая природу. Но никто не спрашивает, допустимо ли наблюдать историческую жизнь тем же путем, каким наблюдают внешнюю природу? Это как раз недопустимо. Ибо историческая жизнь человечества управляется импульсами, которые нельзя постичь, пользуясь представлениями нашего бодрствующего сознания. Однако каждый, кто действительно изучал историю, знает, что мы в исторической жизни управляемы импульсами, которые для обыкновенного сознания доступны лишь на уровне состояния сна, в лучшем случае, на уровне сновидческого состояния. О том, что протекает как история, человечество грезит, мечтает. Так же как человечеству снится его жизнь чувств, так же сняты ему и импульсы истории. Если мы попытаемся наблюдать историческую жизнь человечества путем обычных понятий, которые очень хороши для естественных наук, то мы не сможем постигнуть ее. Мы наблюдаем ее тогда только на ее поверхности. Что преподают, и что изучают как историю в школах? В отношении истинной истории это не более, как если бы вы рассматривали труп и то, что вы могли бы описать относительно трупа, считали описанием человека. История, какова она сегодня, есть рассмотрение трупа. История должна претерпеть самое основательное превращение. И то, что правит в истории, в будущем будут понимать посредством инспираций, посредством инспирированных понятий. Тогда мы будем иметь истинную историю. Тогда мы будем знать, что управляет человечеством, что из исторической жизни воздействует на жизнь социальную.

То, что я тем самым высказываю, имеет очень глубокое значение. Люди полагают, что они понимают социально-

историческую жизнь. Они не понимают ее, так как пытаются постичь ее посредством обычных представлений повседневной бодрствующей жизни. Это, конечно, не становится очевидным, если пишут историю, ибо дело не в том, находят ли правильное решение. Я хочу дать вам простейший пример того, что от этого зависит не так уж много! Я хочу привести такой близкий пример: вы изучаете обычно в исторических книгах, что Америка была открыта в 1492 г. Это имело место. Но из того, как это описывается в исторических книгах, мы получаем представление, будто бы до 1492 г. Америка была полностью неизвестна, как бы далеко мы не заглядывали в историю. Но это не так. Еще в двенадцатом и тринадцатом столетиях существовало оживленное сообщение между Исландией, Ирландией и Америкой. В Европу из Америки благодаря живому сообщению ввозились лекарственные травы и другое. По некоторым причинам, связанным с внутренней кармой Европы и прежней ролью Ирландии, Рим приложил все возможные усилия, чтобы отсечь Европу от Америки, так чтобы Америка была забыта. Эти усилия со стороны Рима не были вредны для Европы того времени; имелись в виду благие намерения. Я хочу показать вам на этом примере только то, что факт не обязательно должен быть историческим фактом, что мы можем быть совершенно не сведущи исторически в отношении важных вещей.

С другой стороны, весьма значительно то, имеют ли люди историческое познание или остаются исторически невежественным в отношении социальной, общественной жизни человечества. Это значительно. Как часто слышим мы сегодня людей, говорящих: мы должны думать о том или ином событии именно так, потому что так учит нас история. Возьмите современную публицистику, особенно современные журналы и газеты, и вы увидите, как часто употребляется фраза: "История учит нас тому или иному". - Исторические события, которые соперничает человек, он частично просыпает, но, тем не менее, он образует суждение о них, или оно прививается ему подобно инъекции. Очень часто слышится фраза: "История учит нас тому или иному". В начале этой войны очень значительные люди говорили о том, чему учила история. Это было честное убеждение так называемых "умных людей", что согласно общим социальным и экономическим условиям на Земле на земле война не может длиться более чем от четырех до шести месяцев. Многие предсказывали это: самое большее — от четырех до шести месяцев! Это сбылось точно так же, как сбылось то, что было высказано человеком неизмеримо большим, нежели исторический пророк, но именно, - в качестве исторического пророчества. Это

было высказано, исходя из обычных представлений обычного человеческого сознания, которое не может уловить историю, так как история в лучшем случае снится, частью её просыпают; овладеть ею можно только с помощью масштабных понятий. Когда Фридрих Шиллер стал профессором философии в Йенском Университете, он произнес свою всемирно известную вступительную речь об изучении истории (*"Что значит и для какой цели изучать Всемирную историю?" май, 1789 г.*). Это было незадолго перед началом французской революции. Тут Шиллер назвал, - то есть поистине не какая-либо незначительная личность, - свое убеждение, извлеченное из истории, но полученное при помощи обычных концепций. Не буквально, но по смыслу: хотя история учит нас, что среди людей в древние времена случалось много распрей и войн; однако из всего того, что происходило, мы могли бы сделать вывод, что в будущем дисгармонии среди европейских народов хотя и будет иметь место, но они будут чувствовать себя как члены одной большой семьи и не станут больше рвать друг друга на части. — Так сказал Фридрих фон Шиллер! Вскоре после этого в 1789 г. разразилась французская революция. Все, что выпало на долю европейской семье народов в девятнадцатом столетии и что происходит теперь, много позже, безусловно, сводит на нет так называемые исторические суждения Шиллера самым основательным образом.

История научит нас чему-нибудь только тогда, когда мы окажемся в состоянии постичь ее при помощи инспирированных понятий. Ибо историческая жизнь человечества находится под влиянием не только так называемых живых, но и душ умерших, а также духов, среди которых так называемые умершие живут точно так же, как мы живём среди существ животного, растительного и минерального царств. Сегодня многое воспринимают как фразу. Но человечество должно отвыкнуть от привычки нести навстречу фразам то признание, которое имеет место теперь. Однако оно сможет сделать это, только если приобретет понятия, соответствующие действительности, истинные понятия. Очень важным, настоящим понятием является то, которое сообщает нам сознание о том, что мы не отделены от так называемых умерших ни чем иным, как только нашим сознанием, которое является спящим в отношении мира чувства и воли, то есть того мира, находясь в котором, умершие окружают нас. Это спящее сознание подобно тому сознанию, в котором мы пребываем между засыпанием и пробуждением в отношении физических предметов вокруг нас. Ясновидческое сознание подтверждает на каждом шагу то, что было охарактеризовано здесь общими словами.

Однако может всплыть вопрос: как происходит, что человек ничего не знает о мире, внутри которого он живет, через который он проходит с каждым шагом своей жизни? Видите ли, самый путь, самая форма в который ясновидческое сознание конкретно объясняет то, что мы можем назвать общением с так называемыми умершими, является живым доказательством факта, что для обычного сознания мир, в котором живут умершие, должен поначалу оставаться неизвестным. Мне стоит только привести несколько характерных черт этого общения, - конечно при известном развитии ясновидческого, видящего сознания, - с так называемыми умершими, и тогда вы усмотрите из этого, что человек в обычной жизни ничего не знает относительно общения с умершими. Вполне возможно, - хотя во многих отношениях это рискованное дело, - что человек в определенном направлении приведет свое сознание к пробуждению так, что мир умерших откроется, что он сможет воспринимать мир так называемых умерших, что человек, - если мне позволено так выразиться, - будет в состоянии общаться с отдельным умершим. Тогда человек, желая объясняться с умершими, должен усвоить совершенно иной тип сознания, нежели тот тип сознания, который он имеет здесь на физическом плане. Я хочу описать пару его черт.

Видите ли, если в физическом мире некто общается с другим человеком, то он имеет определенные привычки, навыки такого общения. Если я говорю с кем-нибудь здесь, на физическом плане, спрашиваю что-то, сообщая что-либо ему, тогда говорю я, и я сознаю тот факт, что речь проистекает из моей души и через мои органы речи передается ему. Я сознаю тот факт, что говорю я. Я сознаю этот факт также в отношении внешнего восприятия. И если это другое человеческое существо, здесь, на физическом плане, отвечает мне или сообщает мне что-нибудь, тогда я слышу его слова, эти слова звучат мне с его стороны.

Не так обстоит дело при полностью сознательном общении, - при полусознательном общении дело обстоит иначе, - с умершими. Тут все это будет перевернуто наоборот. Оно таково, - если относительно этой области позволить себе такое выражение, - что будет совершенно отлично от ожидаемого. Когда я сталкиваюсь с умершим, то он говорит в своей душе то, что я спрашиваю у него, или что я хочу сообщить ему. Это я получаю как сказанное от него. А то, что он собирается сказать мне, звучит из моей собственной души.

Мы должны привыкнуть к этому. Мы должны привыкнуть слышать то, что говорит другой, звучащим из нашей собственной души, и слышать то, что мы говорим, звучащим как бы из духовного внешнего мира. Это столь отлично от того, что человек

привык испытывать здесь, в физическом мире, что он не знает, как отнестись к такой вещи. Вы только представьте себе: если вы идёте по жизни, и при каких-либо обстоятельствах нечто говорит из вашей души, вы приписываете это себе. Человек в некоторых отношениях, как говорят, эгоцентричное существо, и если нечто возникает в его душе, он склонен приписывать это своему собственному дарованию, - уж как он там это захочет назвать, - или своему собственному гению. Только путем ясновидческого сознания мы научаемся узнавать, что возникающее в наших душах, поистине, говорится нам умершими. Царство умерших постоянно играет роль в нашей воле, играет роль в нашем чувстве, оно постоянно поднимается вверх. Возможно, мы приписываем нечто, поднимающееся в нас хорошей идее: в действительности это сообщение от умерших. Это нечто иное, для человека оно совершенно непривычно. Вот почему он вообще не обращает внимания на то, что, так сказать, может явиться ему из сумеречного духовного окружения, которое под обликом наших собственных мыслей окружает нас. Если человек может быть достаточно объективен в отношении к собственным мыслям, как если бы они роились, кружась вокруг него, тогда умерший понимал бы эти мысли. Человек, даже в обыкновенном сознании, связан с умершими, но он не сознает этого, так как не умеет объяснять факты, которые я только что описал.

Чтобы это увидеть, мы, несомненно, должны принять в сведению, что кроме сна, бодрствования и сновидений мы имеем еще два других состояния сознания. Мы имеем ещё два других важных состояния сознания, даже исключительно важных состояния сознания, но мы не обращаем на них внимания в обыденной жизни. Мы не обращаем на них внимания по определенной причине, которую вы сразу поймете, когда я назову эти два состояния сознания: мы имеем состояние засыпания и состояние пробуждения. Они длятся недолго; и проходят так быстро, что человек не обращает внимания на их содержание. Но чрезвычайно важная вещь происходит в момент засыпания и в момент пробуждения. Если мы научимся познанию истинной сущности этих двух моментов засыпания и пробуждения, мы в некотором отношении приобретем правильные понятия, касающиеся взаимосвязи человека с миром, в котором умершие сосуществуют с нами.

Я сказал: человек находится в постоянной связи с миром умерших, и эта связь особенно активна в момент засыпания и в момент пробуждения. Как показывает ясновидческое сознание, дело обстоит так, что в момент засыпания человеческое существо особенно способно задавать вопросы умершим, давать сведения

умершим и так далее, — вообще, обращаться к умершим. В момент пробуждения человек особенно способен получить сообщения, послания от умерших. Он получает их очень быстро, эти сообщения, затем он сразу же пробуждается. То, что так быстро проскальзывает мимо, сразу же тонет в суете бодрствующей жизни. Не так давно более примитивные люди в их атавистическом состоянии сознания сознавали эти факты и толковали их. Однако под влиянием нашей материалистической культуры подобные вещи гибнут даже в отдаленных, примитивных областях. Каждый, кто вырос среди старых людей в сельской местности, знает, что одним из основных их правил, при пробуждении утром, является оставаться на некоторое время спокойным и воздерживаться смотреть в освещенное окно, не смотреть на свет, поскольку эти люди не хотят, чтобы то, что действовало на них из сна, что подступило к душе при пробуждении, было заглушено натиском бодрствования. Этот примитивный человек хочет ещё немного остаться в покое в своей темной комнате и не смотреть в окно немедленно, как только он проснулся.

Сюда также относится и то, хотя это не совсем трудно заметить, что моменты пробуждения и засыпания имеют совершенно особый характер. Но для того, чтобы осознать подобные вещи, мы нуждаемся, если можно так выразиться, - в некоторой бдительности мышления, в качестве, которое ни в одно время не существовало в столь малой степени, как в наше время. Можно привести гротескные примеры того, как обстоит дело с бдительностью мышления. Банальные примеры, которые происходят в повседневной жизни, можно встретить, на улице. Я хочу привести один совсем банальный пример.

Несколько дней назад я заметил объявление, занимавшее примерно восьмую часть страницы в большой газете, объявление, по которому было видно, что оно очень широко распространено. Оно рекламировало хорошо распространенное учение о памяти, учение некоего Пельмана, или звучащего примерно так. (*Людвиг Пельман, родился в 1867 г. "Учение о памяти", 1894 г.*) Это широко рекламировалось. Анонс начинался примерно следующим образом: оно хочет показать, что, можно достичь влияния на других людей, только применяя методы г-на Пельмана, но не другие методы. Я не буду говорить о том, допустимо ли или нет, имеем ли мы право, или нет пытаться "достичь влияния" на других людей; в настоящий момент это нас не касается; я говорю, что формальным образом было сказано о деле в этом объявлении. Там сказано: некоторые люди претендуют на то, что они могут достичь влияния на других людей, культивируя личный магнетизм

или укрепляя, - о чём я знаю, - иные силы в человеческом существе. Не трудно доказать, что люди эти говорят неправду, так как ни один из них не может сказать, что он личным влиянием заставил г-на Ротшильда или другого богатого человека дать ему миллион долларов. Доказано, что этого не было, — а это непременно было бы использовано, если бы были шансы на успех, — то значит доказано также, что посредством этого метода никакого влияния на других людей достигнуто быть не может. Влияние может быть достигнуто только на пути науки и образования. — А затем описывается метод Пельмана. Мы знаем, что множество людей будут убеждены, что и все другие «ребята» не достигли возможности культивировать такие способности, которые влияют на людей, поскольку совершенно ясно: они не в состоянии повлиять на г-на Ротшильда так, чтобы он предоставил им свои миллионы? Но сколько найдется людей, - можете вы спросить себя, - из прочитавших объявление, у которых сразу возникает возражение: много ли у этого Пельмана учеников, которые преуспели в отвоевании милли⁰⁰_{1F}она у Ротшильда? - Вам надо только спросить себя, сколь многим приходит такая очевидная мысль?

Это тривиальный пример, но пример, который показывает, как мышление не бодрствует в отношении того, что мы читаем. Я выбрал этот пример, во-первых, потому, что он имеет повседневный характер, а во-вторых, потому, что всякий из здесь присутствующих не замедлил бы заметить, что даже Пельману не удалось получить миллионы. Само собой разумеется, те, кто попались на такое объявление, находятся вне нашего круга; из вежливости я не упомяну ни одного примера, который мог бы отно⁰⁰_{1F}ситься к кому-нибудь из присутствующих! Но я хочу сказать, что в бесчисленных случаях жизни с людьми с утра и до вечера происходит так, что человек читает подобные вещи. Они говорят: мы не обращаем на это внимания. Не обращаем внимания. Недавно я прочел речь, в которой была такая фраза: "Наши взаимоотношения с одной известной страной являются тем центром, который даст нам направление в нашей политике в будущем". Представьте себе конструкцию этой мысли: "вза⁰⁰_{1F}имоотношения" являются "центром", который станет "на⁰⁰_{1F}правлением"! Люди, которые так думают, способны на что угодно! Но мы не замечаем связи, которая существует меж⁰⁰_{1F}ду таким ущербным мышлением и общественной жизнью.

Необходимо в наши дни обращать внимание на отсут⁰⁰_{1F}ствие бодрствования в мышлении, которое является знаком нашей культуры, обращать внимание именно на это отсутствие бодрствования, бдительности в мышлении. Упорядоченные мысли

— вот первое требование, если мы хотим обращать внимание на откровения, возникающие в момент засыпания и пробуждения.

Однажды я слушал речь очень известного профессора истории литературы. (*Не идентифицирован*); это была его вступительная лекция, и он очень старался. Он сформулировал всевозможные литературно-исторические вопросы и в заключение сказал: видите, господа, я привел вас в лес вопросительных знаков. — Я вообразил себе: лес вопросительных знаков. Только подумайте: лес вопросительных знаков!

Только тот, кто привык осуществлять возникающие у него представления, то есть тот, кто развивает бодрствование в своем мышлении, подготовлен к тому, чтобы замечать такие вещи, как происходящие в моменты пробуждения и засыпания. Однако если что-то и не воспринимается, оно все же существует. Общение человека с умершим существует, и оно особенно активно в моменты засыпания и пробуждения. В сущности, каждый человек ставит бесчисленные вопросы и сообщает бесчисленные сведения своим любимым умершим в момент засыпания и получает послания и ответы от них в момент пробуждения. Однако это общение с умершими может быть, — я бы сказал, — определенным образом культивировано. Ранее мы описывали несколько путей, ведущих к этому; сегодня мы добавим следующее.

Существует разница, ведут ли нас какие-либо мысли, которые мы имеем в связи с умершим, к тому, чтобы в момент засыпания мы могли направить их к нему, или они к этому не ведут. Существует известная разница. Тот, кто не ведет просто чувственно-эгоцентрическую жизнь, будет из здоровых побуждений стремиться к тому, чтобы не прерывать те связи, которые карма принесла ему, связи с некоторыми личностями, которые недавно или давно прошли через врата смерти. Он, естественно, будет часто связывать свои мысли с этими личностями. И мысли, которые мы соединяем с нашим представлением об ушедших личностях, могут привести к действительной связи с умершими, даже если мы их не знаем, даже если мы не в состоянии наблюдать то, что происходит в момент засыпания. Однако некоторые мысли более благоприятны для такого общения, другие менее благоприятны. Абстрактные мысли — мысли, которые мы образуем с известным безразличием, возможно только из чувства долга — мало подходят к тому, чтобы перейти к умершему в момент засыпания. Но мысли, представления, которые возникают из переживаний особенной заинтересованности, которая связывала нас при жизни, очень подходят для передачи умершему. Если мы вспоминаем умершего таким образом, что не просто думаем о нем, используя

абстрактные мысли и холодные представления, но вызываем в нашей душе моменты, когда нам в душе было тепло, когда то, что он говорил нам, было не просто сообщением, но чем-то дорогим, любимым, если мы вспоминаем именно те моменты, которые мы с ним прожили в общности чувств и в общности волевых импульсов, если мы вспоминаем время, когда мы что-либо вместе решали и предпринимали, что мы оба ценили, и что приводило нас к общности действий — короче говоря, нечто, что заставляло наши сердца биться как одно; если мы живо вспоминаем это общее бие⁰⁰_{1F}ние сердец, — тогда все это окрашивает наши мысли об умершем так, что они в состоянии устремиться к нему в ближайший момент засыпания. Неважно, когда эти мысли приходят к нам — в девять утра, в полдень или в два часа пополудни. Мы можем иметь их в любое время дня — они останутся и устремятся к умершему в момент засыпания.

В момент пробуждения мы, в свою очередь, можем получить ответы, сообщения, послания от умерших. Не обязательно в самый момент пробуждения возникают они в нашей душе, так как возможно, что мы не в состоянии обратить на них внима⁰⁰_{1F}ние; но в течение дня нечто может возникнуть в нашей душе в форме какой-либо внезапной идеи — как мы считаем, если верим в подобные вещи. Но и здесь тоже что-то более благоприятно, другие — менее благоприятно. При некоторых условиях умершим легче найти доступ к нашей душе, чтобы высказать в нашей душе то или иное, так, чтобы оно само говорило в нашей душе; в других случаях условия менее благоприятны. Условия особенно благоприятны, если мы приобрели достоверное представление о существовании умершего, если мы были так глубоко заинтересованы в существовании умершего, что оно действительно стоит перед нашим духовным взором. Вы спросите себя: к чему он это все говорит? Ведь если кто-то был нам близок, мы, безусловно, имеем представление о его существ⁰⁰_{1F}ве! — Я совсем не верю этому, мои дорогие друзья, особенно в наше время. Люди в наше время проходят мимо друг друга и знают друг о друге очень, очень мало. Это не отчуждает нас от других существ здесь, в физическом мире, но это очень отчуждает нас от существ, которые обитают в мире умерших. Видите ли, здесь, в физическом мире, имеются многочисленные бессознательные и подсоз⁰⁰_{1F}нательные силы и импульсы, которые привлекают людей друг к другу, даже если они не хотят изучать друг друга. Случается в жизни, и вы, наверное, читали об этом, что люди могут быть женаты десятки лет и все-таки очень мало знать друг о друге. В этом случае импульсы, которые свели вместе этих людей, были другими, они не основывались на взаимном понима⁰⁰_{1F}нии. Жизнь повсюду проникнута бессознательными и

подсознательными импульсами. Но как было сказано, эти подсознательные импульсы связывают нас вместе здесь, на Земле, однако они не связывают нас с существами, которые прошли через смерть раньше нас. Необходимо, чтобы мы приняли в свою душу нечто, благодаря чему существо другого человека живо жило в нас. И чем живее оно живет в нас, тем легче этому существу найти доступ к нашей душе; тем легче для него общаться с нами.

Вот это я и хотел сказать вам о постоянно происходящем общении между так называемыми живыми и так называемыми умершими. Каждый из нас находится в постоянном общении с так называемыми умершими, и причиной, по которой мы не знаем об этом, является наша неспособность к достаточному наблюдению моментов засыпания и пробуждения. Я говорю вам все это с целью придать более конкретную форму вашим связям со сверхчувственным миром, в котором обитают умершие. Эта связь примет еще более определенную форму, если мы учтем некоторые другие взаимотношения.

Умирают молодые, умирают старые. Смерть молодых людей, которые умирают, отлична от смерти более старых людей в их отношении к оставшимся живущим. Подобные вещи могут обсуждаться только в случае, если возможно взглянуть на определенные конкретные условия, существующие в этой области. Я описываю это не как общее знание, но как итог того, что действительно происходило в отдельных конкретных случаях. Если посредством ясновидческого сознания исследуют, что происходит, когда дети, умирая, оставляют родителей, когда молодые люди уходят от близких и проходят через врата смерти; если затем учится познанию того, как живут эти души дальше, то знание, которое возникает таким образом, может быть подытожено в следующих словах. Сознание молодых людей, прошедших через врата смерти, можно охарактеризовать, сказав, что они не потеряны для живущих; они остаются жить здесь, они остаются по соседству, в существе тех, кого они оставили позади. Долгое время эти молодые люди не разлучаются с теми, кого они оставили позади; они остаются надолго внутри их сферы. — Иначе обстоит дело в том случае, когда умирают старые люди. Легче объяснить эти вещи в острой форме. О старых умерших можно сказать: души тех людей, которые умерли в поздние годы своей жизни, не теряют, со своей стороны, души тех, кто остался позади. Таким образом, те, кто остался на Земле, не теряют души людей, умерших юными, а старые люди, пройдя врата смерти, не теряют души живущих, несмотря на то, что последние существуют здесь, на Земле. Они как бы берут с собой то, что они хотят иметь от нас;

они с большей легкостью имеют от оставшихся здесь душ всё, что хотят, то, что более юные лишь хотели бы иметь, оставшись здесь. Они, эти юные души, тоже это делают, они в большей или меньшей степени остаются в сфере остальных оставшихся.

Надо изучить эти взаимоотношения вполне определенным образом, чтобы удостовериться в фактах, которые я только что описал. Изучение, конечно, должно проводиться посредством ясновидческого сознания. Посредством ясновидческого сознания можно изучать печаль и страдание разлуки. Печаль и боль разлуки являются двумя совершенно различными состояниями. Люди не знают этого. Но если наблюдать печаль, скорбь в душах людей над умершим ребенком, — это окажется состоянием, совершенно отличным от печали и скорби, которые наблюдаются, если умирает старый человек. И хотя люди не знают этого, выявляется существенное различие, если эти внутренние состояния оцениваются в душе.

Вот странный факт: если родители оплакивают ребенка, умершего в ранние годы, эта скорбь и в своем подлинном содержании, и в глубочайших импульсах является только рефлексом, отражением в душах родителей того, что переживает ребенок. Ребенок остается здесь, оставшись, он имеет всякие ощущения; они вживаются в души, проникает в души оставленных, вызывая этот импульс. Это боль сострадания, боль сопереживания, есть, в сущности, боль и скорбь самого ребенка — это то, что переживает человек; он безусловно приписывает её себе, эту боль, но это только скорбь сочувствия. Поймите меня правильно, мои дорогие друзья; мы должны разумным образом принять выражение, которое я собираюсь употребить, принять с пониманием и без двусмысленности. Мы можем сказать: если умирает молодое существо, то мы одержимы собственной болью души умершего, хотя мы "одержимы" в рамках нормы, что не является вредным, он живет в нас, и то, что выражается как боль, это его жизнь в нас.

Иначе обстоит дело, если мы печалимся по отношению к старому человеку, покинувшему нас. Здесь горе не является отражением того, что живет в другом, (в умершем), так как он действительно может получить то, что живет в нашей душе: ведь он сам не теряет нас. Мы не можем быть одержимы его болью, не можем быть некоторым образом одержимы какими-либо его чувствами, ибо он не желает внедряться со своими чувствами в нас, потому, что именно он увлекает нас за собой. Он не теряет нас. Поэтому эта боль, эта печаль являются эгоистической болью и печалью. Это не упрек, так как и боль, и печаль тут оправданы;

но мы должны самым существенным образом отличать друг от друга эти два вида печали, скорби.

Дело становится важным тогда, когда мы переходим в рассмотрении от описания боли или совместной жизни с ушедшим умершим, к самому умершему. Поскольку отношения к умершим в юности так отличны от отношений к тем, кто умер в поздние годы жизни, вы без труда поймете, что должна быть разница в обряде поминовения их. В отношении ребенка мы примем правильный обряд, правильное поминовение, мы будем нести его в памяти правильным образом, если мы примем во внимание, что ребенок остался с нами, что он любит быть осведомленным о том, что мы могли бы давать ему, если бы он жил. Опыт показывает, что дети после своей смерти стараются найти в поминовениях, которые мы предлагаем им, общие человеческие взаимоотношения они стремятся найти в заупокойной службе то, что представляет общий интерес и не касается частных интересов. Поэтому католическая заупокойная служба является наиболее подходящей для детей; это общий обряд, действительный для каждого одинаковым образом. Умершему ребенку нравилась бы заупокойная служба, носящая общечеловеческий характер, пригодная для всех, а не для него одного.

Протестантская заупокойная служба, в ходе которой произносится речь, отмечающая особые, индивидуальные жизненные взаимоотношения отошедшего, более подходит для поминовения старого человека. И если мы хотим почтить его память, лучше придерживаться деталей его жизни, которые были характерны для него, и вглядываться в его особую, индивидуальную жизнь в поиске мыслей, которыми мы отмечаем его память.

Из этого вы видите, что правильно понимаемая духовная наука не может оставаться просто теорией. Она показывает нам нечто из взаимоотношений, которые существуют в том мире, от которого мы отделены только благодаря тому факту, что о наших чувствах мы только грезим и спим в отношении наших волевых импульсов. Она говорит о мирах, в которых мы пребываем с чувствами и волей. Если мы овладеем духовнонаучным мышлением с достаточной интенсивностью, с должной энергией, оно не останется только мышлением, но будет воздействовать на чувства и волю. — Вы только представьте себе плодотворное действие этих духовнонаучных представлений на жизнь! Священнослужитель, который не придерживается только абстрактной теологии, получит помощь от этих идей в проведении заупокойной службы должным образом и с должным тактом.

И это не удивительно, так как мир, о котором говорит духовная наука, — это реальный мир, в котором живут наши чувства, наши волевые импульсы; ибо то, что способна дать духовная наука, проникает в свою очередь, в чувства и волю. Она воздействует на чувства и тогда, - хотя и иначе, - если мы развиваем наши чувства в отношении наших умерших. Но она должна также играть роль и в импульсах воли. В наше время это надо особенно иметь в виду. Ибо, если, мои дорогие друзья, мы проследим волевые импульсы людей нашего времени, мы не столкнемся к особо глубокими областями человеческой души. Отличительной чертой нашего времени является то, что человечеству необходимо искать духовных импульсов для своей воли. Трагизм настоящего времени состоит в том, что до сих пор не решаются искать их. Спасение от смуты нашего времени будет дано только тогда, когда человек захочет в духе искать импульсы для внешней жизни. Как я уже говорил сегодня вечером, люди в широчайших кругах все еще отказываются от этого. Но они должны будут выучиться этому, ибо наша эпоха для поколения, которое должно будет пройти её, становится в еще большем масштабе великим наставником, нежели была доселе.

К тому, что было изложено сегодня, мы хотим присоединить в следующее воскресенье в первой половине дня понятия, касающиеся индивидуального, личного элемента, чтобы поговорить о событиях нынешнего времени с истинно духовнонаучной точки зрения.

ДЕСЯТАЯ ЛЕКЦИЯ

Мюнхен, 17 февраля 1918 г.

(использован неполный перевод неизвестного переводчика)

Является ли наше время спиритуальным или материалистическим? Задача ариманических существ и Архангелов. Духовная борьба Михаила. Зеркальное отражение событий перед и после 1879: 1844-1879-1914. Март 1917. Внезапная смерть, смерть от болезни. Сороковые годы 19 века. Мистерия Голгофы. Цикл о Народных Душах. Александр Мошковский, «Сократ- идиот». Иисус как больной.

Моей задачей сегодня будет продолжить наши духовные наблюдения, основание которым мы положили здесь в последний раз, и перейти к таким духовным процессам, которые лежат непосредственно позади событий нашего времени, тяжело отзываясь в наших душах.

Вы можете представить себе то, что мы, - в смысле нашей духовной науки, - называем совместной жизнью с силами, которые от так называемых умерших втекают в царство, где мы обитаем во время нашего воплощения. В этой совместной жизни одновременно с иной жизненностью можно наблюдать и то, что духовно заложено в основе нашего столь трудного времени. Правда, люди нашего времени очень мало ищут духовные основы бытия. Такое отсутствие поиска очень тесно связано с тем, что эта тяжкая катастрофа разразилась над человечеством нашего времени. Я привлекал внимание к тому, что в то время, которое можно обозначить как последнюю треть девятнадцатого столетия, в противоположность более ранним периодам времени, произошли большие всеобъемлющие изменения в человеческой эволюции. Надо согласиться с тем, что слишком мало людей видит в настоящее время, сколь основательно отличается духовная жизнь с конца 70-х 19в от той, которая ей предшествовала. Мне хотелось бы сказать: люди ещё слишком мало дистанцировались, чтобы это увидеть в перспективе. - Это можно увидеть только тогда, когда человек сможет наблюдать эту духовную жизнь в её различии, в её дифференциации, когда стоишь не рядом с вещью, но на известном удалении. Такое отдаление, - если человечество не хочет увидеть еще больших несчастий, — должно быть достигнуто человечеством как можно скорее. Ибо наше время, будучи рассмотрено духовно, управляется странными и очень яркими противоречиями. Если я опишу вам эти противоречия, вы найдете их слишком гротескными: в человеческой эволюции, насколько она поддается историческому исследованию, никогда не было времени столь спиритуального, как то время, в котором мы живем, — время, начиная с конца 70-х годов. С исторической точки зрения мы живем в самое спиритуальное время. Однако, — и это неоспоримый факт, — мы живём так, что люди, считающие себя духовно развитыми, верят, будто бы наше время полностью материалистично! Видите ли, относительно жизни, наше время не материалистично; но относительно веры многих людей, относительно того, что вытекает из этой веры многих людей, наше время, безусловно, материалистично. Что мы имеем в виду в действительности, когда говорим: наше время спиритуально?

Прежде всего, мы имеем естественнонаучную концепцию мира; по отношению естественнонаучной концепции мира все более ранние естественнонаучные концепции мира материалистичны! Мы имеем естествен⁰⁰_{1F}нонаучную концепцию мира, которая поднимается до самых тонких, самых одухотворенных понятий. Это наилучшим образом заметно тому, кто видит бытие выше, за пределами непосредственного физического настоящего.

От большинства представлений, хорошо развиваемых сегодня в спиритуальном смысле, так называемые умер⁰⁰_{1F}шие имеют исключительно мало, - так называемые умер⁰⁰_{1F}шие. От естественнонаучных представлений современности, если они продумываются без предубеждений, они имеют исключи⁰⁰_{1F}тельно много. Очень интересно, что именно в царстве умерших, так называемый материалистический дарвинизм понимается и применя⁰⁰_{1F}ется совершенно духовным образом. В жизни вещи представляются совсем иными, чем они выступают в верованиях, часто ошибочных верованиях, являющих⁰⁰_{1F}ся следствием того, что люди переживают в теле. Что я действительно имею в виду, указывая на естественнонаучную спиритуальность? Видите ли, для того, чтобы быть способным обра⁰⁰_{1F}зовать эти понятия, подняться до таких мыслей, ко⁰⁰_{1F}торые развиваются сегодня в отношении эволюции и т. д., необходима духовность, какой не было в предыдущие века. Гораздо легче видеть призраки и принимать их за нечто духовное, чем формировать утонченно-филигранные понятия о том, что кажется только материальным. Это при⁰⁰_{1F}водит к тому, что люди развивают в своей душевной жизни самые одухотворенные понятия, и отрицают эти одухотворенные понятия. Они уплотняют, приземляют эти одухотворенные понятия, так, чтобы они могли говорить лишь о материальном. Материалистическая интерпретация нашего естествен⁰⁰_{1F}нонаучного мировоззрения является ничем иным как отри⁰⁰_{1F}цанием истинного характера этого естественнонаучного мировоззрения. Она появилась из накло⁰⁰_{1F}ности, которая, в сущности, является трусостью! Не могут придти к тому, чтобы жить со своей живой восприимчивостью, охватывая духовность - если можно так выразиться, - в её утонченности; а её необходимо охватывать, для образования чистых понятий относительно природы. Не смеют признать, что живут в духе, когда развивают эти утонченные, одухотворенные понятия, и оттого обманывают себя, говоря: эти понятия относятся⁰⁰_{1F} только к материальному, что неверно, что представляет собой лишь самообман. Так обстоит дело и в других сферах жи⁰⁰_{1F}зни. Можно указать на то, - я это делал позавчера, - (В публичной лекции "Откровения бессознательного

в душевной жизни с духовнонаучной точки зрения", Нюрнберг, 12 февраля 1918 г Ср. берлинскую лекцию от 21 марта с тем же названием в томе "Вечное в душе человека. Бессмертие и свобода" ПСС, т 67 -примеч. перев.), когда я указывал, что, например, многие художественные произведения современности появились благодаря этим спиритуальным, утонченным чувствам, которых не было в эпохи более раннего развития искусства. Нет сомнений, что сейчас в области художественного творчества выступило много такого, что напрасно было бы искать у Рафаэля или Микеланджело. Этот переворот в духовной жизни произошёл благодаря вполне определенному духовному событию, которое я хочу охарактеризовать сегодня с определенной точки зрения.

Когда середина девятнадцатого столетия еще не была достигнута, - так примерно в начале сороковых годов 19 столетия, - одно известное духовное существо, - имя тут не имеет отношения к делу, однако, чтобы иметь это имя, можно заимствовать у христианской теологии имя Архангела Михаила, - это духовное существо, Архангел Михаил намеревалось постепенно подняться из чина Архангела в чин Духа Времени. То есть достичь такого развития, которое позволяло ему вмешиваться в жизнь людей не только со сверхземной точки зрения, но и непосредственно с земной точки зрения. Он должен был подготавливаться, чтобы самому спуститься к Земле, чтобы жить, следуя примеру великого деяния Самого Христа Иисуса — чтобы взять за исходный пункт Землю и действовать дальше с земной точки зрения, жить, следуя этому великому процессу. Для этого было необходимо, чтобы с сороковых годов 19 столетия до конца семидесятых годов это духовное существо подготавливалось к своей задаче. Можно наблюдать, что годы между сороковыми годами и 1879 г. представляют собой знаменательную битву в той сверхземной сфере, которая граничит непосредственно с земной сферой. Это духовное существо, которое мы можем называть Архангелом Михаилом, должно было вести тяжелую, суровую битву с некоторыми противостоящими духами. Если мы хотим понять, что действительно случилось там, мы должны немного рассмотреть этих противоборствующих духов.

Духовные существа, которых должен был побороть Архангел Михаил, становясь Духом Времени, всегда вмешивались в жизнь и развитие человечества. В течение последнего тысячелетия, предшествовавшего середине девятнадцатого столетия, их задачей было, исходя из духовного мира, создавать различия между человеческими существами. Те духовные существа, которые являются прямыми последователями Архангела, должны были в некотором смысле вести человеческие существа обратно к

групповой душе, изливать единство на все чело⁰⁰_{1F}вечество. Оно бы не развивалось, если бы одни эти существа действовали на человечество. Человечество превратилось бы в нечто нераздельное, оно стало бы представлять собой вид, подобный животному виду, но на несколько более высоком уровне. Однако те духовные существа, против которых дол⁰⁰_{1F}жен бороться принцип Михаила, имели задачей распрос⁰⁰_{1F}ранить различие среди людей, разделить единое человечество на расы и народы, вызвать все те различия, которые связаны с кровью и с нервами, темпераментом. Это должно было про⁰⁰_{1F}изойти. Таких существ, ведущих к подобной дифференциации в человечестве, можно называть ариманическими существами; можно называть их так, но надо уяснить себе, что этот ариманический принцип был необ⁰⁰_{1F}ходим в ходе эволюции человечества.

Пришло время, оно было важным временем в эволюции чело⁰⁰_{1F}вечества, связи с тем, о чём я только что сообщал. Пришло время, начавшееся с сороковых годов девятнадцатого столетия, когда старые различия должны были исчезнуть, время, когда дифференцированный человеческий род должно был сплотиться в общечеловеческое единство.

Космополитические воззрения, которые, ко⁰⁰_{1F}нечно, иногда превращались в космополитические лозунги, в восемнадцатом и первой половине девятнадцатого стол⁰⁰_{1F}етия явились просто отражением того, что происходило в духовном мире. В человечестве существует тенденция сти⁰⁰_{1F}рять различия, порождаемые кровью и нервным темпера⁰⁰_{1F}ментом. Тенденцией духовных миров не является создание дальнейших различий среди человечества, но тенденцией духовных миров является влить в человечество космополи⁰⁰_{1F}тический элемент. Хотя под влиянием нашего катастрофи⁰⁰_{1F}ческого времени люди мало понимают это, это все же долж⁰⁰_{1F}но быть признано за истину. Этот факт, отраженный в земных событиях, - будучи наблюдаем в его духовных подосновах, - ведет к видению того, как против Духов Рас, тех Народных Духов, которые производят различия между людьми, с начала сороковых годов борется тот Дух, который должен стать Духом Времени в новое время. То, что всегда изображалось многозначительным символом, происходило здесь, хотя и на иной стадии. Симво⁰⁰_{1F}л этот указывает также и на другие стадии эволюции, так как события повторяются на различных стадиях эволюции всё снова, и то, о чем я говорю вам сейчас, это только повторение опре⁰⁰_{1F}деленной стадии духовного свершения, которое происходило прежде на других стадиях. Это то, что изображается символом Архангела Михаила, побеждающего дра⁰⁰_{1F}кона. Эта победа Архангела Михаила над драконом означает, что

противоборствующие силы были низвержены из царства, в котором правит Архангел Михаил, эта победа совершалась в определенной сфере, начиная с сороковых годов после⁰⁰_{1F}днего столетия. Некоторые духовные существа, задачей ко⁰⁰_{1F}торых в духовном мире было разделение человечества на расы и народы, были, - если мне позволено употребить такое выражение, - низвержены с неба на Землю. Эти духовные существа, которые до сороковых годов произво⁰⁰_{1F}дили эти различия между людьми, не имеют больше ника⁰⁰_{1F}кой силы в областях, граничащих с земным миром. Они были низвержены к людям, со всем, что они могли принести с собой, они были вытолкнуты к людям на Землю. Вот то, что духовная наука обозначает как победу Архангела Михаила над противоборствующими духами, которая произошла в конце 70-х годов, — низвер⁰⁰_{1F}жение на землю некоторых духов, сопротивляющихся ему.

Таким образом, начиная с конца семидесятых годов, мы имеем две вещи. Мы имеем с одной стороны для тех, о ком можно сказать, что это люди доброй воли — если мы понимаем это выражение в правильном смысле, — мы имеем с 1879 прав⁰⁰_{1F}ление Духа Времени Михаила на Земле, который дает нам возмож⁰⁰_{1F}ность достичь спиритуальных понятий спиритуальной духовной жизни. Мы имеем на Земле также противоборствующих духов, которые соблазняют нас от⁰⁰_{1F}рицать духовность современности. Если мы боремся против материализма нашего времени, мы постоянно долж⁰⁰_{1F}ны осознавать, что мы не должны бороться против того, что есть хорошего в нашей эпохе, но должны бороться против лжи нашей эпохи. Духи, сброшенные с неба на землю, это главным образом духи лживости, те духи, которые как духи препятствий временно противодействуют нам в поисках духовного в природном бытии. Если познакомиться с теми людьми, которые спустились из духовного мира в земное воплощение после 1841 г. и уже умерли, можно на самом деле увидеть, как эти вещи рассматриваются, так сказать, с той стороны мира. Тогда можно будет уточнить многое, что здесь, в физическом мире, очень трудно прозревать.

В начале XX столетия постепенно станови⁰⁰_{1F}лось ясно, как необходимо снова указать на различные сферы деятельности духа в жизни. Привлекали внимание к этому факту, главным образом, такие люди, ко⁰⁰_{1F}торые после 1848 г., после 1840 г. принимали участие в тяжелой битве, которую вел Архангел Михаил в духовном мире. Она завершилась в 1879 г. низверже⁰⁰_{1F}нием противоборствующих духов в жизнь на Земле, где они сейчас находятся вместе с людьми. В существенном, участником битвы Ар⁰⁰_{1F}хангела Михаила является тот, кто восстает про⁰⁰_{1F}тив этих духов и пытается изгнать их с поля их действия.

Существует определенный закон, мои дорогие друзья. Этот закон гласит, что от любого пункта эволюция может быть прослежена как назад, так и вперед. Если мы сконцентрируем наше внимание на любой точке исторического развития человечества, мы можем сказать: вот некий момент времени, в этот момент времени случилось то-то и то-то. Время течет дальше, и человек может наблюдать события; но время также можно наблюдать и в обратном направлении. Мы можем пойти назад от 1879 г. в 1878, 1877, в 1860-е, 1850-е годы и т. д. и можем тогда наблюдать, как проявляет себя то, что в духовном мире надо наблюдать ретроспективно. Тогда представляется следующее. Видят, как в глубинных структурах происходящих событий мы можем обнаружить повторение того, что им предшествовало. Если выражать нечто великое простым языком, оно может звучать слегка тривиально. Но я хочу говорить просто. Если мы рассматриваем момент времени, обозначенный 1879 г., мы можем продвинуться к 1880 г., или вернуться к 1878 г. Если мы продвинемся вперед до 1880 г., то заметим в глубочайшей духовной структуре этого года, как то, что происходило в 1878 г., некоторым образом содействует, содействует так, что позади событий 1880 г. стоят силы событий 1878 г. и они содействуют. А позади событий 1881 г. стоят, как активные силы, события 1877 г. Дело обстоит так, как если бы, чем дальше человек уходит назад, линия времени перевертывалась, так что события, которые более отдалены в прошлое от точки отсчета времени, определяют события, в большей степени ушедшие вперед от этой точки отсчета времени, от известного временного пункта. Многие могут стать понятным, если мы поймем эти вещи.

Теперь я прошу вас вспомнить, что я уже много лет назад говорил вам о 1879 г. (См., в частности, "Духовные подосновы внешнего мира. Низвержение духов тьмы". ПСС, т. 177 -примеч. перев.), а не только после 1914 г., что мало бы стоило. Это очень важно, мои дорогие друзья. Я прошу вас сделать вместе со мной простые вычисления. Считайте назад от 1879 г. Считайте назад к году, который я часто обозначал вам как другую границу. Я всегда сообщал, что битва, о которой я теперь говорю, началась в начале сороковых годов, около 1840—1841 гг. Считайте назад: 1879, 1869, 1859, 1849 и еще восемь или девять лет; будет 38 или 39 лет. Теперь считайте вперед: 1879, 1889, 1899, 1909, 1914 и прямо в наши дни и вы также получите ровно столько же, - тридцать восемь или тридцать девять лет. Если вы обратите внимание на 1917 г., вы получите удивительный результат. Вы поймете глубокое значение заявления оккультистов, что, отправляясь от

решающего исторического события, вы найдете предшествовавшее духовное событие повторенным в последующем.

Позади земных событий наших дней стоят духовные события, начавшиеся в сороковые годы и которые мы обозначили как битву Архангела Михаила с противодействующими духами. Эти события стоят позади событий сегодняшнего дня. Мы имеем сегодня повторение того, что происходило в начале сороковых годов. Вы можете себе представить, как совершенно иначе выглядят события нашего времени, если обращать внимание на этот закон. Развивается глубокое понимание событий, которые иначе проходят незамеченными, не проникают в душу. Приходит понимание, что битва Архангела Михаила с противоборствующими силами, до известной степени, вернулась к своей отправной точке.

Вообще, очень трудно говорить современным людям об этих глубочайших взаимосвязях, потому, что они энергично отбрасывают все, что могло бы помочь им понять настоящее время и правильным образом вмешиваться в него. Наше время делает необходимым, избавиться от старых предубеждений, оно делает необходимым понимать факты и вызывать их в сознании. Ибо здесь, на физическом плане, случаются вещи, природа которых значительно более духовна, чем происходящее иным образом. Это связано с нисхождением Архангела Михаила в нашу земную область. Многие люди говорят об этом нисхождении Архангела Михаила в земной регион. Но если их серьезно призывают признать этот факт в его истинной основе, эти люди не хотят идти вместе, они не хотят идти вместе! Однако именно это необходимо, чтобы духовное понимание самых важных импульсов нашего времени охватило как можно более широкие круги наших современников. Поэтому было очень важно годами в ходе наших встреч привлекать внимание к необходимости не проспать поток событий, на которые в наше время так сильно влияет дух. Проспать события — характерная черта нашего времени. Люди проходят мимо событий как спящие, и, можно наблюдать, что чем более решающий, чем более значительный характер носит событие, которое вступает на физический план, тем более люди просыпают его.

Март 1917 г. — если мне будет позволено указать на конкретный факт — представляет собой нечто могущественное по своему замыслу, он повлечет за собой столь значительные вещи, которые ещё не сняты сегодня человечеству. Поистине гротескно то, как мало людей понимает необходимость пересмотра, ревизии почти всех их суждений, полного пересмотра всего, во что верили до 1914 г.

По этому поводу я позволю указать себе на факт, что в 1910 г. я прочел ряд лекций в Христиании относительно европейских Народных Душах. («Миссия отдельных Народных Душ в связи с северогерманской мифологией», ПСС, т. 121). В первых же лекциях вы можете прочесть, что человечество скоро будут призвано к пониманию отношений европейских Народных Душ. Многократно подчеркивалось в наших лекциях следующее: надо направить взгляд непосредственно на Восток; важно то, что, исходя оттуда, совершается для человеческой эволюции. - Как часто это говорилось. Каждый из моих слушателей знает это. Также и весной 1914 г. в цикле лекций в Вене о жизни между смертью и новым рождением («Внутреннее существо человека и жизнь между смертью и но-рождением» ПСС, т. 153) я осмелился настоящим образом выдвинуть один тезис, тезис о том, что социальная жизнь нашего времени может быть сравнима с особой формой заблуждения, а именно с раковым заболеванием; я утверждал, что раковое заболевание, подкрадываясь, пронизывает социальную жизнь. - Естественно, в нашей современной ситуации, эти вещи не могут формулироваться иначе; но они должны быть поняты.

Исторические события разыгрываются не так, что ими правит некий прекрасный прогресс, - этой фабулы придерживаются историки: будто бы всегда более позднее событие развивается из предшествовавшего, это последнее - снова из предшествующего и так далее. Предубеждение, которое утверждает, что последующее самым спокойным образом развивается, или должно развиваться из предыдущего, мы оставим тем, кто в меньшей степени имеет чувства реальности, нежели должен развивать его тот, кто мыслит антропософски. Это предубеждение мы можем оставить, - если уж я должен указать на нечто конкретное, - политикам старой школы, можем оставить также и современности, насколько угодно это будет человечеству. В действительности, однако, речь идёт о совершенно ином. Речь идет о том, что ход событий является как бы парой чашек полностью действующих, движущихся весов, где коромысло опускается то в одну сторону, то в другую. Поэтому время с начала 40-х годов характеризуется следующим образом: чаша весов опустилась бы на другую сторону, если бы существовала возможность, если бы от 1840 г. до 1914 года, — 1879 г. делит этот период на две части, — была предпринята попытка, соответствующим образом подготовить то одухотворение человечества, которого требовал Архангел Михаил. Если бы была сделана попытка в большем масштабе вдохнуть в человечество духовные представления, духовные понятия, если бы нечто такое, - поскольку человечество нового времени должно быть свободным,

- было бы предпринято из свободной человеческой воли, чашка весов опустилась бы на другую сторону. То, что могло быть достигнуто на духовном пути, теперь разряжается через кровь. Оно разряжается, можно сказать, на сверхфизическом уровне. То, что мы испытываем в наше катастрофическое время, — это выравнивание чашек весов. Человечество, которое отбросило одухотворение, должно было принять его по принуждению. Это может случиться вследствие физической катастрофы.

Это представление может быть подтверждено, если мы будем опираться на следующее: мы живем здесь, в этом физическом мире, но, собственно, бодрствуем в этом физическом мире только благодаря нашим восприятиям и нашим представлениям, как я описал вам это недавно. В отношении наших чувств мы здесь находимся в грезящем состоянии, в отношении наших волевых импульсов мы спим. Это естественно для человека. Но когда посредством имагинации, инспирации и интуиции мы вживаемся в духовный мир, который всегда окружает нас, как воздух, и в котором существуют совместно с нами так называемые умершие, когда мы вживаемся в мир, в котором деятельны их импульсы, тогда мы постигаем, как жизнь здесь, в физическом мире, связана с жизнью так называемых умерших. Умершие в состоянии получать от человеческих сердец только спиритуальные представления.

Вспомните, что я сказал в прошлой лекции три дня тому назад: если человек умирает в юности, то он, в духовном смысле, не покидает совершенно своих ближних; он в действительности остается здесь. Но для умерших речь идет о чем-то совершенно ином, нежели о пребывании здесь, - я прошу вас принять это очень серьезно, - для умершего речь идет о том, чтобы вытерпеть, перенести это бытие, суметь понять его. Если умерший присутствует в материалистически настроенной семье, которая не культивирует духовных представлений, то в такой семье умерший, хотя и присутствует, но она постоянно подавляет и утесняет его. Семья является для него своего рода кошмаром, сравнимый с кошмаром, который мы испытываем, когда задыхаемся. Только духовные представления изгоняют этот кошмар и делают его жизнь совместную жизнь с теми, среди которых он остался, сносной, возможной.

Опять-таки, я говорил вам: если более старый человек отрывается от своих ближних, он, в некотором смысле, берет их души с собой. Он берет их с собой; но если они не пронизаны духовными представлениями, то они, подобным же образом, составляют кошмар для него.

Теперь рассмотрим следующее: мы можем научиться необыкновенно многому, если при известных предпосылках будем наблюдать внезапную смерть человеческого существа, причиненную внешними или аномальными внутренними условиями. Например, если человек убит или застрелен. В таком случае смерть вызывается путем, совершенно отличным от постепенного естественного умирания вследствие болезни. Представьте себе, что человек был застрелен в тридцатипятилетнем возрасте; его жизнь разрушена извне. Если бы пуля не поразила его, - безусловно, существуют кармические связи, но то, что я собираюсь сказать, тем не менее, справедливо, - если бы человек не был застрелен, организм этого человека позволил бы ему прожить еще тридцать пять лет. Не правда ли, его организация могла бы жить дальнейшие тридцать пять лет. А это дает совершенно определенный результат.

Если человек умирает насильственной смертью, когда его жизненные силы еще особенно активны, он переживает в момент смерти потрясающе много. Он переживает, сжатыми в одно мгновение, вещи, которые должны были развернуться в большой период времени. То, что он должен был пережить в течение тридцати пяти лет, следующих за первыми тридцатью годами, то, что должно было бы распределиться на много лет, сжимается теперь в одно единственное мгновение. Ибо, наиважнейшим переживанием в час смерти является то, что человек в этот час смерти приходит к тому, чтобы действительно увидеть свою телесность извне. Он видит, как эта телесность переживает переход от нахождения под управлением сил, которым она была подчинена раньше, когда душа пребывала в теле, к становлению её природным существом, отданным природным силам, внешним физическим силам. Необычайно значительно в момент смерти является то, что человек ретроспективно созерцает, как его организм передается физическим силам природы. Если человек претерпевает насильственную смерть, он внезапно не только передается тем природным силам, которые соответствуют норме, но он, как организм, простреленный пулей навывлет, становится подобен неорганическому, безжизненному телу, он теперь полностью перемещён в неорганический мир. Есть большая разница, зачех ли человек, или настигнут внезапной смертью вследствие того, что извне, из Универсума смерть вторглась в его организм, будь то в виде пули, или в иной форме. Тут происходит внезапная вспышка, воспламенение беспредельной духовности. Имеет место воспламенение духовной ауры, и тот, кто проходит через врата смерти, оборачиваясь, видит это воспламенение. Это воспламенение очень похоже на то, что происходит, когда люди

предаются духовным представлениям. Это взаимозаменяемые ценности. Чрезвычайно интересно видеть, как созерцаемая с той стороны, со стороны умерших, мысль, прочувствованная мысль созерцателя или творца художественного произведения, картины, рожденных духовной жизнью, сходна с тем ощущением человека, - который, конечно, не сознает этого, - страдающего от внешнего ранения, скажем, руки, когда рана причиняет боль. Здесь имеется большое родство между двумя событиями; одно может занять место другого.

Теперь вы будете понимать кармическую связь между двумя событиями. Конечно, довольно большое количество людей знало "положение звезд", об «аспекте звезд», когда приблизились сороковые годы девятнадцатого столетия. Когда оккультисты хотели обозначить такое событие как битва Архангела Михаила с драконом, они употребляли техническое выражение: "Это — аспект звезд". - В то время существовало довольно много людей, которые знали, что происходит значительное событие. (1840-41, 42 гг. имел место парад планет в нижней части Зодиака - примеч. перев.) Были такие, которые хотели принять меры предосторожности, но другая чаша весов была, я бы сказал, слишком тяжело нагружена: материалистические чувства были слишком сильны у людей. И прибегли к тому, что оказалось наилучшим средством. Люди видели, что духовная жизнь должна войти в человечество. Это было показано совершенно ясно. Ибо в сороковых годах были поняты многие, многие знамения времени, убеждающие в том, что спиритуальная жизнь должна войти в человечество. Если бы эта спиритуальная жизнь в начале сороковых годов вошла в человечество, это человечество было бы избавлено от многих катастроф. Ибо то, что должно было произойти, исполнилось бы, но в другой форме. То, что кармически необходимо — происходит; но оно может произойти в разнообразных формах. Всегда надо придерживаться этого.

Я хочу высказаться более ясно: если сегодня человек размышляет над тем, что должно произойти в социальной области, или в другой области, он может сделать это двояко. Он может представить программу, сформировать программные понятия, может придумать, каким должен быть мир в какой-то области. Это может быть представлено в прекрасно звучащих словах. Мы можем клясться этими словами, как догмами, но в результате из них не произойдет ничего, — совершенно ничего! Мы можем иметь самые великолепные идеи о том, что должно быть, но из них ничего не получится. Идеи, как бы они ни были прекрасны, не ведут ни к чему. Придуманные программы, — самая никчемная вещь в жизни. В противоположность этому мы можем сделать что-

то другое, - и многие люди делают это без какого-либо специально развитого ясновидения, - просто благодаря безыскусному, интуитивному знанию условий времени, спросить себя: что неминуемо произойдет в ближайшие двадцать или тридцать лет? Что заложено в нашем времени, что стремится стать реальностью? - И тогда, если человек разгадал, что произойдет в каждом случае, он может сказать себе: теперь есть выбор, - или взяться за ум и направлять развитие в том направлении, в котором оно будет происходить при всех обстоятельствах; тогда дело пойдет хорошо. Или он отказывается от этого, пускает дело на самотек, спит, не бодрствует; в этом случае то, что должно произойти, осуществится путем катастроф, революций, катаклизмов и так далее. - Никакая статистика, никакие программы, как бы они ни были хорошо придуманы, не имеют цены. Ценность имеет единственно наблюдение того, что заложено в лоне времени. Это должно быть принято, этим следует проникнуться, этим должны руководиться замыслы современности.

В 40-е годы (19в) многие люди, придерживающиеся программ, одержали победу над немногими, которые понимали то, что я только что изложил. Отсюда возникли различные попытки одухотворения человечества; спиритизм, например, был одной из попыток спиритуализировать человечество негодными средствами, и предложить взаимы, раскрыть духовный мир, реформированный материалистически. Даже в мыслях человек может быть вполне материалистичным. Человек является материалистичным, если, например, говорит: та или эта определенная группа человечества права, — почему же духовные силы не вмешиваются и не помогают им? Как часто слышим мы сегодня людей, говорящих: почему не вмешиваются духовные силы? - Я недавно дал ответ на это в более абстрактной форме: человечество должно сегодня быть свободным. Те, кто спрашивают: почему духовные силы не вмешиваются? — исходят из предположения, что вместо людей политику должны делать призраки. Безусловно, это был бы очень легко достижимый прогресс, если бы вместо людей духи проводили бы необходимые реформы. А они этого, конечно, не делают, так как люди должны быть свободны. Ожидание призраков — вот что сбивает людей с толку; оно отвлекает их внимание от того, что должно происходить. Таким образом, то время, когда человечество, в соответствие со своей жизнью, вырабатывало себе утонченные духовные понятия, явно живущие в некоторых людях, было, с другой стороны именно тем временем, когда человечество подвергалось сильнейшим материалистическим искушениям. Люди были просто не в

состоянии различить утонченны⁰⁰_{1F}е спиритуальные понятия и ощущениями, с одной стороны, и то, что, с другой стороны, подступало к ним как искушение; что противодействовало овладению тем, что было спиритуализировано внутри них самих, что действительно являлось несколько спиритуальным. Именно по⁰⁰_{1F}тому, что люди не поняли в должное время, как должно происходить развитие, наступила наша катастро⁰⁰_{1F}фическая эпоха, стали необходимы наши нынешние трудные времена. Без этой тяжкой современности человечество погрузи⁰⁰_{1F}лось бы еще глубже в неверие в самого себя. Оно бы еще больше пришло к тому, чтобы, - хотя и развивая спиритуальное, - отрицать это спиритуальное.

Таковы кулисы исторического становления. Я очень хотел бы, исходя из этого заднего плана, осветить многое, находя⁰⁰_{1F}щееся на переднем плане; но по понятным причинам это не может быть сделано особенно в наше время. Я должен предос⁰⁰_{1F}тавить каждому, лично осветить для себя то, что живет в нашем непосредственном настоящем, рассматриваемом со сто⁰⁰_{1F}роны заднего плана, который я только что описал.

Проспать события, ко⁰⁰_{1F}торые я характеризовал, значит проглядеть острые углы и контуры жизни. Но если мы проглядим острые углы и контуры жизни, возникают компромиссы. Бывают времена, подходящие для компромиссов. Время, предшествовавшее сороковым годам девятнадцатого столетия, подходило для компромиссов, но для нашего времени это не подходит. Наше время требует, что⁰⁰_{1F}бы мы видели вещи, как они есть: со всеми их углами и контурами. Однако это побуждает человеческую душу — именно, по причине наличия этих острых углов и контуров — сонно закрыть глаза на эти острые углы и контуры. То, что я только что сказал, замечается и в отношении величайшего, значительнейшего события в человеческой эволюции.

В отношении величайшего события мирового развития совершившаяся эволюция как раз выдвинула эти острые углы и контуры, даже в отношении величайшего события мирового развития — Мистерии Голгофы! Мы зна⁰⁰_{1F}ем все толкования, которые делались в ходе теологического развития девятнадцатого столетия в отношении Мистерии Голгофы. С момента, когда Лессинг (*Готтхольд Эфраим Лессинг 1729—1781*) — говорил о христиан⁰⁰_{1F}стве в своих теологических сочинениях и статье "Воспитание рода человеческого", начали говорить о Ми⁰⁰_{1F}стории Голгофы, вплоть до теолога Дрекса (*Артур Дрекс 1865—1935; отрицал историчность Иисуса Хри⁰⁰_{1F}ста. Его "Миф о Христе" в 2х томах появился 1909 — 1911 годах*). в отношении нее говорилось всё, что только возможно. И можно сказать: всё теологическое

развитие 19 века дает полнейшее доказательство того, что люди совершенно разучились понимать что-либо вообще относительно Мистерии Голгофы. Было, однако, несколько очень интересных публикаций, касающихся Христа Иисуса. Возьмите, например, датские. (Доктор Георг Ломер "Иисус Христос глазами психиатра", Бамберг, 1905 г. Датская публикация: Эмиль Расмуссен "Иисус. Сравнительный психопатологический этюд". Лейпциг. 1905 г..) Эта датская публикация написана полностью с точки зрения естественнонаучно мыслящих. Автор утверждает: я — психолог, физиолог и психиатр, и я исследую Евангелия с этой точки зрения. К каким же заключениям он приходит? Конкретно, в смысле современного психиатрического суждения, он приходит к следующему: образ Христа Иисуса, Который обрисован в Евангелиях, является образом больного. Мы можем представить себе Христа Иисуса только как лицо, страдающее безумием, эпилепсией, патологическими видениями и тому подобными состояниями; он обладает всеми симптомами серьезной психической болезни. — Когда прочтешь людям самые важные места этой книги, как я недавно это сделал (В лекции от 24 декабря 1917 г. в Дорнахе в "Мистериальных истинах и Рождественских импульсах" ПСС, т. 180)., то они ужасаются. И это понятно; люди ужасаются, когда то, что они почитают священным, описывается как патологический случай. Но как вы реальные факты, стоящие за этим? — Факты, мои дорогие друзья, следующие: Из большого числа нечестных соглашателей выдвигается один, кто основывается полностью на естественнонаучной точке зрения; он не идет ни на какие компромиссы, а утверждает: я — ученый, потому я должен говорить так, как я это делаю; потому что таковы факты.

Если люди честно встанут на точку зрения естественной науки, они должны будут держаться подобных взглядов. Здесь как раз налицо те острые углы и контуры, иначе и быть не может. Не может быть иначе, как: либо оставить естественнонаучную точку зрения и встать на духовнонаучную — тогда тоже оставаясь честным. Либо можно оставаться честным на естественнонаучных позициях, тогда надо действовать без компромиссов, как размышляет такой недалекий, но честный в своей области человек, который всего лишь полностью ограничен, но свою ограниченность не маскирует, ограничен, но последователен. Надо встать на эту точку зрения. Когда люди увидят, что делает сегодня необходимым многие нюансы, когда это ясно выступит, тогда впервые вы увидите жизнь без компромиссов.

Кто-то передал недавно мне в руки занятую записку с ссылкой на книгу, которая уже известна мне, но так как у меня

нет здесь с собой книги, я прочту вам только то, что написа⁰⁰_{1F}но в этой записке. То, что подобная записка попала мне в руки, свидетельствует о том, что сегодня все возможно.

"Каждый, кто сидел на гимназической скамье, помнит незабываемые часы, когда он, изучая Платона, должен был "наслаждаться" беседами Сократа с его друзьями. Незабываемыми по причине невероятной скуки, которая порожд⁰⁰_{1F}лась этими беседами. Он, может быть, вспомнит, что эти беседы показались ему исключительно глупыми; но, конечно, он не смел высказать такое мнение, так как ведь чело⁰⁰_{1F}век, о котором шла речь, был Сократ — величайший фило⁰⁰_{1F}соф. — Такой, совершенно неоправданной оценкой храброго афинянина производит опустошение книга «Сократ-идиот» Александра Мошковского (Александр Мошковский 1851 — 1934 — известен больше как писатель-юморист. С 1886 г., редактор "Веселых страниц". Книга "Со⁰⁰_{1F}крат — идиот" появилась в 1917 г. в Берлине.) В этой небольшой, заниматель⁰⁰_{1F}но написанной книге историк широкого профиля Мошковский берет на себя задачу полностью лишить Сократа его философской славы. Загла⁰⁰_{1F}вие "Сократ - идиот" должно быть понято буквально. Мы не ошибемся, предполагая, что эта книга вызовет научные споры."

Вы, может быть, подумаете, как это ужасно, что пишу⁰⁰_{1F}сь подобные вещи. Но я совсем не нахожу это ужасным. Я нахожу это самоочевидным и вполне честным со стороны Мошковского; ибо в соответствии с его идеями и чувствами он не мог сделать иначе, если хотел оставаться последова⁰⁰_{1F}тельным, как назвать Сократа идиотом; это само собой разумеющееся. Делая это, он более честен, чем многие другие, которые, придерживаясь своих взглядов, должны были бы так же назвать Сократа идио⁰⁰_{1F}том, но не делают этого из соображений компромисса. Я думаю, что мне не нужно говорить, мои дорогие друзья, что вам не следует, выйдя, из проницаемых стен Мюнхенской ветви сейчас же распространять новость, что я солидарен с Мошковским, когда он объявляет Сократа иди⁰⁰_{1F}отом. Я надеюсь, вы понимаете, что я действительно имел в виду.

Но точно также я должен признать то, что люди в наше время приходят к некоторым суждениям потому, что они прибега⁰⁰_{1F}ют к нечестным компромиссам. Невозможно думать о психических заболеваниях, как думают современные психиатры и не напи⁰⁰_{1F}сать книгу, подобную книге датского автора, касающейся Христа Иисуса. Этого невозможно не сделать. Было бы нечестно, не отбросив этих понятий и не заменив их духовными понятиями, не принять точку зрения, что Христос Иисус был психически больной. Если ознакомиться со взглядами подобных людей, если знать

своеобразные взгляды Александра Мошковского относительно теории радиации и теории квантов, - таких людей надо просто знать, надо знать воззрения Мошковского относительно границ познания, об устройстве мира, - можно понять, почему он, если хочет остаться честным и последователь⁰⁰_{1F}ным, должен считать Сократа, а также и Платона идиотами.

К тем импульсам, которые особенно необходимы человечеству, относится, прежде всего, следующее: отбро⁰⁰_{1F}сить компромиссы, не заключать компромиссов, по крайней мере, в своих душах. Важно, чрезвычайно важно рассматривать это как требование нашего времени. Ибо к важнейшим импульсам Духа Времени Михаила относится: пролить свет ясности в души людей. Если хотят следовать за Архангелом Михаи⁰⁰_{1F}лом, необходимо вливать ясность в человеческие души, преодолевать сонливость. Эта сонливость возникает и в других сфе⁰⁰_{1F}рах, но больше всего сегодня необходимо видеть последствия какого-либо дела. В предшествовавшие эпохи это было иначе. В более ранние времена в течение столетий, когда перед Архангелом Михаилом европейское человечество управлялось Архангелом Гавриилом, компромиссы, которые человечество допускало в своем мыш⁰⁰_{1F}лении, смягчались влиянием духовного мира. Михаил — это тот Дух, который работает над свободой человека в самом высоком смысле. Тем самым Михаил поступает правильно. Вы не должны думать, что Михаил поступает неправильно, он поступает правильно. В бессознательных областях души каждого че⁰⁰_{1F}ловека сегодня резко очерчены все кон⁰⁰_{1F}туры и углы духовной жизни. Это уже имеет место. Тот, кто имеет хотя бы малейшие задатки, пусть они ещё малы, - задатки извлекать то, что существует в глу⁰⁰_{1F}бинах душевной жизни как скрытое видение, тому известно, что сегодня, в сущности, всё в душе живет, будучи построено на противоречии и разладе. Он знает, что в душах уживается друг с другом современная материалистическая психиатрия, которая не боится видеть эпилептика в Христе Иисусе, и тем не менее признавать Христа Иисуса. Он это знает. Если эти вещи, хоть немного осознаются, поднимаются в сознание, если каждый, кто имеет к тому хоть малые задатки, поднимает эти вещи в сознание, ему становится ясно, как обстоит дело. Было бы интересно, если бы хороший художник, с истинным пониманием нашего времени, написал бы "Христос глазами современного психиатра", изобразив это на уровне экспрессионизма. Результат был бы очень интересен, если бы художник имел истинное понимание того, что разыгрывается в настоящее время в основах душевной жизни..

Видите ли, в наше время мы должны копать глубже, если хотим овладеть тем, что происходит на поверхности бытия. Но надо

понимать, с другой стороны, что люди поддаются некоторой трусости и отсутствию мужества, когда они должны подступать к указанным вопросам. Вот другое, необходимое в современности: мужество, даже некоторая дерзость в образе восприятия, в образе мыслей — дерзость, которая не притупляет наши понятия, но делает их максимально острыми. Я сказал все эти вещи, для того, чтобы их наблюдали, насколько это духовно доступно каждому. Надо наблюдать сами эти вещи, если человек действительно хочет наблюдать духовную жизнь современности. Всё то, что должно было быть сказано сегодня надо обнаруживать во внешних событиях, извлекать из внешних событий; духовный исследователь более точно описывает их, поскольку видит их подоснову. Если же эта подоснова становится известной благодаря описаниям духовного исследователя, тогда человек в этих событиях найдёт еще большее подкрепление того, на что, например, было указано сегодня.

Иной человек спрашивает сегодня: что, в сущности, он должен делать. - Это так очевидно, что он должен делать. Можно сказать так: надо открыть свои глаза, то есть, конечно, духовные глаза. И если каждый откроет глаза, тогда появится и воля. Воля во многом зависит от места, которое занимает человек. Не всегда возможно именно на своём месте, в соответствии с кармой, совершать верные поступки, но каждый должен стараться раскрыть глаза на духовном уровне. Сегодня, однако, часто случается следующее: если кто-то пытается сообщить людям на словах то, что необходимо для нашей эпохи, они быстро закрывают свои глаза, затем быстро отвращают от этого и свой ум. Это есть качание чаши весов в другую сторону.

Когда я говорю так, это может легко показаться критикой нашего времени. Это не было моим намерением. Я имел в виду следующее: привлечь внимание к тому, что как импульсы спиритуального мира, должно вступить в человеческие души, в человеческие умы, если мы хотим выйти из того катастрофического времени, в котором мы живем. Как сказано, в конкретные детали, к сожалению, входить невозможно. Каждый должен сделать это для самого себя сам.

ОДИННАДЦАТАЯ ЛЕКЦИЯ

Мюнхен 2 мая 1918

Растущая враждебность к антропософии со стороны представителей религии. «Христос в них»: смешивание Христа с Ангелом. «Бог» и «дух» в словарях. Маутнер и Болль. Люди больше не могут становиться старыми. Экзамен на одарённость, тест на интеллектуальность. Голова и конечности. Действие Народных Душ посредством различных элементов.

Сегодня, в первый день наших обсуждений на ветви, давайте, - как это соответствует условиям времени, - займёмся рассмотрением, нацеленным на то, что как свет может благодаря нашим духовнонаучным устремлениям осветить некоторые вещи, выступающие навстречу человеку в наше время. Эти вещи выступают навстречу, ставя вопросы, требуя; в их отношении должны быть выполнены задачи, задачи, поставленные в высшем смысле Духом Времени. От их понимания каждым отдельным человеком может зависеть многое в судьбе человечества в ближайшем будущем. Возьмём за исходный пункт то, что может находиться к нам ближе всего. Вы заметите, что уже в течение долгого времени происходит в некотором смысле изменение настроения со стороны внешнего мира по отношению к нашей антропософски ориентированной духовной науке. За этим изменением настроения стоит то, что там или тут на эту духовную науку смотрят с возрастающей враждебностью. Только тот, кто не в состоянии правильным образом по достоинству оценить историю духовного движения, может удивляться такой смене настроения, такому изменению настроения; оно выступит с ещё большей интенсивностью. Пока такое движение как это удерживается в своих основных делах в пределах сектантских потребностей, пока оно держит себя так, что там или тут в разных городах сходится пара людей, как сектанты сходятся в переднем или заднем домике, чтобы то, или иное сектантски продвинуть, до тех пор на такое развивающееся движение смотрят с некоторым снисходительным благодушием, которое может тут, или там превратиться в нечто иное, но, в общем, считают, что нет необходимости серьёзно относиться к такому движению; оно, мол, снова исчезнет, а пространство в тех передних или задних домиках, где по-сектантски, больше на семейный лад продвигались такие дела, может быть использовано для чего-то другого. Такое настроение по отношению к нашему движению существовало во внешнем мире в течение многих лет, а враждебность возникала более или менее

локально, поднимаясь там или тут из общего настроения. Но это дело несколько изменилось вследствие того, что с нашей стороны прилагались всё большие усилия, чтобы преодолеть сектантский характер. Несмотря на то, что именно из самих рядов нашего Общества всё снова и снова возникало сопротивление против преодоления этого сектантства, против объединения с общей культурой современности. Стало необходимым предпринять энергичную попытку против всякого сопротивления и всякой враждебности путём объединения с культурными стремлениями современности. В дальнейшем надо будет не только собираться и уютно читать вслух лекции и тому подобное, - хотя, само собой разумеется, это может быть прекрасной семейной задачей. Будет необходимо разбираться с тем, что там и тут хотят люди, примыкать к тому, что хотят там или тут, для того, чтобы благодаря смене обстоятельств, и даже совместно с противостоящими движениями внешнего мира находить то, что должна обрести современность благодаря антропософски ориентированной духовной науке.

Очень значительной задачей для наших друзей будет: достичь развития подвижности духа, необходимой для того, чтобы найти этот выход из этой удобной, надёжной, тёплой фамиллярности, семейственности. Это необходимо, но эта необходимость ещё не везде почувствовали. Но это непосредственно ведет к тому, чтобы спросить себя: как в будущем те или иные импульсы нашего духовного движения будут согласовываться с тем, что устарело, или заново возникло, с тем, относительно чего верят, будто это нечто новое, - как с такими движениями будет согласовываться то, что будет исходить от нас? Как это будет формироваться?

Прежде всего, несмотря на всё кажущееся тут и там согласие с той или иной стороны, сопротивления будет особенно велико со стороны официальных представителей религиозных конфессиональных мировоззрений. Эти религиозные конфессиональные представители мировоззрений, из рядов которых будут являться образцовые знатоки нашего движения, будут в своей многочисленности всё снова и снова акцентировать то, что они могут вычитать из унаследованного достояния их мировоззрений. Они будут находить согласие у массы современных людей, которые хотя и не склонны верить в авторитет, но поддаются любому авторитету. В частности, будет трудно распространять содержание духовной науки вопреки этому настроению, и вопреки этому настроению, основанному на исключительном его удобстве, столь привычному для человеческих душ, обеспечить им отношения с духовным миром. Как много, в сущности, есть в современности людей, которые говорят: ах, вот

приходят тут некие духоиспытатели, и конструируют все этажи, вплоть до иерархий! Только через иерархии Ангелов, Архангелов и так далее человек может подступиться к высшей духовности, к высшей божественности. – Всё это такие люди находят слишком «интеллектуальным», чтобы сопутствовать ему: они указывают на простые, как они называют наивные отношения, посредством которых благодаря сильному внутреннему переживанию душа может придти к Богу или ко Христу и тому подобному. Сегодня это то, что можно всё снова и снова услышать от благожелателей: непосредственное переживание высшей божественности! Почему человек должен нуждаться в таком многочисленном иерархическом посредничестве, чтобы придти к духовным познаниям? Обрести общность с высшей божественностью он может благодаря простому детскому переживанию.

Однако тут мы должны спросить себя: что же происходит в душе тех, кто действительно, с известной честностью, если такая честность удобна, характеризуют свои стремления так: они говорят о Божественном, которое они переживают. Есть люди, которые испытывают некоторый подъём в своей душевной жизни, вследствие которого им всё то, что они называют духовным, Божественным, кажется иначе, нежели это казалось им прежде. Одни называют это евангелизацией, другие – иначе, дело не в этом. Это вера в то, что эти люди детским, наивным образом нашли доступ к высшей Божественности. Некоторые люди просто представляют себе, что они в своём внутреннем мире переживают Христа. Но, что же они переживают в действительности?

Я исхожу из того, что переживания, которые имеются здесь в виду, настоящие и честные, что люди действительно переживают нечто такое, что они испытывают как настоящий подъём, переворот в их душевной жизни. Я исхожу из вполне честных убеждений. Я исхожу из некоторой непредвзятости по отношению к традиционным конфессиональным направлениям веры. То, что переживают эти люди, является в лучшем случае ближайшей духовностью, которую способен пережить человек. Что это за ближайшая духовность? Такой ближайшей духовностью является то существо из иерархии Ангелов, которое выделено каждому человеку в качестве его водителя, которого человек может освятить, окрестить, как хочет: (называя) Христом, высшим Духом, как он хочет! – Дело не в том, как назовет Его человек, дело в том, что имеется в действительности, что приближается к душе, если человек имеет честное действительное переживание: это Ангел. Это Ангел, только этого Ангела человек считает высшим Богом. Человеку удобно приписывать этому нечто другое, и то ближайшее, что он переживает, рассматривать как своего Бога,

конструируя тем самым наиболее эгоистическую религию, которую только можно сконструировать! Дело не в том, чтобы все люди договорились, когда давали этим вещами одно и то же название, ибо, когда эти люди не хотят переживать ничего иного, как только указанное, каждый из них переживает лишь своего Ангела, каждый молится только своему Ангелу. И когда звучит ещё так много проповедей о едином Боге, о кажущемся монотеистическом Боге, в действительности говорят лишь о миллионах Ангелов, которым молятся люди и которым они дают одинаковые имена; так эти люди вводятся в заблуждение, будто бы эти миллионы существ являются лишь одним существом. Такова действительность, это значит, что предаются иллюзии, когда хотят соединиться с таким крайне эгоистическим Богом.

Имеются внешние признаки того, что я только что высказал. Попробуйте найти себе убежище в каких-либо научных вспомогательных средствах, которые могут понадобиться при таких обстоятельствах, и тогда вы сможете узнать нечто странное: обратитесь к наиболее научным результатам в этой области и попытайтесь узнать о том, какое происхождение имеет это весьма употребительное слово. Вы найдете одно слово, относительно которого все специалисты в области немецкого языка скажут: происхождение его установить нельзя. – Это слово – «Бог», “Gott” и его прилагательное «божественный», “goetlich”. Возьмите словарь немецкого языка: статья «дух», “Geist” в словаре мало удовлетворительна, но, всё же, более удовлетворительна, чем статья «Бог», “Gott”. Отсюда вы узнаете вообще только то, что никто не знает, откуда происходит слово «Бог», “Gott”. Существуют всевозможные гипотезы, но никто не знает, откуда оно происходит. При наличии такого научного результата отступит ли человек в страхе перед утверждением, что множество людей, которые говорят о Боге и божественном, совсем не знают, о чём они говорят? Само собой разумеется, что поскольку они используют слово неизвестного происхождения по отношению к чему-то такому, им очень хочется его использовать именно для этого. Дело обстоит гораздо серьёзнее, чем это хотели бы признавать. Но эти вещи не хотят принимать близко к сердцу. Человек совсем не знает, насколько сильно он живёт в какой-то фразе, и каким счастливым чувствует он себя, если может жить в этой фразе. Это первое. Но можно обнаружить и нечто другое.

Если исходить из реальности относительно того, что переживают эти люди, если они сегодня, даже выступая за конфессиональные пределы, говорят о своём Боге, которого они переживают в своём внутреннем мире, – они могут считать себя мистиками или теософами, – можно бесконечно часто слышать, что

эти люди говорят: дело только в том, чтобы пережить Бога в своём внутреннем мире, внутри себя, чтобы быть внутри себя единым со своим Богом. – Но с чем, всё же, становится человек единым? Если проследить, с чем же делается единым человек, не зная об этом, оказывается, что это, ни что иное, как его собственная душа, до того как она благодаря зачатию и рождению вступила в физическое бытие, как эта душа между последней смертью и этим рождением. Сегодня человек, даже если он честно хочет быть религиозным, молится или своему Ангелу, или своему собственному «я», каким оно было до рождения или до зачатия. Это он называет своим Богом и облакает словом неизвестного происхождения; но то, что он в действительности смутно чувствует поднимающимся из подсознания, это он сам. Для того, кто провидит действительность, оказываются курьёзными выступления тех, кто постоянно со всех церковных кафедр говорит о предопределении; поскольку последнее нельзя представить без повторных земных жизней. Ведь в действительности они говорят о повторных земных жизнях, а именно, о собственном «я», которое идет через эти повторные жизни, но в то же самое время отрицают факт существования этих повторных земных жизней. В действительности тут говорят ни о чём ином, как о том, что антропософия хочет сделать осознанным знанием для человека.

Эти люди находят, что надо дать этому делу имя неизвестного происхождения. Они, в сущности, говорят о том, что смутно выступает вверх из подсознания, что человек может испытать в мистическом переживании. Вот это они и называют совместным бытием человека с Богом. В действительности же это совместное бытия человека с самим собой, со своим «я» (Selbst), каким оно было перед рождением. Если человек называет это Богом и требует от людей, чтобы этому Богу молились, то он требует от людей молиться ему самому. Языческое, якобы божественное служение (Goetzendienst) самому себе – вот чем является сегодня то, что осуществляется как религиозный культ. Сегодня необходимо высказываться об этом, поскольку это знаменует собой всю серьёзность действительности. Но это в то же время неудобно, неприятно, ибо указывает на необычно глубоко заложенную жизненную ложь, которая пронизывает нашу жизнь.

К этой жизненной лжи, в сущности, привело то, о чём я уже упоминал здесь; в 869 г. (по Р.Х.) на восьмом экуменическом (мнимо-вселенском) Соборе в Константинополе был упразднен Дух. Я упоминал, что философски не предубежденные люди, которые исходят из так называемой беспредпосылочной науки, говорят сегодня о том, что человек состоит из тела и души. В действительности он состоит из тела, души и духа. Но в 869 г. было

запрещено говорить о духе. Ничто не отрицалось христианскими философами средневековья так сильно, как разговоры о так называемой трихотомии, разговоры о духе.

Но как скоро оставили трихотомию, из которой исходил, например, ещё Дионисий Ареопагит, копии трудов которого были изготовлены в 6 веке по Р.Х., причём все они говорят о высших иерархиях, как скоро распрощались с тем, против чего усердно ведут борьбу даже сегодня, - с древним гнозисом, который сегодня выступает перед нами, конечно, в другой форме, но который в своё время был исключительно высок, как скоро распрощались с ним и всё внимание обратили на удобства интеллекта, - тем самым было predeterminedо постепенно заговорить о том, что на душевном уровне ведет к страшной жизненной лжи. Не удивительно, что, поскольку духовная наука должна говорить правду о таких вещах, она возбуждает сегодня жестокую враждебность. Человек сегодня не входит в то, что, в сущности, хотят люди привести к выражению в своём внутреннем мире; нет, дело обстоит так, что сегодня люди по большей части полностью разучились слышать на душевном уровне.

Иногда на поверхность выступают гротескные примеры. Для этих людей дело больше не в том, что говорится в действительности, но в том, чтобы самому сказать что-либо, причем совершенно безразлично, подходит это или не подходит. Это не единичное явление, это типично, это происходит на каждом шагу. Я мог бы насчитать вам не сотни, а тысячи примеров. Это приходит и в область литературы, это проникает во всю картину мира в целом.

Однако с этими делами, с такими духовными правилами современности внутренне связано то, что импульсирует современность, что движет ею и что, в конце концов, привело к такой катастрофе. Указывать на это надо всё снова и снова. Сегодня всё ещё находятся люди, которые стремятся говорить о любви к ближнему, говорить о том, чтобы человек относился к другому с пониманием и любовью. Но в действительности ничего этого не существует; в действительности существует основное настроение, которое высказано у Фрица Маутнера по поводу Болля (Фриц Маутнер 1849-1923 философ-языковед; Франц Болль написал книгу «Вера в звезды и значение звезд» с критикой которой Маутнер выступил в «Берлинском ежедневнике» 28 марта 1918 г. В той же газете Болль заявил, что в критикуемых пунктах он придерживается того же мнения, что и Маутнер. См. Также том 181, ПСС л 19), где он страшно ругает того (Болля), кто с ним, в сущности, совершенно согласен.

В таких вещах выражается то типичное и характерное, что столь остро и ясно бросается в глаза в современности. Только если человек развивает волю для того, чтобы с пониманием войти в такие вещи, он находит опору, которая необходима для того, чтобы сегодня в том месте, на которое он поставлен своей кармой продвигаться вперед в смысле общечеловеческого развития.

Сегодня, прежде всего, надо познать следующее: человек действительно должен смотреть на то, что развивалось в человеческом существе от последней смерти до нынешнего рождения. Не надо и дальше обманывать себя, впадать в иллюзию вследствие самообожествления, вследствие моления самому себе, когда то, что человек находит в себе как свое настоящее «я», он называет Богом. Больше нельзя предаваться этому обману, но необходимо смотреть на то, что каждый в качестве наследия посредством своего рождения приносит из духовных миров в своё физическое бытие. Где это, в сущности, помещается? Да, мои дорогие друзья, мы приносим всё это с собой, мы приносим в наше физическое бытие огромное достояние мудрости и духа благодаря нашему рождению. Где же это достояние помещается? Мы все, рождаясь, так мудры, что даже не могли бы поверить, насколько мы мудры. Но где же находится эта мудрость? С одной стороны она, будучи неким волшебным образом заколдована, помещается в нашей телесности и её задатках, с которыми она была соединена; с другой стороны она помещается в нашей судьбе. От последней она хочет освободиться, спастись. В современном временном цикле человечества заложено то, что это унаследованное достояние высвобождается благодаря свободной деятельности человека, поднимается вверх как высшее «я»-познание того, что, будучи заколдовано, лежит в нас самих и нашей судьбе. К некоторому прозрению этого мы можем придти благодаря тому, что уясним следующее: сегодняшний человек живёт иначе, нежели человек истекших культурных эпох.

Я хочу напомнить вам кое-что, о чём я уже вспоминал тут. Я упоминал о том, что в первом культурном периоде послеатлантической эпохи человек жил иным образом, нежели сегодня. Он духовно-душевно сживался с тем, что изживалось в нём телесно. Так как сегодня мы, будучи детьми, сопереживаем как особенный перелом смену зубов, как на душевном уровне мы переживаем половое созревание, так человек первой послеатлантической культуры вплоть до пятидесятого года переживал своё телесное бытие. Затем наступило время, когда он переживал это лишь до сорока лет, затем до тридцати. Мы сегодня переживаем эти вещи лишь до двадцати лет. До двадцати лет переживает современный человек то, что происходит в нём

телесно, на уровне тела; затем он в известной степени эмансипируется от этого. Он больше не может переживать само по себе то, что живёт в нисходящем жизненном развитии; он может переживать это благодаря тому, что он позволяет духовности побуждать его на душевном уровне. Духовная наука должна дать импульс, чтобы высвободить то, что, будучи заколдовано, заложено в нашем теле или в нашей судьбе. Наше сегодняшнее воспитание ещё долго не подойдёт к этому, не говоря уже о продвижении вперед. Надо увидеть, что в самой ранней юности в человека должен быть заложен импульс, для того, чтобы человек научился понимать, как надо становится старше. Сегодня люди не умеют становиться старше. Они, в лучшем случае, понимают, что волосы у них станут седыми, или, - что сегодня особенно часто происходит, - появится ранняя лысина, или тому подобные знаки. Но это не то, что могло бы быть в человеке: ожидание, исполненное надежды ожидание каждого нового года, с уверенностью: когда человек становится старше, он каждый год переживает нечто такое, чего он ещё не мог пережить раньше. Каждый год приносит нечто новое, каждый год приносит новое откровение, если человек умеет его использовать.

Людьми должно завладеть настроение, благодаря которому они говорят себе: сейчас мне двадцать лет, тридцатилетний и сорокалетний пережили нечто, что я ещё не могу пережить сегодня. Я должен ждать, тогда мне это откроется. - Вы только подумайте серьёзно и подробно, что, в сущности, означает, - направить воспитание так, чтобы человек смотрел на ход своей жизни с надеждой и ожиданием. Сегодня широко распространено противоположное настроение. В самой ранней юности люди уже хотят быть избранными в государственный парламент или в другой парламент, поскольку они верят, что человек в ранней юности уже закончен, он готов, он уже обладает всем. Как часто сегодня встречается, что юнец или юная девица при любых обстоятельствах заявляют: это моя точка зрения! - Сегодня каждый имеет «точку зрения» в самом, что ни на есть раннем возрасте жизни. Этим людям совершенно неизвестна надежда на то, что жизнь скрывает тайны, которые открываются лишь постепенно. Однако было бы очень значительно, если бы это вошло в наше воспитание. Тогда человек имел бы волю, постепенно высвободить то, что заколдовано в нашей телесности и в нашей судьбе.

Во всяком случае, будучи просвещенным относительно этих вещей, человек должен будет в ином свете видеть культуру в её постепенном развитии. Он должен будет спросить себя: как, собственно, найти верную опору для того, чтобы постепенно

высвободить то, что будучи заколдовано, заложено в нас? – Да, тут, возможно он будет должен предложить в качестве вопроса нечто другое: почему человек должен высвободить то, что он имеет в себе в заколдованном виде? Не было бы более удобным оставить всё это во плоти, в нервах и крови? Тут можно не беспокоиться, пока не умрешь и не вступишь в другой мир; там это бытие может продолжиться. Пусть человек предоставляет этим нервам, мускулам, этой судьбе то, что, будучи заколдовано, лежит в нём. Почему он должен высвободить всё это? Человек может и должен освободить это по той причине, поскольку дух на своем пути подчинен совершенно определенным законам. То, что было придано нам как наследственное достояние из духовных миров, хочет наружу, оно хочет освободиться из своего заключения. А это наступает, когда оно принимается в сознание. То, что заложено в теле и судьбе, хочет подняться, переместиться вверх, в наше сознание. Свой истинный оплот оно имеет в нашем сознании. Оно должно жить в нашем сознании, а не в заколдованном виде в нашей нервной системе и системе кровообращения, в наших мускулах или в наших костях. Ибо оставаясь в нервах, мускулах и костях, или в неопределенной, только пассивной судьбе эта духовность перерождается в нечто другое: в самые худшие силы. Она определена к тому, чтобы посредством сознания быть перенесенной в жизнь. Если же эта духовность остается соединенной с человеком вне сознания, помимо сознания, то она преображается или в люциферические или в ариманические силы, она постепенно переходит к Ариману или Люциферу.

Однако в течение долгого времени в нашем западном культурном развитии приходилось считаться с люциферическими силами, а сейчас, вследствие совершенно особенного авторитетного духовного потока приходится считаться с ариманическими силами, приходится жить с ними дальше. Человек должен быть поставлен в жизнь, он должен найти своё место в жизни: к этому его надо воспитывать. Он развивал известные импульсы, известные чувства, известные ощущения. В чём он особенно нуждался для этих импульсов, для этих чувств? Огляните мир вокруг; сейчас он у упадке, на ущербе, скоро он будет значить совсем мало, но на протяжении столетий он значил много, очень много: ордена, знаки отличия, титулы, достоинство. Но что стоит за всем этим? Чувства, ощущения, направленные на то, чтобы развивать порывы, вожделения, развивать в человечестве люциферическое начало. Задумайтесь, сколько люциферического элемента устремлялось в природу человека, выращивалось в ней, чтобы на окольном пути посредством этого люциферического поставить человека на то место, на которое его хотели поставить.

Это был люциферический период. Он истекает. Едва ли есть необходимость говорить о нём теперь, ибо то, что происходит в этой области, истекает, откатывается назад. Даже если люди ещё не верят, насколько это имеет место, они увидят это. Когда говорят об люциферических импульсах, говорят о том, что уже иссякло.

Однако ариманическое в угрожающей форме выступает вперед, поднимается. Вот пример этого: сейчас в немецких и иных «культурно-образовательных дебрях» идет хвастливая компания, - как её называют, - которая необычайно много сулит для культивации человечества будущего: это то, что называют тестом на талант, экзаменом на одаренность человека. В рамках ученого мира новейшего времени возникло совершенно особое растение: это известные психологи, известные «душеведы». Они развивают экспериментальную психологию, они экспериментируют над человеком, чтобы исследовать душевное начало. В последнее время эти люди занялись также и молодежью. Поскольку старая экзаменационная система и социальный порядок их больше не устраивает, они обращаются к молодежи и проверяют её на одаренность для того, чтобы, как говорят, - это уже говорилось относительно выдающихся должностей, мест, - подобающий человек должен быть поставлен на подобающее место. Тут, само собой разумеется, надо начинать с детей, чтобы проверить, как обретаются такие права. Сначала проверяются способности понимания, при этом ставятся всякие эксперименты: как быстро ребенок разгадывает тот или иной неопределенный вздор, в котором должен быть заложен смысл. Проверяют его интеллект, проверяют его память. Интеллект, например, проверяют посредством того, что ребенку или молодому человеку предлагают два по возможности несовместимых, не связанных друг с другом слова, скажем, например, «зеркало» и «разбойник». Затем некоторому числу молодых людей, у которых хотят проверить интеллект, предлагают связать по смыслу эти два слова, сказав, что они хотели бы вставить между этими словами «зеркало» и «разбойник». Один может добавить следующее: разбойник, если он видит себя в зеркале, тоже может осмотреть себя. - Такого будут рассматривать как самого неинтеллектуального. Другой выдумает следующее: у человека, которого разбойник мог бы ограбить или даже убить, есть зеркало; он издали увидит, как к нему подбирается разбойник и может спастись. Это уже более интеллектуальный мальчик или более интеллектуальная девочка. Сейчас предлагают журналы, в которых описаны такие методы проверки интеллекта, от которых волосы встают дыбом; эти методы будут развиваться и анализироваться как особые достижения современности. Таким образом, будут проверять интеллект,

проверять память. Тут используют статистику. Тому, кто больше всего расскажет о том, что, например, могло произойти между разбойником и зеркалом, поставят ту или иную оценку, как в журнале, и тот, кто наберет больше всего оценок, кто сможет обнаружить больше всего духовных связей, - тот и есть самый интеллектуальный, самый умный. Такого мужчину или женщину со всевозможной поддержкой направляют в особенную высшую школу и тому подобное. Наиболее характерно в таких вещах, которые сегодня действительно прославляются как особые достижения человечества, - и самые добродетельные педагоги со всей своей энергией заседают на этих экзаменах на одаренность, - наиболее характерно тут то, что таким образом вообще даже не подступают к душевному началу, но проверяют в человеке только то, что на ариманическом уровне покоится в его телесности. Так проверяют лишь то, насколько сильно смог Ариман развиваться посредством того или иного молодого человека. То, что таким образом вводится в человеческую культуру, является ариманическим импульсом. Но именно таким иллюзиям, таким обманам люди предаются сегодня.

Однако, значительным в нашем духовнонаучном развитии должно быть то, чтобы познавали его серьёзность. Конечно, в маленьких тайных кружках можно собираться и, как я говорил, с семейными удобствами читать лекции: это не задевает того, что приходит извне, это проходит безболезненно. Но вот когда духовная наука начинает постепенно распространяться, начинает проявляться также серьёзность, и эта серьёзность может состоять только том, что человек безоговорочно должен принимать в связи с тем, что развивается вокруг нас. Необходимо, чтобы человек понимал эти вещи, понимал так глубоко, как их следует понимать; необходимо, чтобы человек развивал подвижность духа, которая делает возможным расстаться с сектантством, придти к светскому пониманию того, что должно быть внутри нашего духовнонаучного течения. Ибо из этой духовной науки должны возникнуть различные импульсы, которые станут оздоровительными импульсами по отношению ко многому, что в наше время приняло упадочный, декадентский вид. Прежде всего, внутри тех, кто хочет вступить в это духовнонаучное течение, необходимы духовная свобода и духовная самостоятельность.

На основе веры в авторитет это дело не пойдёт, необходимо лишь усвоение свободного, самостоятельного суждения. Ибо ничего из того, что говорится в духовнонаучной области, нельзя генерализировать, обобщать; все расценивается индивидуально, всё расценивается конкретно для данного определенного случая. Есть некоторое удобство в том, что человеческий дух так часто

пытается привести вещи к всеобщему обобщению, однако этого не должно происходить, если приходят в духовную область. Сегодня необходимо, поистине необходимо открыть себе доступ к таким познаниям, которые не останавливаются на неопределенном, абстрактном, мистическом, но благодаря охвату духовного внедряются в действительность. Верят в то, что можно быть большим мистиком и идти через мир своим собственным путем, не касаясь мировых событий, верят, что переживают Бога в своём внутреннем мире. Однако всё это является слабой духовной жизнью, столь слабой, что она не проникает в то, что существует в мире вовне, существует как действительность. Такие мистики не нужны современности. Отдельный человек может быть таким мистиком, поскольку он может убаюкивать себя удобной верой в то, что он переживает в своей душе нечто возвышенное. Но современность требует сильной духовности, которая проникает в непосредственную действительность. Современность требует не просто речей о высших иерархиях, но требует такого проникновения в существа высших иерархий, чтобы человек, исходя из этого познания существ высших иерархий, мог достигать прозрения в то, что окружает нас на Земле. Ибо теперь наступает время, когда человеческий порядок больше не может быть установлен иначе, как только благодаря действительному прозрению в сущность того, что развивается здесь на Земле, даже если неудобно это познавать.

Прочтите цикл, который я задолго до войны прочел в Христианин, чтобы подготовиться к нынешнему времени, цикл об отдельных Народных Душах (том 121), о структурной связи отдельных народов. Там вы увидите, что человек может серьёзно воспринимать то, что известно высшим иерархиям, и что можно применить относительно конфигурации Земли. Такие познания необходимы в современности, так как такие познания могут послужить практической основой для того, что должно быть предпринято в будущем. Человек должен будет узнавать о том, что надо делать не из лозунгов пишущей и говорящей публики, которая сегодня говорит о народных свойствах, исходя из того, что они называют их наблюдениями, нет, человек должен действительно проникать в то, что живёт на Земле в импульсах духовности.

Конечно, сегодня думают, что тот, кто нечто пережил, должен говорить при всех обстоятельствах. Верите ли вы в то, что каждый, кто с 1789 по 1800 годы тупо жил в какой-либо деревушке в Провансе, может сказать что-либо умное о французской революции? Он пережил это событие; однако, лишь вследствие этого, он не сумеет сказать об этом ничего выдающегося! С таким

же успехом бесчисленное количество людей путешествовавших в Америку, в Италию могут, как это говорят теперь, судить о стране и о людях. Но то, что они скажут, не может быть особо ценным для суждения о том, что необходимо. Это зависит от того, имеет ли человек возможность проникнуть в подосновы бытия. Для этого сегодня необходимо, чтобы человек, с одной стороны не принимал произвольно материализм и не отрицал его произвольно, чтобы он не принимал или отрицал спиритуализм. Нет: исследователь действительности, духовный исследователь в нашем смысле должен стать совершенно единым с ней, должен отождествиться с ней, независимо от того, возьмет ли он за исходный пункт, что он материалист или спиритуалист. Нам нет необходимости при любых обстоятельствах презирать материалистов, ибо дело не в том, исходит ли человек из материи, или из духа, если человек просто идет до конца! Тот, кто идет до конца, активно рассматривая материю, тот находит дух в том, что происходит вокруг нас на материальном уровне, а тот, кто хочет опереться на дух и постоянно говорит: дух, дух, дух - тот прежде всего должен видеть, что он находит путь от абстрактного понимания духа к конкретному пониманию того, что происходит на материальном уровне. Ибо то, что происходит на материальном уровне, есть откровение духа, но только человек должен развить истинную веру в духовное. Тот, кто не ведет жизнь, исполненную ожидания того, что каждый новый год может излучать в нас новые тайны, когда мы станем старше, тот в действительности верит не в Бога и не в дух, когда он слишком много говорит о Боге и о духе. Он верит, что для вынесения суждения обо всем человеку достаточно двадцатипятилетней зрелости. Но тогда остальная жизнь оказывается для души бесполезной, ненужной; так как Божество уже не открывает ничего иного.

Человек должен с духом проникнуть до материального, понять его. Духовное должно уплотниться, чтобы смочь найти материальное. Если то, что происходит снаружи в мире как материальные явления, мы охватываем только тем, что находится в нас, то мы должны сказать: существует пропасть между внешним и тем, что происходит в нас. - Но духовная наука призывает приблизить к себе внешнее и себя приблизить к внешнему так, чтобы обо встретились. Мы способны на это в отношении отдельного человека, мы способны на это в отношении земной эволюции. Такие вещи должны быть поняты. Естественная наука, как я сообщал вчера, менее всего способна понять, что голова проделывает обратное, попятное развитие, а конечности - сверхразвитие. (Ueberentwicklung). Понять эти вещи особенно необходимо. Как понять эти вещи? Их понимают благодаря тому,

что отходят от обычных представлений, от абстракций и относительно наших собственных представлений формируют имагинативные воззрения. Человек не может видеть своих собственных представлений, без того, чтобы одновременно не приблизиться к тому, что происходит в нашей голове на материальном уровне, когда мы представляем. Если человек имеет обычные представления обычного сознания, он не замечает, что происходит в голове. Он замечает это только тогда, если он поднимается к имагинативному мышлению; он сопереживает материальный процесс.

Знаете ли вы, что происходит в голове, в то время, когда мы развиваем обычное сознание? Идет процесс голодания. Бодрствующая жизнь представлений состоит в том, что наша голова голодает. Ложные аскеты и ложные мистики инстинктивно презревают это. Поэтому они заставляют голодать всё тело. Однако это ненормально, если духовные переживания наступают вследствие того, что всё тело голодает. Это всегда неправильно. Голодная аскеза, которую проводят мистические энтузиасты, является односторонним, нездоровым направлением. Однако нормальным образом условия равновесия нашего тела установлены так, что с утра до вечера, от внешнего пробуждения до засыпания, не всё тело, но голова подвержена постоянному процессу голодания. Голова всегда остается недокормленной. Это то, что относится к попятному её развитию, регрессу. Благодаря тому, что голова остается недокормленной, мы в состоянии дать место для духовной жизни на уровне представлений. Тот, кто знаком с представляющей духовной жизнью как с имагинацией, знакомится также с тем, что другой познает лишь в отношении к низшему региону, когда испытывает урчание в желудке; тот учится познавать, что он с утра до вечера, до засыпания, имеет в голове урчание желудка. Тут находится то, что можно назвать пропитанием духа посредством материального в нашем собственном теле. Односторонняя мистика является приятным самопогружением во внутренний мир, где человек переживает не более, чем уплотнение того, что он переживает в обычном случае. Истинное духовнонаучное развитие состоит в таком укреплении, таком усилении духовной жизни, что, если человек обращает её на собственное переживание, он знакомится с собой более точно, действительно более точно. Он тогда более точно знакомится с телесностью, поскольку телесность подтягивается таким образом, чтобы человек с этой телесностью поднимался вверх в духовное, чтобы он создал мост через пропасть, которая в ином случае существует между духовным и телесным.

Таким образом, он строит мост через ту пропасть, которая существует между телесным и духовным; она существует также и вовне, в жизни народа. Он бросает взгляд на европейские Народные Души, по крайней мере, некоторые. Вы знаете: ведущими существами из высших иерархий в отношении народов, - вы знаете это из того цикла о Народных Душах (т. 121), - являются существа из иерархии Архангелов, Архангелы. Но как они действуют? Об этом, конечно, сначала говорят абстрактно, что человек видит, как какой-либо Архангел правит тем или иным народом. Тут уже не имеет место то, как если бы говорили о человеческой душе, которая между рождением и смертью может находиться тут только потому, что она развивается в материальном, а именно в нашем теле. Архангел тоже, когда он ведет народ, связан с внешней материей. Мостом между чисто духовным Архангелом и существом народа, народом как таковым, является нечто материальное, пусть даже не столь твердо очерченное, ограниченное контуром, как наше тело. Мы, например, спрашиваем: как обстоит тут дело у того народа, который населяет Аппенинский полуостров? Как обстоит дело с тем народом, которым раньше были римляне, и который сегодня состоит из германцев, ставшими итальянцами? Ибо, в сущности, большая часть жителей там является трансформированным германским народом, однако свою конфигурацию, свою народную идентификацию они получают посредством чего-то другого, они получают её посредством того, что в их дыхательном процессе, в воздухе, задействованном в их дыхании, находится Архангел. Нельзя сказать, что он инкарнирован, но, скажем, вселен в воздух. И когда они дышат воздухом, эти жители итальянского полуострова, они связаны со своим Архангелом. Тот, кто правильным образом, - так, что он действительно хочет это познать, - желает изучить, что, собственно действует тут, тот должен изучать своеобразную связь жителя этого полуострова с воздухом, с дыханием. Это касается и испанского полуострова, но в меньшей степени. Он должен знать, как воздух и особенно процесс дыхания вживается во внутреннее существо человека.

Иначе обстоит дело у тех, кто сегодня населяет Францию. Здесь Архангел строит иной мост, тут он действует на человека посредством всего того, что в человеке природным, естественным образом является жидкостью. Французы вместе с вином пьют и свой народный характер: но этот народный характер связан также и с другим, что фигурирует в организме как жидкий элемент. Вы видите, что на данном пути человек приходит не только к абстрактным описаниям связи духовного мира с физическим. Это описание, которое как бы лишь указывает на Архангела, а внизу

кишат народы, люди, и Архангел ведет этих людей. Благодаря настоящей духовной науке этот процесс можно понять во всей его конкретности.

Жители британских островов, вместе с твердым веществом, задействованном в теле, получают то, что должен дать им их Архангел. Они принимают это, когда твердые составные части в своём теле они встраивают в твердую организацию. Хотя это касается лишь одной области, где это выражено столь радикально, но, тем не менее, это не только едкая правда, но и духовнонаучная истина: когда англичанин поедает свой бифштекс, на него действует Архангел. Разумеется, нельзя, - ибо отдельная индивидуальность выделяется отсюда, - истолковывать это в шовинистическом смысле. Человек принадлежит к этому делу лишь одной частью своего существа, но поскольку он принадлежит народу, это действует в нём. Разбираться относительно Земли научатся только тогда, если в будущем не станут отвращаться от таких вещей. Человек испытывает неизлечимый страх перед истиной, поскольку благодаря истине обнаруживаются неприятные вещи. Но насколько к истине относятся серьёзно, настолько необходимо, чтобы человек не отступал в страхе перед этой неприятностью.

Теперь переправимся в Америку: уже внешне, во внешней конфигурации обнаруживается то, насколько зависимы люди от того, что излучается из почвы! В Италии из воздуха, во Франции из воды, в Англии из того, что определено к тому, чтобы входить в тело в качестве твердых ингредиентов, или же затвердевать в нём. В Америке дело обстоит иначе.

Вы вообще увидите, что духовнонаучные истины соответствуют действительности и всюду находят своё подтверждение. Только сегодня таких подтверждений пока не ищут. В прежние годы я сообщал однажды, что развитие души сознательной, которая особенно повышает эгоизм у человека, на внешнем уровне материально повышается благодаря сахару. Тогда я указывал на то, что потребление сахара на британских островах гораздо больше, чем, например, у неэгоистичного русского народа, где потребление сахара гораздо меньше. Но если описывают, что душа сознательная проявилась и стала развиваться, только начиная с 15 века, то, проследив историю производства сахара, мы обнаружим, что оно началось только с 15 века. Какое происхождение, в сущности, имеет наше сахарное производство? Люди лишь с 15 века начали обращать внимание на сахар. Всё, что на духовнонаучном уровне вызвано из духовного мира, будет полностью подкрепляться тогда, когда оно духовно разовьется настолько сильно, чтобы погружаться в материальное, туда, где

оно живет и потому может быть познано. Как скоро мы переместимся в Америку, мы не только внешне обнаружим, что европеец, переехавший в Америку, постепенно получает другие руки и кисти рук. Форма его рук и кистей рук постепенно приближается к форме рук индейцев, древнеиндейского народа, который был искоренен в Америке. Также это выступает и в конфигурации формы лица, хотя и слабо и только в третьем, четвертом поколении; хотя, конечно, нельзя представлять себе это так, что тут в третьем поколении честный британский обыватель становится подобным индейцу; это обнаруживается лишь в тонких чертах лица, но, тем не менее, это выступает здесь. Надо смотреть в лицо таким вещам, ибо лишь благодаря этому будет возможно посредством познания развивать на Земле любовь. Любовь можно развивать только благодаря тому, что один человек будет находить себя в других людях. Но для этого необходимо, чтобы человек познакомился с ними. Народный Дух действует на американский народ снизу вверх посредством подпочвы Земли, посредством таящихся в Земле электрических и магнитных сил. Подземное начало, - вот то, что тут излучается и что тут, в Америке является посредником, через которого Народный Дух правит народом.

Переидём в Среднюю Европу; было бы хорошо этим людям обдумать всё это самим. Но кое-что может быть сказано: тут то, что связано с материальным проявлением Народного Духа, с материальным воздействием Народного Духа, есть нечто лабильное, неустойчивое, нечто в высшей степени интимное. Это, в сущности, воздействие тепла на тепло. Тепловые различия, выступающие между внешним тепловым состоянием и внутренним тепловым состоянием, тепло зимой, весной, летом, короче, всё, что проявляется в тепловых соотношениях, является тем медиумом, тем посредником, через которого Народный Дух действует в Средней Европе. Всё то, что, будучи связано с тепловыми соотношениями, действует в кровообращении и дыхании, является окольным путем, на котором действует тут Народный Дух. Вы можете также проследить это и на душевном уровне. Мы имеем возможность, - если не отождествляемся с Фрицем Маутнером, - почувствовать в элементе речи нечто от последствия этого, можно сказать, проникнутого теплом бытия. Если человек не оставлен всеми добрыми Духами Речи, то он в состоянии в немецком языке, например, ощутить в речи то, что не просто остается абстрактным элементом, но эмоционально вырастает в Дух Речи, поскольку тепло в тепле (*Waerme in Waerme*) физически родственно душевному началу. Ничто в физическом так не родственно душевному началу, как родственно душевное тепло и душевный холод с физическим теплом и физическим холодом. То,

что живёт в душе ощущающей гораздо более чуждо по отношению к воздуху; то, что живёт в душе рассудочной или характера гораздо более чуждо водному элементу, и даже то, что живёт в душе сознательной чуждо бифштексу, то есть земному элементу. И страшно чуждым по отношению к тому, что находит своё выражение в человеческой душе, является то, что излучается в человеческое развитие в магнитных и электрических силах из-под Земли в американском народном характере. Вот почему столь многое в американском народном характере выглядит так, как если бы американец был одержим тем, чем он занимается, одержим, в противоположность среднеевропейцу, который во всем, чем он занимается, что он продвигает, должен участвовать на душевном уровне; который поэтому может развивать мистическое тепло. В то время как американец легко развивает спиритический образ мыслей, становится одержимым какой-либо духовностью, как человек может стать одержимым тем, что не втекает в человека непосредственно, как воздух, вода, земля, но только воздействует внизу вверх из-под Земли, из подземного элемента Земли, чтобы сформировать народный характер.

В русском народном характере, в том, что простирается на Востоке, - об этом мы ещё будем говорить послезавтра, - действует Народный Дух, однако он только в будущем будет призван к тому, чтобы играть особенную роль для своего народа. Тут Народный Дух действует через свет; он хотя и действует через свет, но не через свет непосредственно излучающийся от Солнца, но через такой свет, который уже был поглощен, всосан растительностью и самой Землей и снова излучается назад. Эта излучаемая обратно от Земли, а именно от растительности солнечная сила, активная солнечная сила, исходящая от почвы является тем, в чём нуждается русский Народный Дух в качестве своего медиума, своего посредника, чтобы воздействовать на структуру народа, на организацию народа.

Рассматривая эти вещи во всех подробностях, - я ещё буду говорить об этом послезавтра, - человек увидит, как современности и ближайшему будущему необходима не всеобщая, размытая фразерская мистика, но поистине духовно сильное духовопознание, которая может погрузиться, может проникнуть в материальное бытие, которым мы должны жить. Чтобы это материальное бытие, будучи рассмотрено в его родстве с духом, не рассматривалось так, как его рассматривают по ошибке, рассматривают как нечто такое, откуда хотели бы наилучшим образом удалиться как из своей кожи, чтобы придти к духу. Нет, оно, это материальное бытие должно рассматриваться как откровение духа. Кто ещё не имеет правильного отношения к духу, не в состоянии увидеть, что

физическое в действительности является откровением духовного. Всё, что находится вокруг нас, является телом духа. И только если дух понимается так, что природу в состоянии рассматривать как тело духа, получают действительное духовопознание. Но это и есть та вещь, к которой надо стремиться как к конкретному духовопознанию. Однако в самих этих вещах не заложено, - как скоро к ним подступают с полной серьёзностью, - что они будут неприемлемы, неудобны для людей, тех людей современности, которым, конечно, не нравятся такие истины и которые предпочитали бы слушать лишь такое: люди должны любить себя по всей Земле! - Да, конечно, но сначала они должны познать себя. И любовь эта должна стать независимой от того, что чей-то опыт противится этому, она должна быть независимой от того, что чей-то опыт, чье-то решение противится этому. Ибо то, что я описал, также и то, что я описал относительно Народных Душ, вы все знаете, это знают ваши нервы, ваши мускулы, ваша кровь: в них заколдовано то, что должно быть получено оттуда. Если в ближайшее время этого не произойдёт, в ваших нервах, в мускулах, в крови поднимется шум, и как дисгармония, как импульс к спору и войне это пойдёт по Земле. Чтобы этого не произошло, необходимо только одно: чтобы дух, который в ином случае превратится в свой ариманический или люциферический прообраз, был освобожден из нервов, мускулов и крови и вступил в сознание, ибо он хочет жить на Земле, лишь находясь в сознании, будучи осознан. Только если он живет в сознании, он будет вести подобающее ему бытие, и будет вести людей туда, куда они должны придти в будущем. Ему нельзя дать опуститься вниз в ариманическую и люциферическую область, поскольку он трансформирует себя, если не сможет найти себе своего места. Это та способность духа к превращению, которую надо видеть, ибо её прозрение является задачей для будущего. Не легковесный смысл надо возвышать до того, что потребуется от человечества в будущем; нет, необходимо глубоко разрабатывать познание, для того, чтобы решать задачи будущего. Для этого необходимо, чтобы люди преодолели некоторые неудобства. Но поскольку они не хотят преодолевать эти неудобства, на пути духовного развития будет ещё много врагов. С этим придется считаться, особенно если духовная наука распространится. И считаться придется тем больше, чем сильнее будет она здесь, и чем больше вы все будете исходить из потребности достичь перехода от удобного сектантства к светскому взгляду, к действию на мировом уровне. От удобного сектантства - к перенесению духовной науки из передних и задних комнаток в те места, на которых, как полагают, следует вести общечеловеческие дела.

ДВЕНАДЦАТАЯ ЛЕКЦИЯ

Мюнхен, 4 мая 1918

Характеристика тенденций времени: ограниченность в мышлении, филистерство в чувстве, неумелость в воле. Судьба Иоганна Генриха Ламберта. Расширение переживания благодаря вниманию по отношению к мировым ритмам. Ллойд Джордж как представитель нашего времени. Древняя спиритуальность у Рабиндраната Тагора. Задатки новой спиритуальности в немецкой духовной жизни. Президент Вильсон как представитель американской разновидности духовности. Притупленность многих людей после двадцатисемилетнего года жизни. Хаотические проблески реального духопознания у Отто Вейнингера. Имагинации, инспирации и интуиции в жизни после смерти. Стремление к подражанию как продолжение душевного настроения, предшествовавшего рождению. Содействие умерших при преодолении великих вопросов жизни. Духовные задатки на Востоке. Троцкизм и ленинизм как разрушительная каракатура.

Из рассмотрений, проведенных нами здесь позавчера, а также в более широком смысле из открытых рассмотрений этих дней можно увидеть, что именно в современности человечеству необходимо развивать духовнонаучные интересы. Ибо эта духовная наука помимо своих других задач, которые она имеет в тесном смысле по отношению к отдельному человеку, его характеру, его жизненным потребностям, его душевным обстоятельствам, в состоянии внести ясность в некоторые вещи, которые, безусловно, приходится рассматривать человеку в современности. Именно с этой точки зрения указывал я на то, как необходимо в первую очередь дать воздействовать на душу той серьезности, с которой духовная наука должна рассматриваться теми, кто хочет сблизиться с ней. Надо попытаться в разных направлениях исследовать, с чем связано то, что человечество смогло попасть в такое катастрофическое положение. Ибо многими людьми сегодня, в сущности, не рассматривается, - во всей его глубине и полной

серьёзности, - вопрос: что же означает это катастрофическое положение. Однако наступает время, когда сами эти события, сами факты раскроют свою серьёзность, причём совершенно другим образом, нежели происходит это сегодня. Однако, стоя на почве духовной науки, человек должен был бы увидеть, что недостаточно до самого последнего момента медлить с пониманием того, что необходимо понять в отношении покоящихся в глубине требований времени. Прежде всего, необходимо принять к сведению то, что известные истины, необходимые человечеству в современности и в ближнем будущем, неудобны, неприятны. Гораздо приятнее выслушивать хвалебные песни, которые мы великолепным образом имеем в том или ином отношении, - и прежде всего по поводу великих культурно-научных достижений. Они действуют и живут в отношениях одного человека к другому по всему земному шару; и то, что действует таким образом, в некотором роде обуславливает характер современного человечества. Современное человечество должно быть призвано, должно быть направлено к тому, чтобы понимать то или иное; однако кое-что из того, что должно быть понято, понимать неудобно, неприятно. Однако оно требует со стороны человеческого существа безоговорочного, свободного от предвзятости суждения.

В развитии времени существуют определенные тенденции. Гипотетически следует сказать: есть возможность, что человек и дальше будет считать чем-то значительным, великим те вещи, о которых было упомянуто позавчера, - так называемые экзамены на одаренность. Некоторые педагоги современности пропагандируют эти вещи, рассматривая их как нечто весьма значительное, тогда как остальное человечество пренебрегает тем, чтобы вынести суждение об этих вещах, находит это неудобным, оно предпочитает спать по отношению к таким ариманическим тенденциям, которые вводятся вследствие чего-то подобного этим экзаменам на одаренность и вследствие многого другого. Если такие устремления, такие идеалы, - а это ведь тоже идеалы, - будут существовать и дальше, они будут иметь глубоко идущее влияние на всё развитие душевного существа человека, и, прежде всего, вполне определенное, задающее конфигурацию влияние на основные силы человеческого душевного существа: на мышление, чувство и волю. Позволительно задать себе гипотетический вопрос, - поскольку этих вещей быть не должно, они должны быть устранены усилиями тех, кто признает антропософское мировоззрение, - но гипотетически можно спросить себя, чтобы узнать, что же надо делать: какую конфигурацию должны приобрести эти три основные душевные силы человека, если лишь одни тенденции, господствующие в современности на основе

материалистического образа мыслей, на основе ариманического начала захватят место, если им не станут противодействовать духовные стремления, духовная воля? – Естественнонаучный прогресс может действовать сильно и властно в области техники, которая поддерживается естественной наукой, а также в других областях: человеческим представлениям, человеческому мышлению этот естественнонаучный прогресс постепенно будет всё больше и больше придавать основной структуре мышления характер ограниченности, тупости. Это нельзя характеризовать иначе, ибо уже сегодня в широчайших кругах обнаруживается, я бы сказал, начало этой тупости, этой ограниченности, которая будет состоять в том, что человек будет всё более и более погрешать против тех вещей, внимание на которые обращалось вчера в открытой лекции: погрешать против разомкнутости, против открытости души по отношению ко всему миру. Человек будет всё больше замыкаться, теоретически и интеллектуально прислушиваясь к тому, что говорят понятия и представления. Я хотел когда-либо открыто указать на то, что два человека могут говорить на словах совершенно одно и то же, но было бы совершенно неправильно считать, будто бы то, что исходит от обоих этих людей, суть одно и то же.

Сегодня мы живём в эпоху программ. Эпоха программ – это время интеллектуализма. Что охотнее всего делают сегодня, желая пожертвовать собой ради блага человечества? Основывают союз для всего, что только можно и составляют программу, предлагают идеалы. Они, само собой разумеется, могут быть очень одухотворенными, очень благожелательными, очень просвещенными; но для развития человечества ценность их равна нулю, в них не хватит пороку ни на один выстрел. Однако, начинают с того, что спрашивают: чего же хочет выступающий? – и если выступающий говорит, – мы возьмем что-либо абстрактное, сегодня любят абстракции, – итак он говорит: я хочу культивировать общечеловеческую любовь. Слушатели думают: что же может быть прекраснее? Конечно, надо присоединиться к такому союзу! – Однако мы живём в такое время, когда вследствие известной пресыщенности, которой достигла культура, необычайно легко выставлять прекраснейшие программы, прекраснейшие идеи. При этом рассуждающий о смысле и интересах всеобщего блага человечества, о его истинных делах, может оказаться весьма ограниченным человеком. Сегодня человек может, – я бы сказал, – в более тонких вопросах культуры оказаться в высшей степени правым, в тех вопросах, в которых он, по мнению очень многих людей, якобы, неправ. Так, например, сегодня можно попасть в такое положение, когда поэтический лепет, истинно и правдиво

возвещающий о внутренней силе души, может быть поставлен выше совершенных стихов, которые появились просто потому, что в отношении внешней поэтической конфигурации, стихи сегодня пишет сама речь, сам Дух Речи, а человеческую душу он лишь использует для этого. Стихи, блестящие в сравнении со старым стихотворным стилем, может сегодня писать человек даже не обладающий крепкой душевной силой. Такие вещи следует принимать к сведению в то время, когда перед общечеловеческим развитием выступают такие крупные, исключительно крупные вопросы, как это имеет место в настоящее время.

Так что можно сказать: люди должны учиться всю свою душу раскрывать навстречу всем душам; люди должны всё менее и менее придерживаться содержания того, что кто-то говорит, они должны учиться всё больше и больше достигать прозрения в знание и силу того, что от того или иного лица вносится в мир. Мы переживаем страшнейшее всемирно историческое зрелище, когда по всей Земле людям предлагаются основные положения, которые исходят от Вудро Вильсона. (*Имеются в виду «14 пунктов», которые президент Вильсон выдвинул перед американским конгрессом 8 января 1918 г. и которые затем послужили основой для заключения мирного договора – примеч. перев.*) Эти основные положения очевидны, их нельзя опровергнуть. Само собой разумеется, что они очевидны, само собой разумеется, что их нельзя опровергнуть, но они столь же стары, как человеческое мышление; так говорили всегда. Во всех этих вещах совсем ничего не связано с реальными, конкретными, непосредственно современными задачами. Но люди находят неудобным вдаваться в реальные, конкретные непосредственно современные задачи по развитию подвижности в мышлении. Ибо эта подвижность мышления предполагает вхождение в то, что непосредственно и конкретно. Конечно, иногда требуется долгое время, чтобы обрести себя в этой конкретике; но сегодня необходимо понимать такие вещи, необходимо в душе до некоторой степени отождествляться с общечеловеческим развитием.

Есть один город, где живёт южно-немецкое население. В этом городе в 18 веке появилась одна очень значительная личность: Иоганн Генрих Ламберт (1728-1777, род. в Мюльхаузене, физик, астроном и математик. Опубликованы в 1761 «Космологические письма». 1764 – основной труд «Новый органон» - примеч. перев.). Кант, современник Иоганна Генриха Ламберта, называл Ламберта величайшим гением своего века; ибо, если бы идеи Ламберта были поставлены на место идей так называемой теории Канта-Лапласа, было бы достигнуто нечто весьма значительное. Этот Ламберт в городе, который сейчас стал южно-немецким городом, был сыном

портного и рос, уже на четырнадцатом году обнаружив особые дарования. Отец обратился с просьбой о поддержке в премудрую ратушу города. Эта последняя после долгих усилий позволила ассигновать сорок франков для талантливого юноши с условием, что он уже никогда больше не станет обращаться за поддержкой. Сто лет должно было истечь, пока, в сороковых годах 19 столетия этот город не профинансировал памятник этому человеку, которому они, когда он был мальчиком, отпустили сорок франков. Тогда он вынужден был оставить город и благодаря особым условиям достигнуть своего величия в Берлине. Теперь существует прекрасный памятник, вверху которого помещен земной шар в знак того, что этот гений родился в этом большом, крупном городе, в котором могут таиться такие гении, в знак того, что гений, который хотел охватить целый мир произошел на данной почве!

Порой требуется ещё больше, чем сто лет, чтобы увидеть нечто столь талантливое. Это может происходить, это идет вплоть до нашего времени. Однако как часто именно среди нас подчеркивают, что приближается время, когда люди должны проснуться для свободного, самостоятельного сознания, при котором люди уже не посмеют больше просыпать то, что происходит вокруг. Это время приближается огромными шагами. Люди должны научиться раскрывать свои души, чтобы видеть, что происходит в действительности. Ибо, как говорится, своеобразная конфигурация материалистической культуры грозит тем, что мышление и представление станут ограниченными, притупленными. Духовная наука дает такие понятия, такие представления, которые не позволяют, чтобы человек сделал их в своём мышлении ограниченными, притупленными. Он постоянно призывается, - именно посредством этих духовнонаучных понятий, - рассматривать вещи с разных сторон. Вот почему это сегодня ещё злит многих из тех, кто встал в духовнонаучные ряды, если они слышат: появился новый цикл и там эти вещи рассматриваются с совершенно иной стороны. - Однако несомненно, что вещи и должны рассматриваться с разных сторон, и что пора, наконец, выйти за пределы того, что я называю абсолютизацией суждения. Истины, поняты в духе, не позволяют облечь себя в жесткие контуры, поскольку дух подвижен. Итак, духовная наука действует против притупления, против ограниченности в мышлении. Конечно, трудно, сказать это современности, но это необходимо.

Второе, что наблюдается в душе, это чувство. Какая тенденция в отношении чувства, мира чувств, выявляется у человечества вследствие материалистической культуры? Можно сказать: именно в данной области тенденция простирается очень далеко. В области

чувства материалистическая культура вызывает бессердечие, бездушие, филистерство. Возрастая до огромных размеров, филистерство совершенно особым образом развивается в нашей материалистической культуре. Бездушие в интересах! Люди всё больше и больше замыкаются в самых узких кругах. Но человек сегодня не призван к тому, чтобы замыкаться в самом тесном кругу, он сегодня призван к тому, чтобы познавать, что за звук издает он в великой космической симфонии.

Проведем ещё раз перед глазами кое-что, чтобы то же самое, что имелось здесь в виду, рассмотреть с более охватывающей точки зрения, рассмотреть кое-что, о чём мы тут однажды упоминали. Я хотел бы сказать: пусть посчитают, - ведь сегодня многое считают, - каким чудесным образом включен человек в Космос. Число наших дыханий в одну минуту равно восемнадцати. Будучи умножено на шестьдесят (минут в час) и на двадцать четыре (часа) в день оно составит: $18 \times 60 \times 24 = 25920$ дыханий. В течение двадцати четырех часов 25920 дыханий! Попробуйте вычислить следующее: вы знаете, что каждый год точка весны, точка весеннего равноденствия, точка восхода Солнца весной (в день равноденствия) на небольшой интервал сдвигается на небесном своде (примерно на одну семьдесят вторую часть градуса, так что за 72 года точка весеннего равноденствия сдвигается примерно на один градус - примеч. перев.) Пойдём назад в очень отдаленные времена. Весной Солнце восходило когда-то в Тельце (в созвездии Тельца), затем на небольшой кусочек дальше, затем ещё на небольшой кусочек дальше, пока эта точка не вступила в (созвездие) Овена. Затем ещё и ещё дальше, и так Солнце описывает круг, конечно по-видимости. Сколько лет требуется Солнцу, чтобы попятным образом продвигаясь вперед по таким кусочкам, снова вернуться в тот же самый пункт? Солнце делает много таких движений; ему нужно 25920 лет, чтобы благодаря этим движениям придти туда, то есть, Солнце завершает свой обход великого Космоса за 25920 лет, за столько же лет, сколько дыханий делаем мы в течение одного дня. Представьте себе, какая это удивительная связь! Мы дышим в день 25920 раз, Солнце продвигается, и если оно сделает 25920 продвижений, подобно тому, как мы делаем наши внутренние движения, дыхания, тогда оно обойдет по кругу весь Космос. Таким образом, мы с нашим дыханием являемся отображением Макрокосма. (Интересное совпадение: первый закон Фарадея гласит: Масса вещества, выделяющегося на электроде, прямо пропорциональна количеству электричества, прошедшего через электролит. При этом для выделения одной грамм-молекулы вещества надо пропустить через раствор примерно 26000 миллиампер/час.

Реальное количество электричества может быть меньше, так как тут задействована ещё одна величина -выход по току - примеч. перев.)

Идем дальше: средняя продолжительность жизни, - жизнь, конечно, может продолжаться дольше, зато другие умирают раньше, - продолжительность жизни составляет в среднем семьдесят, семьдесят один год. Чем, в сущности, является эта человеческая жизнь? Тут дело обстоит так же, как с суммой дыханий. При обычном физическом дыхании мы всасываем воздух и выталкиваем его из себя. В течение двадцатичетырехчасового дня, если мы подчиняющиеся порядку, здоровые люди и не бесчинствуем ночами, мы проделываем большой вдох нашего «я» и нашего астрального тела при пробуждении и выдох нашего «я» и астрального тела при засыпании: это тоже своего рода дыхание. Каждый день наши физическое и эфирное тела совершают одно дыхание по отношению к нашему астральному телу и «я». Сколько раз делаем мы это в течение жизни, которая длится примерно семьдесят, семьдесят один год? Рассчитайте, сколько дней примерно живет человек: 25920 дней! Это означает, что мы не только в течение дня в нашем дыхательном ритме подражаем ходу Солнца по мировому пути, по эклиптике, делая столько же дыханий, сколько движений делает Солнце, пока снова не возвратиться в тот же самый пункт в Космосе. Но наше «большое дыхание», - вдохание «я» и астрального тела в физическое и эфирное тела и выдыхание «я» и астрального тела мы проделываем в течение семидесяти, семидесяти одного года столько же раз, сколько дыханий мы делаем в день: 25920, столько же, сколько движений делает Солнце, пока снова не вернется в то же самое место. Таких вещей, посредством которых нам показывается, как мы исчисляемым образом всей нашей человеческой жизнью находимся в гармонии со Вселенной, можно было бы привести много; если мы по-настоящему ощущаем, они ошеломили бы нас не менее того, что только что было приведено мною. Многое скрыто в соотношениях, в которые поставлен человек в мире, но то, что скрыто, производит глубокое воздействие, поскольку оно, в сущности, является тем, что в древности понимали как гармонию сфер. Во всяком случае, это вызывает у нас интерес к миру в целом. Мы постепенно учимся понимать, что мы, как люди совершенно ничего не знаем о себе, если филистерски ограничиваем наши интересы самым ближним кругом. Однако филистерство всё больше и больше становится характерной чертой нашего времени! Да, филистерство стало основным настроением религиозного мировоззрения; отсюда это основное настроение филистерства распространяется во многие души. Вернемся к

первым столетиям христианства: там имелось одно грандиозное учение. Оно было (пригодно) для этого прошлого времени. Сегодня оно должно быть заменено посредством нашего духовнонаучного воззрения, ибо разное время предъявляет к человечеству различные требования; однако тогда этим грандиозным учением был гнозис. Посмотрите, насколько величественно рассуждали эти гностики при исследовании эонов, при исследовании различных духовных иерархий, как маленькую Землю они включали в великое космическое мировое развитие вместе со многими, многими существами, в ряду которых, однако, был поставлен и человек. Проявлением подвижности мышления, проявлением доброй воли была разработка понятий, которым не давали устаревать, становиться расплывчатыми, как делают это теперь, чтобы подняться к гнозису. Затем пришло, - не христианство, а христианское конфессиональное начало, конфессия. Спросите вокруг сегодня: что по большей части ненавидит большинство официальных представителей церкви? Гнозис. (См. том 149, «Христос и духовный мир», том 165 «Духовное единение человека с импульсом Христа», том 204 «Перспективы человеческого развития» -примеч. перев.) Именно поэтому они, по большей части и чернят антропософию: самой антропософией они не занимаются, для этого они слишком ленивы. Однако, заглядывая в какую-нибудь книгу, они имеют смутное предчувствие, смутное понятие: Боже мой! Какой ужас, ведь это должно быть тоже гнозис! Тут мы должны воспринимать новые понятия, тут мы должны делать дух подвижным! В конце концов, мы ведем мышление людей к простоте, особенно в религиозной области. Нельзя измерить, - так говорят, - что будет из того, если человек заберется в такие высокие сферы! Говорят: человек должен направляться туда, чтобы самой простой душой достигать высшей Божественности; он не должен напрягать себя, но самой простой, детской душой он в любой момент может достичь высшей Божественности.

Надо видеть насквозь такие вещи! Действительно видеть такие вещи, - вот в чём дело, - ибо от таких вещей исходит основное настроение нашего времени, исходит филистерство, самоуверенное мещанское самодовольство. Религиозное настроение в различных конфессиях стало столь филистерским, потому что в основе их заложено то, что я только что описал. Сегодня оно льстит людям, которые представляются скромными, но, по существу, страшно нескромны, ибо нескромность, мания величия - есть основные черты нашего времени. Всё подвергается суждению, и когда нечто переживается с трудом, так что даже на лбу носят отпечаток такой трудности, о нём судят; судит даже тот, кто очень хорошо знает,

что он особо не утруждал себя, чтобы многое пережить. Он заботился только о том, чтобы прийти к тому, что само собой очевидно: что никакие усилия не позволят познать Бога, но что Бог может быть открыт в любое время самой простой, детской душе, если она захочет. Надо увидеть, что это филистерство должно быть, прежде всего, вытеснено благодаря духовной науке. Однако филистерство сидит в таких местах, где его не предполагают, и многие из тех, кто считает, что изгоняет филистерство, сами с головой увязли в нём. Многие «измы», многие модернизмы, на основе которых делают программы, чтобы не быть филистерами, являются ничем другим, как замаскированным филистерством. Это второе. В области мышления и представления надо преодолеть наступающую на них ограниченность, в области чувства - наступающее филистерство. Широта интересов должна для этого занять свое место, воля к тому, чтобы действительно вглядываться в то что происходит на гигантском табло земного развития.

Позавчера мы пытались характеризовать конкретное воздействие Народных Духов. Это Архангелы. Отсюда вы могли бы извлечь следующее: эти Народные Духи связаны с местом, на котором какие-то люди развиваются на Земле. Посредством воздуха действует Народный Дух в Италии, посредством жидкости действует Народный Дух в областях нынешней Франции, и так далее, как я это характеризовал. Но, разумеется, эти вещи перекрещиваются с некоторыми другими; должно быть ясно, что люди живут на Земле рядом друг с другом и что некоторые фазы развития в некоторых областях отстают. В некоторых случаях люди продвигаются дальше, в других они даже приходят в упадок. Надо наблюдать нечто весьма значительное. Если мы всю Землю в целом рассматриваем как организм и спрашиваем себя: что происходит по всей Земле? - тогда мы можем в первую очередь рассмотреть различные области Азии, азиатского Востока, как его называют. На этом азиатском Востоке воплощено сегодня множество душ, которые вследствие их кармы, вследствие того, что было ими предпринято в прежних земных жизнях, которым присущи характерные свойства более ранних ступеней эволюции человечества. Эти души ищут тела, в которых они могут быть зависимы от телесно-физического развития до относительно позднего возраста. Нормой является сегодня зависимость, простирающаяся до двадцать седьмого года жизни. Основной характер нашего времени выявляется в том, что человек является зависимым от своего телесно-физического развития до двадцать седьмого года жизни. Это нечто очень значительное для нашего времени. Можно многое понять в наше время, если обратить на это внимание. На это я здесь тоже указывал.

Однажды я спросил себя: каким должен был бы быть типичный человек нашего времени, какие действия в целом, какую работу в целом должен был бы он совершать в наше время? - Он должен был бы в некотором смысле отстранить от себя всё то, что подступает к людям извне и мешает им действовать исключительно самостоятельно, будучи предоставленными самим себе до двадцати семи лет жизни. Он должен быть тем, кого называют «селфмейдман», самостоятельный человек, человек, самостоятельно выбившийся в люди. До двадцати семи лет он должен меньше касаться того, что в наше время отклоняется от нормы, портит репутацию, до двадцати семи лет он должен развиваться, целиком и полностью основываясь на самом себе. Затем, сразу же после того, как он самостоятельно проделал всё то, что может проделать именно современный человек, исходя из самого себя, его можно выбирать, например, в парламент. Не правда ли, сегодня быть избранным в парламент, значит стоять на высоте своего времени! Затем, будучи избранным в парламент и даже пару лет побыв министром, он в некотором роде показал себя, позднее такого человека замечают люди, если он переметнулся в то или иное направление и потерпел ту или иную неудачу. А затем? Как должно это идти дальше? Человек может не развиваться дальше. Он остается типичным для своего времени, он - истинный представитель своего времени. Такие люди сейчас есть, об этом я уже говорил здесь недавно: это, например, *Ллойд Джордж. (1863-1945, был министром торговли в английском кабинете 1905-1908, позднее казначеем и военным министром; 1916-1922 премьер министр Англии -примеч. перев.)* Нет другого человека, который столь характерно, типично не выражал того, что существует в наше время, как Ллойд Джордж, который до двадцати семи лет выявил все, что сегодня человек может извлечь из телесно-физического. Он был самоучкой, он с ранних лет жизни завязал отношения с социализмом, он в ранние годы узнал про то, что человек с двадцати семи лет, не так ли, может быть в парламенте. Он был избран в парламент и очень скоро стал там внушающим страх оратором, даже внушающим страх «моргальщиком», «блинцером», - «блинцером» называют тех, кто сидит и придирчиво слушает, когда говорят другие. В движении его глаз было нечто особенное, Ллойд Джордж был известен этим. Затем он работал в министерстве Кэмпбелл-Баннермана.(*премьер-министр Англии 1905-1908 - примеч. перев.*) Там говорили: что делать с Ллойд Джорджем? Он опасен. Лучше всего сделать его министром. И тогда его взяли в министерство. Да, но на какой пост в министерстве его поставить? Ведь он очень одаренный человек! Мы его поставили на такой пост, где он ничего не понимал. Там он

был наиболее полезен, так как менее всего мог что-нибудь натворить! – Его сделали министром по железным дорогам и по корабельному строительству. Немного месяцев потребовалось ему, чтобы усвоить то, что ему было нужно. Он проводил величайшие реформы, делал крупные дела.

Не правда ли, для описания типичного человека современности, нельзя найти ничего лучшего, как Ллойд Джорджа. Он был своего рода концентратом, экстрактом современного материализма; можно многое понять в современности, если человек в состоянии войти в нечто подобное. Так обстоит дело в середине мира, между азиатским Востоком и американским Западом. В европейской культуре происходит, главным образом, так, что человек до двадцати семи лет жизни может извлечь из своего телесно-физического начала то, что потом может стать значительным для его душевно-духовного начала. Затем в душе должен возникнуть духовно-душевный импульс, если человек хочет идти дальше, ибо тогда телесно-физическое начало ничего больше дать не может. Поэтому такой человек как Ллойд Джордж представляет собой всё то, что может дать современность сама по себе; поэтому в нём отсутствует всё то, что должно достигаться в свободе. Конечно, современность дает гениальность, большую одаренность, однако она сама по себе не дает духовности. Последняя должна быть завоевана благодаря свободе. Но в Азии есть ещё много предпосылок, условий для того, чтобы находились тела, которые могут проделывать душевно-духовное развитие и после двадцатисемилетнего или двадцативосьмилетнего возраста. Поэтому там воплощаются души, которые хотят извлекать нечто из своего телесно-физического после указанного времени. Вот почему там ещё имеется самостоятельная спиритуальная культура, культура, которая держится на том, что вещи вокруг рассматриваются духовно, что в мире познается духовное. Конечно, на Востоке многое охвачено большим упадком, декадансом, поскольку там распространился материализм, а так как он наименее подходит для Востока, там, главным образом действует декаданс. Однако у тех, кто является там ведущими людьми, видно, имеется в наличии природная спиритуальность. Они внутренне, в полном смысле презирают европейскую материалистическую культуру в целом. Такие люди как Рабиндранат Тагор, который недавно, произнося речь о духе Японии, сказал: мы, люди Востока, само собой разумеется, признаем и принимаем европейские достижения во внешней технической сфере культуры. Однако мы ставим её, эту европейскую культуру, в наши стойла, держим её в нашем хлеву, не позволяя ей заходить в наши жилые комнаты, - поскольку в них

спиритуальность – есть нечто само собой разумеющееся. - Такие вещи надо знать сегодня, ибо эти вещи являются основными силами того, что происходит повсюду в мире, того, от чего сегодня зависят мировые события.

Вы скажете: да, но ведь мы в нашей, например, среднеевропейской культуре имеем твердые задатки спиритуальности, выраженной в ясных, светлых идеях! - Мы тоже имеем спиритуальность и мы можем говорить об этой спиритуальности так, как я попытался говорить об одном забытом потоке немецкой духовной жизни в моей книге «О загадке человека».(том 20 ПС). Для того, чтобы пронизать нас спиритуальностью, которая в развитии человечества действительно исходит из того, что осуществлялось в восточной спиритуальности, нам нужно всего лишь наполниться теми чудесными имагинациями, которые мы находим, например, уже у Гердера, или у Гёте. Восточная культура не создала ничего более великого, чем Гердер, который в каждом солнечном восходе по утрам видит картину нового сотворения мира и величественным образом описывает её. Те, кто сегодня не хотят быть филистерами, тем не менее, становятся ими, говоря: стоит ли заботиться о таком старье, и если у таких людей спрашивают о Гердере, он оказывается давно забытым. И вот восточный человек, судя об этих отношениях, несомненно, выносит суждение о том, что живет во внешнем действующем потоке среднеевропейской культуры.

Прочтите остроумного китайца *Ку-Хунг-Минга*, (автор часто цитируемой *Р. Штейнером* книги «Дух китайского народа и выход из войны» *Йена 1916 - примеч. перев.*) который доброжелательно описал среднеевропейскую культуру, или прочтите доклад, который недавно сделал *Рабиндранат Тагор*. Тогда вы увидите, что эти люди спрашивают себя: какое положение занимает эта Европа в общем продвижении человечества? - Их представление об этом таково, что Средняя Европа будто бы была призвана к тому, чтобы вывести людей за пределы того, что было им самим дано спиритуализмом. Но затем они оглянулись назад; не упустила ли эта Средняя Европа возможности развить те великие задатки, те великие зародыши, которые она содержала? Они имели одного Гёте, - так говорят эти люди; да, но они, эти простодушные немцы, эти немцы-материалисты не знают, что с ним делать! - Когда умер его последний внук, еще была возможность ввести гетеанизм в немецкую духовную жизнь. Под поистине несравненной величественной эгидой одной немецкой княгини был основан *Архив Гёте и Шиллера (Великая герцогиня София фон Саксен-Веймар, 1824-1897 -примеч. перев.)*. Этот великий импульс был дан

в восьмидесятые годы. Было даже основано Общество Гёте, однако постоянно стеснялись поставить во главе его кого-нибудь, кто действительно занимался спиритуальностью Гёте. Это находили недостойным, и при последних выборах во главе Общества Гёте не был поставлен человек, который был причастен пробужденной благодаря Гёте спиритуальности; нет! Призвали одного бывшего министра финансов. По таким примерам мир может судить о том, что происходит в Средней Европе! Наследием Гёте распоряжается сегодня бывший министр финансов, который носит симптоматическое имя Кройцвендедих (буквально - крест, переменись; *Георг Кройцвендедих барон фон Рейнбабен, прусский государственный министр и министр финансов, обер-президент Рейнской провинции - примеч. перев.*). Однако я не знаю, будет ли на это место поставлен кто-то лучший, если симптоматика имени сбудется.

Эти вещи смогут измениться только тогда, если на место черствых интересов выступят великие интересы, если действительно будут смотреть на то, как действуют по всей Земле импульсы, будут смотреть, как тела на Востоке, - я бы сказал, - обуславливают отставшую спиритуальность для тех душ, которые сегодня хотят воплощаться в таких телах с отставшей спиритуальностью, телах, которые могут давать душам кое-что от физически-телесного даже после двадцать седьмого года. На Востоке человек остается стоять на более ранней ступени развития человечества, там он остается в том состоянии, которое человечество уже проделало. Здесь, в середине, человек занимает ту позицию, когда должен произойти перелом, когда человек может извлекать необходимое из телесно-физического до двадцать седьмого года, - в середине 15 столетия это происходило до двадцать восьмого года. Но тут для дальнейшего развития человеческой души, - если человек не хочет рано постареть и ничего не получить от своей юности, он должен обладать духовно-душевым, свободным спиритуальным импульсом; не так, как люди Востока, обладающие несвободным спиритуальным импульсом.

Отправимся дальше на Запад, в Америку. Тут человечество устроено так, что оно отстает, оно не достигает этой ступени. На Востоке человечество в некотором смысле отстало на более ранней ступени; в середине оно имеет нормальный возраст, на Западе, в Америке, - я это характеризовал позавчера, - действует то, что является подземным началом Земли. Это действует даже на таких мыслителей, как Вудро Вильсон; они являются одержимыми своими собственными словами, своими собственными принципами. Они, как рано постаревшие, - это слово имеет ещё и другое значение, другую ценность, - как рано состарившиеся дети,

которые не смогли достичь полного воздействия того, что должно влиять до двадцать седьмого года жизни. Если взглянуть на то, что производит такое сильное впечатление на многих людей современности, можно поставить, например, такой вопрос: как же могло случиться, что такой мыслитель, как Вудро Вильсон, который в своём возрасте не воспринял больше того, что может человек воспринять до двадцати семи лет, смог стать всемирным наставником? - Но чтобы по настоящему выдвигать перед душой такие вещи, люди не обладают широтой интересов. Вследствие филистерства им этого не хочется.

Тем самым характеризуется достойная внимания черта общечеловеческой эволюции: с Востока на Запад, от сохранения старого, через нормальную середину к декадансу Запада; само собой разумеется, это заложено в народах, а не в отдельных людях. Должен быть развит интерес к этому, чтобы знали, что за импульсы действуют на Земле, чтобы понимали, как их оценить. И здесь, в середине, на протяжении долгого времени задавал тон поток с юга, когда среднеевропейская культура была переполнена греко-римским началом. Сюда переходила консервативная сущность юга. Сегодня мы стоим в поворотном пункте. Особенно прогрессивный элемент Севера должен внедриться в среднеевропейское население. Эти особенные, я бы сказал, благоприятные сегодня импульсы Гиперборейской эпохи, должны пройти через наши души. На это следует обратить внимание. В ином случае, если человек не раскроет глаза и душу по отношению к этим великим импульсам мирового становления, Земля пойдёт по ложному пути развития, она не станет плодородной почвой для космического мирозидания, и то, что должна была бы означать последняя эпоха развития Земли, должно будет перениматься другими планетами.

В игру включены большие интересы. Необходимо выбраться из филистерства и дорасти до этих больших интересов. Только в том случае, если у человека возникнут такие интересы, он придёт к тому, чтобы правильным образом оценить некоторые явления нашей современности. Надо отчетливо видеть: в наше время человеческая природа раздваивается. Сегодня это только в начале, но, всё же, люди раздваиваются. Одни являются натурами, которые некоторым образом сохраняют в себе телесно-физическое. Они, становясь до некоторой степени жесткими, развиваются до двадцатисемилетнего возраста жизни, затем они останавливаются, они отвергают духовно-душевное начало. Если у них нет постоянного побуждения, чтобы возбуждать, провоцировать человечество, чтобы, подобно Ллойд Джорджу, вести человечество к беде, тогда они превращаются в студень, закисают, становятся

тупыми и превращаются в настоящих филистеров. В первом направлении этой развилки заложено тупое безразличие у человечества. Другое направление позволяет выйти наружу до двадцатисемилетнего возраста всем движущим, пульсирующим силами физически-телесного, извлекают всю духовность из физически-телесного. В физическом заложено многое. Не забывайте о том, что все мы приходим в этот мир необычно исполненными мудрости; только эту полноту мудрости мы преобразуем в сознание, преобразуем то, что, будучи исполнено мудрости находится во всей нашей телесности. Духовная наука пытается гармоническим, одухотворенным образом поднять в сознание то, что находится в нервах, крови и мускулах. Духовную науку отвергают не только тупицы, но также и те, - и их становится всё больше и больше, - кто живо пульсирует до половой зрелости и до двадцати семи лет чувствует то, что как гениальность кипит в варится в его нервах, крови и мускулах. Эти «перегретые» натуры, которые в некотором смысле прожигают человеческую жизнь, будут встречаться всё чаще и чаще. Спорадически они и сегодня встречаются довольно часто. Их помещают в психиатрические больницы и так далее. Однако не видят, что действительное исцеление заложено в антропософски ориентированной духовной науке.

Одной типичной натурой является человек, достигший в новое время мировой славы. Это философ *Отто Вейнингер*. (1880-1903, философ. Книга «Пол и характер» появилась в Вене 1903- примеч. перев.) Не правда ли, Отто Вейнингер был человеком, в котором самым хаотическим образом, будучи неочищенным, дисгармоническим, проявлялось то, что заложено в нервах, мускулах, крови. Он написал затем книгу, ставшую всемирно знаменитой «Пол и характер», на которой попали впросак люди, которые попадают впросак на всем. Даже филистеры попали впросак; они не поняли, что, несмотря на все бессмыслицы, противоречия, это было идеей, откровением чего-то элементарного, исходящего из нервов, крови и мускулов. В таких людях выступает нечто элементарное, оно выступает из человеческого начала, выступает то, - хотя и в упорядоченном, гармоничном виде, - что хотела бы развивать духовная наука. Такие люди, - не будучи обучены посредством духовной науки, ибо в этом случае они получили бы регулярное обучение, - но лишь потому, что их нервы, их кровь, их мускулы требуют этого, должны ставить себе вопрос, который необходимым образом должно поставить себе сегодня человечество. Без этого вопроса человечество дальше не пойдёт. Он гласит: каким образом становлюсь я продолжателем моего духовно-душевного бытия от

последней смерти до этого рождения, когда я здесь через рождение или зачатие вступаю в физический мир? Такой и подобные вопросы, которые мы ставим в духовной науке, которые мы рассматриваем как основные вопросы прогрессивной духовной культуры, должны ставиться и будут ставиться теми, кто позволяет подниматься тому, что находится в нервах, крови и мускулах.

Видите ли, именно у Отто Вейнингера есть одна очень интересная глава. Он спрашивает себя: почему, в сущности, я втянут в земную жизнь? - И на этот вопрос он, исходя из того, что я только что характеризовал, из мудрости, заложенной в мускулах, крови и нервах даёт своеобразный ответ, однако в такой форме, которая изнуряет, сжигает человека. Он спрашивает себя: почему я вовлечен в земную жизнь из духовно-душевного мира, где я был раньше? - Он не находит иного ответа как следующий: «Поскольку я был труслив, малодушен, поскольку я не хотел оставаться один в духовно-душевном мире, я искал соединения с другими людьми. У меня не было мужества быть одному, я искал защиты в материнском теле. - Это для него было совершенно честным ответом, который он дал себе. Он спрашивает: почему у нас нет памяти о том, что было перед рождением? Потому что посредством рождения мы стали такими! - Буквально он говорит: потому что мы погрузились так глубоко, что потеряли сознание. Если бы человек не терял себя при рождении, ему не надо было бы искать себя и обретать вновь.

Это типичные явления: сегодня они выступают ещё спорадически. Они свойственны тем, кто в своей юности извлекает из крови, нервов и мускулов то, что могло бы расцвести только позднее в общем человеческом процессе, будучи прояснено, гармонизировано тем, что должна дать духовная наука. Однако на это должны быть по большому счету направлены интересы общей человеческой жизни. Тем самым должно быть устранено филистерство. Замыкание человека в круг узких интересов должно систематически преодолеваться. Некоторые вопросы должны принять совершенно иную форму, нежели имели они её до наших дней. Как религиозное развитие последнего тысячелетия подразделяло вопросы, которые хотя бы немного связывали человека со спиритуальностью? Один материалистически образованный, остроумный человек современности, занимавший высокое положение в известных кругах, сказал мне однажды: если сравнить государство с церковью, получаешь впечатление, что с церковью дело обстоит все же легче, чем с государством. - Я ничего не хочу говорить о ценности такого суждения, однако тот человек думал, что с церковью дело обстоит все же легче, чем с государством, ибо государство правит жизнью, а церковь -

смертью, и перед смертью люди имеют больше страха, чем перед жизнью: вот почему дело с церковью обстоит легче. – Он, конечно, рассматривал это как бессмыслицу, ибо был настроен всецело материалистически.

Но даже эта тема заведена, в сущности, в поистине эгоистический фарватер. В сущности, человек сегодня спрашивает: что происходит с моей душевно-духовной жизнью, когда я прохожу через врата смерти? – В этом заключено много эгоистических импульсов. Именно вопрос бессмертия приобретает под влиянием духовной науки совершенно другую форму. В будущем будут спрашивать не только: насколько духовно-душевная жизнь после смерти является продолжением жизни здесь на Земле? – но: насколько жизнь здесь на Земле является продолжением жизни, которую я вёл раньше в духовно-душевно-мире? – Тогда смогут заметить нечто такое, как следующее.

Когда человек проходит через врата смерти, у него в первое время очень сильно образуются имагинативные представления; весь окружающий образный мир имагинативно прокручивается перед ним. Мне хотелось бы назвать это развертыванием мира образов, мира картин. Вторая треть жизни между смертью и новым рождением заполняется инспирациями. Инспирации выступают в человеческой жизни во второй трети этой жизни между смертью и новым рождением. А интуиции в последней трети. Интуиции состоят в том, что человек со своим «я», со своим душевным началом перемещается, пересаживается в других существ, а конец этой интуиции состоит в том, что он перемещается в физическое тело. Это «пересаживание», «перемещение» себя в физическое тело посредством рождения является просто продолжением основной интуитивной жизни последней трети между рождением и смертью. Когда человек вступает в физическое тело, должно, в сущности, выступить то, что является особо характерной чертой у ребенка: перемещение себя в другую жизнь. Он должен делать то, что делают другие, не то, что происходит из него самого, нет, он должен имитировать, подражать тому, что делают другие.

Почему я должен был описать, – об этом я говорил в книге «Воспитание ребенка с точки зрения духовной науки», (том 34) что ребенок в первые семь лет является преимущественно имитатором, подражателем? Потому что подражание, перемещение себя в других является продолжением того интуитивного мира, который имеет место в последней трети жизни между смертью и новым рождением. Если человек осмысленно рассматривает жизнь ребенка здесь, он видит втекающую, просвечивающую сюда жизнь между смертью и новым рождением. Вопрос о бессмертии должен быть поставлен на следующую основу: насколько жизнь здесь на

Земле является продолжением душевно-духовной жизни? Но тогда надо также научиться принимать эту жизнь на Земле с особой серьёзностью, но не в эгоистическом смысле. Тогда человек будет, прежде всего, придерживаться чувства ответственности, которое возникает, если говорят: я должен здесь продолжать то, что предназначено мне вследствие того, что я принес с собой из душевно-духовного мира как наследство. – Это было бы необычным поворотом в понимании людей, если бы они стали говорить с этой другой точки зрения. Ибо то, что душа переживает между смертью и новым рождением, этот большой духовный круг, переживаемый в имажинации, инспирации и интуиции, там существует по эту сторону; а то, что мы переживаем здесь, там существует по ту сторону, является потусторонним. Желать понять эту потусторонность, оценить её, будет частью вновь формируемого вопроса о бессмертии, который должен войти в духовную эволюцию человечества менее эгоистичным образом, нежели делалось это в течение истекшего тысячелетия в религиозном развитии относительно вопроса о бессмертии. Я хотел описать такие вещи, чтобы показать, как должно человечество выходить из филистерства, чтобы показать, как не быть филистером. Человек не является филистером, если он может выйти за пределы узкого интереса, если его интересует и то, что человек здесь на Земле делает 25920 дыханий в день, что совпадает с числом дней человеческой жизни, а также с (числом лет) необходимыми для возвращения Солнца (точки весеннего равноденствия), которое оно выполняет, совершая оборот по космическому эллипсу. Расширить интересы за пределы того, что стало причиной забвения одного потока в немецкой духовной жизни, расширить интересы за пределы того, что по всей Земле конфигурировано в духе, того, что является основным тоном восточного, центрального, западного духовного развития. Интересоваться тем, как азиатское духовное развитие в некоторой степени зависимо от восточного потока, который приходит в упадок, становится декадентским на Западе, как центральное течение сначала зависело от юга, а в будущем будет зависеть от Севера. Эти вещи приводят нас к великому плану общечеловеческого развития, преодолению филистерства, правильно настраивают чувство по отношению к общечеловеческому развитию и учат нас по-настоящему сопереживать то, что живёт в человечестве как импульс.

Что касается воли: воля под действием материалистических импульсов тоже развивается совершенно определённым образом. Она развивается к тому, чтобы человек становился всё менее ловким, умелым, чтобы он даже в полном классическом смысле становился бы всё более и более неумелым, нерасторопным,

неловким. Что может человек сегодня? Нечто узкое, то, на что он натренирован, то, что ему предоставлено в малом кругу. То, что духовная наука развивает в понятиях в чувствах, в импульсах, доходит вплоть до членов тела. Если кто-либо действительно вживается в духовную науку, тот будет умелым, он будет подходить для своего окружения, он в ходе своей жизни будет учиться разным делам, о которых, когда он был ещё мал, говорили, будто бы у него нет ни малейших задатков к этому. Будучи схвачена правильно, духовная наука будет делать человека умелым. Сегодня люди даже в малом не проявляют умелости, смысленности. Знакомишься с людьми, которые не владеют никаким ручным ремеслом, ручными приемами; знакомишься с господами, которые не сумеют пришить себе пуговицу, если она оторвалась, и ещё менее могут сделать что-то другое. Но дело в том, что люди должны быть многосторонними, что они должны уметь приспособливаться к окружению, что эта обособленное бытие, эта неумелость, неловкость должна преодолеваться в мире.

Как ни странно это звучит, человечество в современности и для ближнего будущего имеет троичную задачу по отношению к мышлению, чувству и воле: непригодность должна быть преодолена, на её место должно вступить подвижное самообретение себя в отношении к миру, чтобы было преодолено филистерство, чтобы человеческое сердца охватили широкие, великодушные интересы, чтобы была преодолена неумелость и человек стал разумен, ловок, чтобы эта разумность проникла в самые разные области жизни. Учитесь понимать мир в самых разных областях жизни! Сегодня всё делается в прямом противоречии со всем указанным. Человек идет курсом неумелости, филистерства, ограниченности, и это необходимое последствие материалистического образа мыслей. Конечно, не каждый человек может, сломав ногу, самостоятельно вылечить её; однако неумелость не должна заходить столь далеко, чтобы каждый не имел понятия о том, как может он помочь себе в случае простейшего заболевания, или тому подобного. Разумное понимание, чтобы в самых разных положениях в жизни справляться с жизнью, не уступать её - вот в чём дело.

Разве с наступлением этого нового времени не было видно, как развивались дела? Кто с открытыми глазами задавался вопросами относительно явлений современности в последние десятилетия, тот со всей ясностью обнаруживает, что толково развивать мировоззрение, толково делать предметом своего рассмотрения мировоззренческие импульсы, удавалось только тем, кто в то же время имел волю развивать чисто материалистические мировоззренческие интересы, а именно, в области социализма. В

сущности, только там, где мир хотели реформировать в социалистическом смысле, ещё рассматривались мировоззренческие вопросы. Стоило подняться над социалистическим приливом, как обнаруживалось отсутствие интересов; в лучшем случае интересы клики, утверждение в старом, отжившем. Если человек верил, что он ухватывает что-то новое, то это оказывалось всего лишь абстрактными словами, отблесками вильсонизма, что особенно сильно бушевало во второй половине 19 века в так называемых либеральных партиях. Воли проникнуть в духовные, в спиритуальные импульсы мира, как хотел социализм проникнуть в материальное, такой воли не оказалось, не было. Тупость была, - в отношении духовного, - ограниченность начала проявляться, как нечто, само собой разумеющееся, ограниченность по большому счету; за вычетом исключений. О присутствующих мы тоже не говорим, отдавая дань вежливости.

Сопоставить эти явления и ответить на такие, поставленные сегодня вопросы в том смысле, в котором мы пытались отвечать на них сегодня, - есть, в сущности, одно и то же. Ибо большие дела связаны с этими вещами. На Востоке Европы мы видим, как, я бы сказал, наподобие экстракта готовится нечто такое, что Европа сегодня понимает страшно мало. Мы в нашей области часто указывали на эти эволюционные задатки этого европейского Востока. Этот европейский Восток, - сегодня я хочу высказаться в особой форме, - хочет научиться понимать, что вся человеческая жизнь имеет смысл! И если шестой послеатлантический культурный период наступит, этот европейский Восток должен будет показать в земном развитии, что человеческая жизнь имеет смысл; не считать правдой только то, что в молодые годы рассматривали в школе. Восток должен показать, что человек развивается вплоть до смерти, что каждый год приносит нечто новое, и что человек, проходя через врата смерти, и дальше остается связанным с земным, и набирает мудрость даже после смерти. Что, в сущности, хочет тот душевный элемент, который до недавнего времени можно было называть русским, который теперь временно впал в хаос, но найдёт свою дорогу в европейском культурном развитии, а тем самым в общечеловеческом культурном развитии? Чего же хочет этот элемент Востока?

Он хочет увидеть раскрывшийся смысл того, что вся человеческая жизнь должна пониматься в развитии, и что момент смерти является лишь особым моментом этого развития. В Средней Европе уже должны найтись сторонники и знатоки этого принципа, и они найдутся благодаря тем предпосылкам, о которых мы сообщаем здесь. Но пока этот принцип признают, всегда будут верить: чем младше человек, тем в большей степени он может

иметь свою точку зрения. – Юнцы, молодые «барсучки» и юные девицы уже имеют сегодня свои обособленные, прочные точки зрения. У них нет, в сущности, этой великой наполненности ожиданием, надеждой: что каждый год раскроет новые тайны, что момент смерти раскроет новые тайны. Европейский Восток развивает души, которые сегодня лишь в подсознании развивают понимание того, что человек является самым мудрым существом и лучше всего может судить о земных, человеческих отношениях, именно тогда, когда он умрёт. И из этих душ, живущих теперь на Востоке, будут формироваться такие, которые с вопросами о том, какие решения надо принимать по тем или иным человеческим проблемам, будут обращаться не только к тем, юнцам, тем молодым «барсучкам» в парламенте; нет, они будут также обращаться к умершим, они будут учиться устанавливать контакт с умершими и делать общение с умершими исключительно плодотворным здесь, в земном развитии. В будущем будут спрашивать: что говорят об этом умершие? – Будут находить спиритуальный путь, если настолько углубятся в духовную науку, чтобы спрашивать не только у живых, но и у умерших, когда речь пойдёт о том, чтобы принять решение относительно каких-либо человеческих дел здесь на Земле. Этого хочет Восток. Ещё никогда не сталкивались два начала, гармонирующие друг с другом хуже, нежели столкновение, которое сегодня происходит на европейском Востоке. Ибо то, что является душой этого европейского Востока, есть точная противоположность тому, что раздувается, как троцкизм или ленинизм, пусть даже сегодня на это накладывается сам себя не понимающий материализм современности. В общечеловеческой эволюции ещё никогда не сталкивалось друг с другом нечто, столь мало подходящее друг другу, как спиритуальный зародыш Востока и материалистический ленинизм, эта карикатура, эта разрушительная карикатура человеческого прогресса, которая не имеет ни понятия, ни чувства по отношению к истинно духовному, карикатура, столь понятная, однако из основного нерва современности. Будущее научит понимать это.

Вот то, мои дорогие друзья, что я хотел в качестве обобщения сказать вам в отношении таких вещей, интерес к которым должен зажечься в наших сердцах. Надо бороться за понимание некоторых вещей; нельзя оставаться глухим по отношению к тому, что в глубинном смысле происходит в душах. Это я хотел бы заложить в ваши души, в ваши сердца в ходе нашего совместного пребывания.

